

CA31

A35

11

Азербайджанские сказки

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ СКАЗКИ

К 83 Азербайджанские сказки. Б.: Гянджалик, 1987,
—160 стр.

В собранных в этой книжке азербайджанских народных сказках рассказывается об удивительных событиях. Прочитав их, вы узнаете, как бедный юноша-птицелов Ибрагим избавил народ от глупого падишаха и злого купца. Следуя за героем сказки „Всадник на белом коне“, вы увидите в саду у дива, обретете верных друзей-говорящую птицу, дива и коня, познакомитесь с мудрым старым садовником и доброй принцессой Бам, конечно, придется по душе маленький сирота Теймур из сказки „Кувой Джудфа“, перехитритесь не только злого купца, но и хитрого падишаха, и самого падишаха.

4353010200
К М653(12)-86 149—85

Аз 1

© Азернешр—1984

© Гянджалик—1987

ИБРАГИМ

Кто был, а кого и не было. Жили-были два соседа. Ахмед да Мамед. Сдружились они так крепко, что стали считать себя братьями. А были они купцами. И не нашлось в целом городе человека, который мог бы соперничать с ними. Всю торговлю держали они в своих руках.

Ширилось их дело день ото дня. Столько накопили они богатства, что земля под тяжестью его прогибалась. И не зная бы побратимам ни бед, ни печали, да только не было у них детей.

Однажды Мамед, не в силах усидеть в одиночестве дома, пришел к Ахмеду. Увидел тот, как тоскует Мамед, и спросил его:

— Что с тобой, брат? Может, понес какой убыток?
Горько вздохнул Мамед:

— Нет, брат, с торговлей-то все в порядке.

Понял, конечно, Ахмед, в чем дело. У него самого было такое же горе. Встали названные братья, оседлали коней, решили прогуляться немного, развеяться.

Пустились они в путь. Выбрались из города, ехали, ехали и доехали до одного родника. Спешились, чтобы умыться и передохнуть немного.

Только Мамед зачерпнул пригоршню студеной воды, едва наклонился к роднику и Ахмед, как выпрыгнуло из родника яблоко, красное-красное, и — прямо Ахмеду в руки. Оглянулись они, осмотрели все вокруг, искали откуда яблоко могло бы упасть, а возле родника не то что яблони — ни кустика, ни веточки не видать. Голо, пусто кругом.

— Откуда же свалилось яблоко? — Удивились братья. Думали, гадали, и наконец Ахмед сказал:

— Что бы ты, брат, ни говорил в этом яблоке — наше счастье. Видать, таится в нем наша судьба. Разделим-ка яблоко пополам, одну половину съешь ты с женой, другую — мы.

Сели братья на коней, пустились вскачь в город. Прискакали, разрезали яблоко на четыре равные части. Две дольки съел Мамед с женой, две дольки съел Ахмед с женой.

Шли дни, тянулись недели. Минуло девять месяцев. И вот у Ахмеда родился сын, а у Мамеда — дочь. И были дети похожи друг на друга, словно две половинки одного яблока. Устроили братья пышное угощение, созвали всех жителей города и тут же возвестили о помолвке своих детей.

Дети росли. Наняли для них родители лучших воспитателей и учителей. Так прожили обе семьи в дружбе и согласии еще пять лет.

Но вот однажды Ахмед заболел. Не помогли ему

ни врачи, ни лекарства. Умер он и, как говорится, подарил свою жизнь сыну — Ибрагиму.

Мамед после смерти Ахмеда перебрался в другой город, тяжело было оставаться ему тут, видеть вечно запертой лавку побратима. Распродал он все что можно, купил, что нужно в дороге, и отправился далеко-далеко. Открыл на новом месте лавку, снова принялся торговать.

Пусть Мамед пока занимается своей торговлей, а я вам тем временем расскажу о жене Ахмеда.

Осталась она вдовой, унаследовала от мужа все добро — богатство. Начали к ней женихи свататься. Проходу не дают. Что ни вечер, сватов засылают, в двери стучат, пороги обивают, ворота с петель срывают. Но не пошла она замуж ни за кого. Стала сына растить да воспитывать.

Вырос Ибрагим и таким стал юношей, что ни пить, ни есть, только бы сидеть да на него глядеть: красотой подобен Юсифу, силой — Рустаму¹, умом Логману². Исполнилось ему восемнадцать лет, открыла мать маленькую лавку, пристроила при ней сына. День за днем, месяц за месяцем, год за годом постигал Ибрагим искусство менялы. Настало время и превратился он в заправского купца.

Пошел Ибрагим по отцовской дороге, и не осталось вскоре ни одного торговца, который мог бы равняться с ним. Увидела это мать, передала Ибрагиму все золото, что оставил ей покойный Ахмед, и однажды сказала ему:

---

¹ Рустам-зал — легендарный богатырь, главное действующее лицо поэмы Фирдоуси «Шах-Намэ».

² Логман — легендарный врач и мудрец.

— Сыннок, далеко отсюда, в другом городе есть у тебя нареченная. Помолвили мы вас еще детьми. Сейчас она уже взрослая девушка, да и ты настоящий мужчина. Ступай-ка за ней и возвращайся с невестой. Написала мать два письма и наказала сыну:

— Одно, как найдешь Мамеда, сразу отдай, а другое — когда осмотришься.

Взял юноша много товаров, снарядил караван, отправился в путь. Долго ли шел караван, коротко ли — привал за привалом, перевал за перевалом, добрался наконец до тех мест, где поселился Мамед.

Расспросил Ибрагим горожан, узнал, где торгует купец Мамед. Вошел в лавку, поздоровался, подал дяде письмо, что мать написала, а сам стал почтительно в сторонке.

Прочитал Мамед письмо, поднял голову, взглянул на Ибрагима. Встретились их взоры, и покатались у Мамеда слезы из глаз. Кинулись они друг к другу, обнялись крепко названные племянник и дядя. И пошла у них беседа.

Слово за слово, рассказал Ибрагим, что приехал сюда дядю повидать да кое-какой товар распродать. А другое письмо, что мать прислала, Ибрагим пока не стал дяде показывать. Поднялся Мамед, направились они с Ибрагимом к караван-сараю, забрали выюки, перетасили в лавку, уселись торговать. Не прошло и нескольких часов, как сбыли они весь товар.

Наступил вечер. Пошли купцы домой. Жена Мамеда, как увидела Ибрагима, прижала к груди, будто родное дитя, приласкала, приголубила. Поужинали они, попили чаю, а как пришло время спать ложиться, достал Ибрагим второе письмо от матери и подал его дяде. Прочитал тот письмо, поглядел на Ибрагима и говорит:

— Это верно, сын мой, — вы помолвлены. Да только думаю я об этом с той минуты, как тебя увидел,

все думаю и надумать ничего не могу. Не знаю, что и сказать. Не повезло мне, не выпало такого счастья, как покойному побратиму. Не ровня тебе моя дочь.

— Почему же, дядя Мамед?

— Сынок, моя дочь слепа на один глаз и хромая. К тому же еще ряба и плешива. Не пара она такому красивому, умному юноше, как ты. В нашем городе много красивых девушек. Присмотрись к ним, облюбуй, какая понравится, — сам тебя на ней женю и свадьбу справлю.

— Нет, дядюшка, — сказал Ибрагим. — Твоя дочь — моя судьба. Я женюсь на ней. Не нужна мне никакая другая девушка.

Долго отговаривал Ибрагима дядя. Но чем дольше он его увещевал, тем тверже стоял юноша на своем. Волей-неволей пришлось согласиться Мамеду. Стали они к свадьбе готовиться. А Ибрагим поставил условие: сыграть его свадьбу и здесь и у матери в доме: пусть и она увидит, что сбылось ее желание.

Забили в бубны, затрубили в трубы — семь дней и семь ночей гулянье шло. Ели да пили, плясали да пели. Ввели, наконец, жениха в комнату невесты. Вошел Ибрагим, оглянулся, видит: такая красавица сидит, что ни в сказке сказать, ни пером описать — бела и ясна, словно полная луна. Не сказал ничего Ибрагим, повернулся и вышел.

Побежали люди, доложили Мамеду, что ушел Ибрагим от невесты.

Пришел к нему Мамед и спрашивает:

— Что случилось, сынок?

А Ибрагим отвечает:

— Что же ты сделал, дядя? Зачем ты так поступил? Говорил ведь я тебе: не нужна мне никакая иная невеста. Моя нареченная, пусть рябая да слепая, милее мне дочери самого падишаха.

Рассмеялся тогда дядюшка и говорит:

— Я решил испытать тебя, сынок. Ведь это и есть моя дочь, а твоя нареченная. Я нарочно говорил, что она некрасивая — хотел узнать, как ты поступишь.

Понял Ибрагим, что и впрямь испытывал его Мамед, и не знал, что делать от радости — будто снова появился на свет. Отправился он на базар, накупил товаров, что хорошо шли в его городе. А на одном из верблюдов устроил ковровый шатер, для своей нареченной, чтобы было ей удобно в дороге. Простился с отцом и матерью невесты, пора было в обратный путь трогаться. Прижал Мамед Ибрагима к груди, снял с себя пояс и протянул ему:

— На, сынок, надень. И никогда не снимай.

Подпоясался Ибрагим дядиным поясом, попрощался, и караван двинулся. Ехали они, ехали, а как стемнело — добрались до одного родника. Остановились, сняли выюки с животных, решили провести здесь ночь.

Уснули все, а Ибрагиму не спится. Оделся он, покинул шатер, пошел по стану. Ни месяца, ни звезд на небе, а вокруг — светлым-светло. Удивился он — что за чудо? Постоял немножко и видит: свет-то от его пояса исходит. Понял тут Ибрагим, что пояс у него не простой, а волшебный, и решил узнать, в чем его сила.

Распахнул Ибрагим верхнюю одежду, — все озарилось вокруг. В тот же миг задрожала земля, загремело небо, раздался такой страшный рев, что волосы у Ибрагима на голове дыбом встали! Глянул он и видит: несется на него див, да такой ужасный, что и сказать нельзя...

Подобрался Ибрагим, укрылся под чинарой, что рядом росла, обнажил меч и изготовился.

Приблизился к нему див и проревел:

— Да зарыдает мать на твоих поминках, Ибрагим! Ведь ты мой пояс украл! Уж сколько лет, как я его ищу!

Схватил див юношу за плечи, поднял, чтобы оземь ударить, да вывернулся Ибрагим. Отскочил, взмахнул

мечом и обрушил на дива такой удар, что тот грохнулся и дух испустил. Отсек тотчас Ибрагим диву голову, выкопал глубокую яму, сбросил ее туда и засыпал. А тело дива отволокло в сторону, закопал, все с землей сравнял, так, что и следа не осталось.

Кончил он со всем этим, обмыл в роднике лицо и руки и направился к шатру своей невесты. Пришел и видит, что не спит она, его дожидается. Уселись они рядышком и проговорили до рассвета. А на рассвете вышел Ибрагим из шатра, велел навьючить животных, и караван снова двинулся своим путем.

Миновал день — другой. И опять повстречался им родник. Увидел Ибрагим, что выбились из сил и мулы, и верблюды, и решил стать тут на ночлег.

Уснули все вновь, как и у первого родника, а Ибрагим поднялся, стал обходить стан. И опять, как и в ту ночь, в тот же самый час, затряслась земля, загрохотало небо, появился див, на этот раз еще страшнее — о трех головах! Не успел Ибрагим собраться с силами, как див так потрянул его за плечи, что юноша выронил меч.

— Да зарыдает мать на твоих поминках! — взревел див. — Из моих рук суждено тебе испить смертную чашу! Ты убил в ту ночь моего брата. За это я съем твоё мясо, выпью твою кровь!

Схватились они не на жизнь, а на смерть... Под утро с трудом одолел дива Ибрагим. Повалил он врага, поднял меч и с такой силой рубанул дива по шее, что все три его головы покатались прочь. Зарыл он их по рознь, обмылся в ручье и спокойно пошел к невесте.

На утро караван снова двинулся в путь и достиг, наконец, местности, от которой до родного города оставалось всего несколько агачей¹ пути. Здесь тоже журчал родник. Сделали путники привал, разбили лагерь.

---

¹ Агач — старинная мера длины (около 7 километров).

«Ну, если в эту ночь ничего не случится, значит больше беде не бывать», — решил про себя Ибрагим.

Как только все улеглись, пустился он в обход. Ходил он по лагерю до самого рассвета. Видит — все в порядке. Подождал еще немножко — нет, никто не явился, так и ночь прошла.

Успокоился тогда Ибрагим, пошел освежиться ключевой водой. Приблизился к роднику, снял одежду, пояс положил в сторонке, чтобы посветить, а сам вошел в воду.

Только окунулся, почудился ему шорох. Вынырнул тотчас, поднял голову и обомлел: какая-то птица схватила его пояс и стрелою взмыла вверх.

Выскочил из воды Ибрагим, накинул на себя платье, пустился за птицей бежать. Он по земле — она по небу, он бежит — она летит. Улетела птица, скрылась из виду.

Глянул Ибрагим: светло уже вокруг, солнце восходит. Повалился юноша на землю ничком, загоревал. Ох горе, горе, для того ли он ночей не спал, с дивами бился, пояс берег, чтобы какая-то птица его из-под самого носа утащила?!. Как теперь Ибрагим невесте на глаза покажется, что скажет он ей?!

Уже день занялся. Солнце пригрело. Поднял Ибрагим голову. Видит, находится он вблизи какого-то города. Поднялся, зашагал наудачу: будь, мол, что будет...

Пока Ибрагим шагает к городу, я расскажу вам, а вы послушайте про его невесту.

Долго ждала она, думала — вот придет Ибрагим, вот он сейчас покажется. Да не тут-то было. Ибрагима нет как нет, будто и не было вовсе. Не выдержала девушка, встала и пошла его искать.

Заглянула она поначалу в шатер его. Нет Ибрагима. Прошла по всему лагерю — не нашла его. Стала думать-гадать: что же стряслось с женихом?

Шла она, теряясь в догадках, и пришла к роднику. Видит — лежит обувь Ибрагима, папаха его, а самого нет. Подняла жениховы вещи, еще раз осмотрела внимательно и заметила: ведут следы Ибрагима далеко-далеко, в глухую степь. И подумала девушка: если люди в караване узнают, что хозяина нет, а невеста его осталась одна, кто знает, как они поступят с ней?

Прибежала она быстро в шатер Ибрагима, раскрыла один из вьюков, достала из него мужскую одежду и пошла к себе. Переделалась в женихово платье, взглянула в зеркало и сама удивилась: ни дать, ни взять — Ибрагим. Схожа она с ним, будто две половинки одного яблока. Только глаза у Ибрагима черные, а у нее — голубые.

Зажгла девушка кусочек ваты, а потом провела черной копотью по глазам, глянула в зеркало: нет, все же непохоже. И решила она: лучше всего прикрыть глаза повязкой. Сказано — сделано. Повязала глаза, пробралась в шатер Ибрагима, легла, стала ждать.

Проснулись все, поднялся лагерь, навьючили животных, один из слуг заглянул в шатер Ибрагима, видит — лежит хозяин, спит, наверно.

Стал слуга будить его:

— Вставай, господин, солнце высоко, пора в путь.

Поднялась девушка, ничего не говоря, вышла из шатра. Подвели ей коня Ибрагима. Вскочила она в седло. Тронулся в путь караван.

Слуги смотрят: у хозяина на глазах повязка, спрашивают:

— Что с тобой, господин?

А девушка отвечает, изменив голос:

— Соринка попала ночью у родника.

Так, шаг за шагом, день за днем, добрались они в конце концов до города, где жил Ибрагим. Говорит девушка слугам:

— Не могу я открыть глаз, ведите караван прямо к дому.

Домчалась до матери Ибрагима радостная весть: сын ее возвращается! Выбежала она навстречу, видит: у сына на глазах повязка. Встревожилась, обняла его, прижала к груди, спрашивает:

— Сыночек мой, родименький, что у тебя с глазами?

— Ничего, мама, соринка попала.

Вошли они в дом.

Пусть слуги пока развьючивают караван, а я тем временем расскажу о матери Ибрагима.

Кинулась она к шатру — паланкину, заглянула внутрь, — пуст.

Вернулась домой:

— Где же, сынок, невеста твоя?

А девушка в ответ:

— Какая-токая невеста?! Послала ты меня за хромой, слепой, да лысой страхолюдиной — женись, мол, помолвлены вы. Разве на ней свет клином сошелся? Неужто больше и девушек нет на всем белом свете?!

Растревожилась мать:

— Да ты толком скажи, сынок, что случилось? Какая хромая? Какая слепая? Ничего не пойму.

Стала девушка рассказывать:

— У дяди моего есть дочь — хромоножка, слепая на один глаз и такая рябая — как арбузная корка, которую исклевали куры: мешок проса насыпь ей на лицо — ни одно зернышко не скатится на землю. И при том еще и плешивая.

Задумалась мать, приставила палец ко лбу.

— Нет, говорит, дитя мое, тут что-то не так. Видно, не хотел дядя свою дочь за тебя отдавать. Я-то точно знаю, что не может у нее быть ни парши на голове, ни рябинок на лице. Она должна быть такая красавица, что луне да солнцу подстать. Что же вдруг

приключилось с ней?!. Тут хитрость какая-то. Тебя обманули.

— Как бы то ни было, — отвечает ей девушка, — но не взял я ее. Отказался. Лучше здесь женюсь.

Поели они, попили, и говорит Ибрагиму мать:

— Ну, иди, дитя мое, к себе, ложись, отдохни: устал ты с дороги.

А куда идти девушке? Откуда знать ей, где комната Ибрагима?

— Мама, — говорит она. — Не могу я раскрыть глаз. Проводи меня.

Взяла женщина ее за руку, провела в комнату. А как вышла, заперлась девушка, разделась, легла спать. Встала рано, снова повязала глаза, попила чаю, кликнула слугу:

— Ну-ка, идем в лавку!

Взял слуга девушку за руку, вывел на улицу, довел до лавки. Вошла она, разобрала товар, приподняла немного повязку с глаз, начала торговать.

В полдень девушка прошла по базару, заглянула к торговцу, купила у него сурьмы, вернулась к себе в лавку, притворила двери и насурьмила глаза. Видит: почернели они, но все же не такие черные, как у Ибрагима.

Не хотела девушка ни о чем говорить матери Ибрагима, думала — не переживет женщина, если узнает, что пропал ее любимый сын.

Закрыла невеста вечером лавку, направилась домой. А дорогу она еще утром украдкой запомнила. Дошла до дому. Мать выбежала, как всегда, навстречу. Вгляделась повнимательнее, удивляется: глаза-то у сына вроде поголубели. Но молчит: сдается ей, не в духе сын.

Словом, стала девушка вести все ибрагимовы дела. Торговлю его еще больше расширила, еще большего почета достигла. Никто с ней спорить не мог.

Пусть она пока вершит торговые дела, а я вам поведаю о женихе ее — Ибрагиме.

Оставили мы Ибрагима в дороге. Шел он в город, думал горькую думу. Добрался, бедняга, видит — на самой окраине маленькая лачуга стоит. Вошел в нее, глянул: сидит старуха, печет в тендире¹ чурек. А дым такой, что слеза прошибает.

Поздоровался Ибрагим:

— Салам-алейкум!

— Алейкес- салам, — отвечает старуха.

Выбрала она место получше, бросила Ибрагиму тюфячок:

— Садись.

Уселся Ибрагим. Видит старуха: очень печален он, спрашивает:

— Что с тобой, о, юноша, погруженный в пучину горя? Расскажи, может сумею пособить тебе чем-нибудь?

Поведал Ибрагим о том, что приключилось с ним.

— Сын мой, — говорит старуха, — твой пояс унесла семикрылая ведьма.

— А кто она такая — семикрылая ведьма?

— Эта ведьма обитает на горе Энбергюх, — отвечает старуха. — И добраться до нее — дело трудное. Не каждому оно по плечу. Идти туда — значит с жизнью проститься: живым оттуда не возвращался еще никто. Но я тебе открою тайну...

— Скорее, бабушка, — торопит ее Ибрагим. — Скорее, молю тебя!

— Сынок, я тебе скажу все, но помни, — предупреждает старуха: даже зная эту тайну, одолеть ведьму сумеет только редкий храбрец.

— Ты только Расскажи мне все, — уговаривает ее Ибрагим, — а насчет остального — не твоя печаль.

---

¹ Тендир — яма, вырытая в земле, со стенками из особой глины. В тендире пекут хлеб.

— Ну, так слушай внимательно, сынок, — отвечает старуха. — Есть у этой ведьмы огромный котел. Развела она под ним страшный костер. День и ночь горит он адским огнем. И чтобы подступиться к ней, надо прежде суметь погасить под котлом это пламя. А теперь я научу тебя, как победить огонь.

До котла того отсюда — семь месяцев пути. Когда останется последних десять дней, идти тебе будет невозможно. Пламенем начнет опалать тебя, жаром душить. Но ты иди и не смей возвращаться, понял, сынок?

— Понял, бабушка, понял.

— Слушай дальше. По правую сторону от котла, в расселине скалы, на круче растет яблоня, а на ней — одно-единственное яблоко. Ты должен сбить его на землю. Собьешь яблоко — погаснет огонь, не собьешь — явится ведьма и тебя самого в котел бросит. Но и это не все. Если ты сумеешь сбить с дерева яблоко — жди нападения со всех сторон. Будь готов к любой опасности и не дай себя обмануть.

Поднялся Ибрагим, поблагодарил старуху, дал ей немного денег, спросил дорогу и зашагал.

Пока он в пути, я вам расскажу о его невесте, то есть о нашем мнимом Ибрагиме.

Девушка вела дела разумно и вскоре переманила всех покупателей. Лавки других купцов пустеют, а в ибрагимовой лавке народу полным-полно. Такую он добрую славу завоевал, какой до него ни один купец не видывал.

Дошла молва о молодом, обходительном и сноровистом купце до ушей дарги — начальника стражи торговых рядов. Устроил дарга угощение, пригласил его к себе.

Видно, по душе пришелся дарге молодой купец. Усадил он его на почетное место — рядом с собою, побеседовал с ним о том, о сем.

Кончился званый обед, вернулся наш «Ибрагим» домой. Минуло два-три дня, и снова зовет дарга Ибрагима в гости.

Улучил он минуту и повел с гостем такую речь: так, мол, и так, хочу я сам тебя женить. Не дам, дескать, тебе, такому молодому, ошибиться в выборе невесты.

Что ему невеста Ибрагима могла ответить? Пришла домой, а сама думает: вдруг взаправду начнет дарга невест ей сватать? Что тогда ей делать?

Так бедная девушка и не сомкнула глаз до самого утра.

Забрезжил рассвет — она уже у лавки. Слышит: сосед ее еще раньше пришел, лавку открыл, товар раскладывает.

Только зашла девушка в лавку — входит следом сосед, дверь прикрывает, садится.

— Отцами сложена пословица: близкий сосед лучше дальней родни. Вот уж несколько месяцев, как соседи мы, лавки наши рядышком стоят. До сих пор, слава богу, не ссорились, ни разу не обидели друг друга. Наоборот, старались всегда один другому помочь. А теперь пришел я к тебе по важному делу. Не знаю лишь, говорить о нем или не говорить?

— Что это за слова, сосед? — отвечает ему девушка. — Что значит: «говорить или не говорить»? Я слушаю тебя. Говори откровенно.

Потупился сосед, задумался. Наконец, решился:

— Мы с тобой, конечно, соседствуем не так уж давно. Ведь я приехал сюда и открыл тут лавку, когда ты ездил к своему дяде. И познакомились мы с тобой после твоего возвращения. Вот я и хочу, чтобы мы оставались друзьями, чтобы дружба наша крепла, а не обратилась во вражду.

— Боже упаси! — воскликнула девушка. — О какой вражде может идти речь!

А ты слушай, — отвечает сосед. Только дай

прежде слово, что никому о моей просьбе не скажешь ни слова. Пусть разговор наш останется между нами.

— Хорошо, — говорит девушка.

И начал сосед свой рассказ:

— Два дня спустя после того, как я перебрался в ваш город и открыл свою лавку, падишах сместил здесь прежнего даргу и прислал вместо него теперешнего — того самого, у которого ты успел дважды побывать в гостях. Меня на этих пиршествах не было. Но я бывал у него в доме несколько раз до твоего возвращения. И прослышал я, что вчера дарга говорил тебе те же слова, с которыми не так давно обращался ко мне.

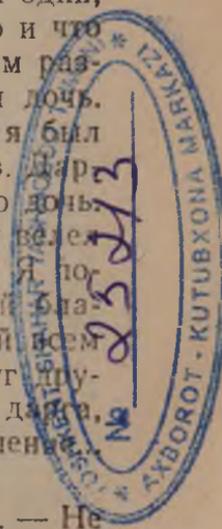
— С какими же словами обращался к тебе дарга?

— Он прочил меня в женихи своей дочери.

Только хотела девушка раскрыть рот, как сосед перебил ее:

— Знаю, ты спросишь сейчас, откуда мне может быть известно, о чем дарга говорил с тобой наедине. Скажу тебе и об этом. А когда уйду, ты посиди один, взвесь все, отмерь сто раз, обдумай хорошенько и что надумаешь — скажешь мне. О вашем вчерашнем разговоре с даргой сообщила мне его собственная дочь. Да будет тебе ведомо, до твоего возвращения я был тут самым молодым и самым богатым из купцов. Дарга знал об этом и надумал выдать за меня свою дочь. Поэтому приглашал он меня в гости. А однажды велел зайти к его дочери — показать ей бриллианты. Я пошел. Дочь его оказалась такой красивой, такой городской, что я полюбил ее и привязался к ней всем сердцем. И она меня полюбила... Дали мы друг другу сердечную клятву. Но вернулся ты. Увидел дарга, что есть жених побогаче меня и изменил свое решение. Вот я и прошу тебя теперь...

— Довольно, сосед! — прервала его девушка. — Не говори больше ни о чем Давсийонимай, и вот мое сло-

но: девушка эта — твоя, а ты — ее. Вы принадлежите друг другу.

Ничего не сказал сосед, только глянул с благодарностью, тихо встал и ушел. А девушка наша задумалась: «Значит у дочери дарги есть возлюбленный? Ну, что же, надо принять их сторону, действовать с влюбленными заодно».

И как раз в эту минуту показался в дверях лавки стражник:

— Дарга велит принести самые лучшие драгоценности; дочь его желает себе кое-что выбрать.

Невеста Ибрагима обещала выполнить пожелание дарги. Стражник ушел.

Она побежала в лавку соседа и все ему рассказала.

— Я понесу сейчас дочери дарги драгоценности, а там постараюсь улучшить минуту, дам знать ей о нашем с тобой уговоре. Скажу ей, пусть тоже старается придумать что-нибудь. Мы должны повести это дело так, чтобы не проиграть его. Не то дарга в два счета расправится и с тобой и со мной: от человека, который родную дочь продает за бриллианты да золото, любого зла можно ждать.

Короче, набрал наш «Ибрагим» шкатулку дорогих бриллиантов, колец, серег и предстал перед взором господина дарги. Кликнул тот служанку, велел ей провести купца к дочери.

И говорит «купцу»:

— Пусть выберет она там, что понравится, а ты зайди потом ко мне, потолкуем кое о чем за чаем.

Повела служанка девушку к своей госпоже. А девушка, хоть и не перекинулась со служанкой ни словечком, но по виду ее, по выражению лица догадалась, что она на стороне не дарги, а его дочери. Это ее обрадовало.

Из комнаты в комнату, из покоев в покои — пришли они к госпоже. Видит наша гостья, сидит дочь

дарги, ждет, а сама укуталась в чадру и лицо вуалью закрыла.

Указала госпожа гостье место. Та села, раскрыла шкатулку, разложила перед хозяйкой перстни, кольца, серьги, браслеты, ожерелья бриллиантовые. Дочь дарги ни до чего не дотронулась да только видно: понравилось ей драгоценное кольцо, и еще поясок золотой — взора от них девушка отвести не может.

А сама говорит:

— Есть у тебя такой сосед по лавке — ювелир Ахмед. Знаешь ты его?

— Знаю, — отвечает наша девушка.

Выпростала дочь дарги из-под чадры руку:

— Видишь? Вот это кольцо принес мне он. Гляди: чистой воды бриллианты. А твои камни — тусклые, словно грязное стекло.

Уж кто-кто, а наша девушка знала толк в драгоценностях. Сравнила она краем глаза кольцо — Ахмеда и свое, видит: перстень, что она принесла, во сто крат дороже. Смекнула — нарочно так говорит дочь дарги, дает понять, что кольцо, которое надел ей на палец Ахмед, ценнее для нее всех драгоценностей и колец в мире.

Показала потом хозяйка на поясок, который лежал перед ней:

— И этот ничего не стоит в сравнении с тем, что приносил мне Ахмед. Нет, не могла бы я подпоясаться твоим поясом: больно ненадежен он. Да и поступки твои мне не нравятся. Ну что с того, что ты богатый купец? Разве к лицу соседу вероломство?

— Нет, ханум, — обращается к дочери дарги гостья. — Я не из тех, что способны на измену. Перед тем как идти сюда, говорили мы с соседом. Он мне все чистосердечно рассказал. Поверь, ханум, больше всего я желаю, чтобы кольцо Ахмеда всегда оставалось на твоей руке, а пояс его — украшал твой стан.

— Тогда чего же ради явился ты сюда со своими собрикушками? На что мне они? — недоверчиво спросила дочь дарги.

— Ханум, — отвечает ей наша девушка. — Твой отец задумал выдать тебя за меня. Я знаю об этом. Знает и купец Ахмед, знаешь и ты — к чему скрывать? И если я осмелюсь послушаться даргу — сама знаешь, он погубит и меня, и Ахмеда, и, может быть, даже тебя. Мы все втроем так должны повести дело, чтобы выиграть его.

Короче говоря, все трое соединили свои усилия. Но ни молодой купец Ахмед, ни возлюбленная его — дочь дарги не подозревали, что их верный друг — не юноша, а девушка.

Пусть они договариваются, а мы пока поглядим, что подельывает настоящий Ибрагим.

Оставили мы его в начале пути, когда выведал юноша у старухи тайну горы Энбергюх и направился туда за поясом, который похитила у него семикрылая ведьма.

Запахнулся Ибрагим потуже, застегнулся покрепче — и отправился в путь-дорогу! Ветром по долам, потокам по холмам, лавиной по горам идет Ибрагим, идет, стремится к Энбергюху...

Вот вышел он на равнину; душно в ней, жаром обдает его, дыханье спирает — с каждым шагом все горячее да горячее. Вот уж вихрь огненный впереди обжигает путника, пламенем опалает... совсем уж невтерпеж стало. Понял Ибрагим — права была старуха. Подался вперед еще немножко — ноги не слушаются...

Разодрал он одежду на груди, стиснул зубы, зажмурился, бросился вперед: будь что будет!

...Градом льется пот с Ибрагима, катится в сорок ручьев, а юноша все идет, идет — нет ему пути назад.

Еще шаг, еще один, еще... чувствует Ибрагим: вроде спадает жара...

Смекнул Ибрагим, что миновал первое препятствие, о котором говорила ему старуха. А вот и костер — полнеба огнем застилает, кольцами дым завивает. Над костром котел висится, точь в точь такой, как старуха сказывала — большущий-пребольшущий, грохочет-клокочет, гудит-бурлит.

Воспрянул духом юноша, устремился к костру, а приблизился — обошел его справа, как старуха учила, видит: яблоня в расселине растет, на яблоне — яблоко, красное-красное.

Выхватил Ибрагим меч, бросился к скалам, подскокнул, что было силы, вверх, взмахнул мечом — сбил с ветки яблоко!

Разлетелось оно вополом, упали половинки на землю. В тот же миг забушевал, взметнулся ввысь столб пламени, все кругом дымом застлало.

Ухнула земля, словно раскололась на куски. Померещилось Ибрагиму: конец света. Только видит вдруг: ринулись на него со всех сторон дивы, драконы, страшные змеи ползут.

Прислонился Ибрагим спиной к скале, покрепче сжал в руке меч и принял бой. С яростным кличем принялся он рассыпать удары. Закипела схватка, забушевала, полегли чудища вокруг. Видит Ибрагим: дракон нацелился на него, вот-вот стозубой пастью схватит его, растерзает. Не растерялся юноша, вовремя увернулся, вонзил меч дракону под левое ребро. Брызнула из раны кровь, заревел дракон — мороз побежал по коже у Ибрагима от жуткого рева. Зажмурился наш молодец. А когда открыл глаза — что такое? Нет ни дракона, ни дивов, ни чудовища; ни котла, ни костра. Тихо-тихо кругом. Бьет из земли родник, журчит, звенит. А в том месте, где ключ ручьем разливается — плот. На плоту — заветный пояс.

Кинулся Ибрагим к ручью, прыгнул на плот. Только протянул руку — пояс взять, да не тут-то было!

Чья-то хищная когтистая лапа сзади схватила юношу за плечо, и взмыл он вверх. Поднял Ибрагим голову, а перед ним ведьма семикрылая — нижней губой землю метет, верхней губой — небо скребет. — И понесла ведьма юношу под самые облака.

«Пробил мой смертный час, — думает Ибрагим, — видно, так уж у меня на роду написано». Закрыв глаза, затаил дыхание — вот-вот она его отсюда сбросит вниз. А ведьма семикрылая подняла его выше облаков и говорит:

— Да облачится твоя мать в траур, Ибрагим! Мало того, что украл ты пояс у моего сына, мало того, что ты отнял у него жизнь, мало того, что ты убил еще и другого моего сына, ты осмелился вдобавок потушить мой костер! Не чаяла я тебя и в небе поймать, а ты на земле мне в руки попался. Ты, я вижу, храбрый парень. Выбирай: либо выручи меня из беды, либо сброшу тебя вниз головой.

— А что это за беда такая? — спрашивает Ибрагим.

— Есть у меня лютый враг — белый див. Отравил он мне всю жизнь. Свет не мил мне из-за него. Не в силах я сама с ним справиться, но знаю: смерть ему грозит лишь от рук того, кто может костер мой погасить. Ты погасил мой костер, ты один только и способен с белым дивом сразиться. Убьешь его — отдам тебе пояс, и самого на родину доставлю. Нет — погибнешь от моих рук.

— Хорошо, — промолвил Ибрагим. — Сражусь с твоим врагом. Согласен.

Взяла его колдунья на одно из крыльев, поднялась выше самых высоких туч, унесла далеко-далеко на восток.

Долго ли летели они, коротко ли — откуда знать Ибрагиму?

Да только вдруг колдунья говорит:

— Гляди, Ибрагим, вон он — белый див движется. Глянул Ибрагим вниз — обомлел от страха. Не див — огромная белая гора по земле идет.

Колдунья пролетела дальше, опустилась на окраине города и говорит:

— Белый див живет в пещере под горой. Там ты его и найдешь.

Сказала это, взмахнула всеми семью крылами, унеслась.

Понурил Ибрагим голову, побрел в сторону города. Опустились сумерки, стемнело — хоть глаз выколи. Куда пойдешь в такую ночь?

Постучался юноша в первую попавшуюся дверь. Вышел из дверей белобородый старик. Ибрагим поклонился:

— Салам-алейкум. Не примете ли гостя? — спрашивает.

А старик отвечает:

— Да разрушится дом, где не бывает гостей. Милости прошу.

Ввел старик гостя в дом. Встретил здесь Ибрагима юноша, поднялся учтиво, приветствовал его, пригласил сесть. Уселись все трое.

Стал спрашивать старик, чей родом Ибрагим, откуда он, куда путь держит. Все рассказал Ибрагим, что пришлось ему перенести, не сказал только, для чего он здесь появился.

Старик спрашивает, Ибрагим отвечает, а юноша, который с ними сидит, слушает да вздыхает.

Не выдержал Ибрагим:

— Я все рассказал. Позволь мне спросить, почему ты так печален, что так горько вздыхаешь?

Снова вздохнул юноша:

— И мне пришлось перенести почти то же, что и тебе. В одном только разница: ты храбрее меня.

Встал тут старик и говорит:

— В самый раз нашли вы друг друга. Побеседуйте пока, а я пойду приготовлю поесть-попить.

Прошел старик в другую комнату. А юноша устроился поудобнее и начал свой рассказ:

— Я тоже, как и ты, сын богатого купца. Родился я далеко отсюда. А несколькими годами позже у дяди моего, который жил здесь, в этом городе, появилась на свет дочь. Нас сразу помолвили.

Учиться отец меня отдал самому знаменитому в наших краях мудрецу. Мудрец этот учил меня поемногу тому, что сам знал. А знал он, видимо, много. Только женщин учитель мой терпеть не мог. «Женщина — трусливое, вероломное, хитрое, злое существо, — поучал он. — От женщины никогда не жди добра». Учитель столько раз повторял эту мысль, пока не внушил ее и мне. И я возненавидел женщины, стал избегать и презирать их.

Ничто не вечно на этой бренной земле. Умер мой отец. Но мудрец научил меня только книги читать да вино пить. И больше ничему не обучил. Сколько ни старалась мать, сколько ни билась она, чтобы я купцом сделался, либо иным каким ремеслом занялся — ничего не добилась. Друзья-приятели вконец сбили меня с толку. Что ни день — веселье, что ни ночь — вино да песни. Стало потихоньку да помаленьку уплывать мое богатство из рук.

Не пережила этого мать, отдала богу душу. Прослышав о беде, приехал дядя. Как ни стремился он наставить меня на путь истинный — ничего не вышло: учитель мой в свое время еще более стараний вложил, дабы внушить мне мысль, что мир этот — изменчив, а женщины — непостоянны, как мир. Напомнил мне дядя: дескать, помолвлены мы с его дочерью. Но я стоял на своем.

Уехал дядя ни с чем. За несколько лет пропили мы с приятелями все наследство. Стал я нуждаться в хлебе насущном. Все отвернулись от меня. Продал я за

бесценую последнюю одежонку, напился пьяным, забрел вечером на кладбище. Отыскал могилу отца, чтобы проститься с ним навеки здесь, на земле, перед встречей на том свете. Наплакался я вволю, вытащил кинжал и уже замахнулся, чтобы в сердце себе вонзить, как чья-то сильная рука крепко ухватила меня сзади за локоть.

Рванулся я, напрягся, но вырваться сил не хватило. Оглянулся, вижу кто-то в черном стоит. Замахнулся я было на него, но такую пощечину получил, что полетел я кувырком, распластался и лежу. А когда открыл глаза, увидел себя уже здесь, вот в этой самой комнате, где мы сейчас с тобой сидим. Смотрю: старик наш надо мной склонился.

Спрашиваю:

— Где я? Кто меня сюда принес?

А старик объясняет:

— Это дом твоей двоюродной сестры. И принесла тебя сюда она сама.

Как раз в эту минуту открывается дверь, входит некто в черном. Я, конечно, сразу узнал: это он, а точнее — она схватила меня за руку, тогда на могиле отца.

Женщина в черном с достоинством подходит ко мне, садится рядом на скамеечку и говорит: «Да будет тебе известно, что я — дочь твоего дяди, твоя двоюродная сестра». И с этими словами достает мой кинжал и бросает его на пол. Я тут же вспомнил: на кладбище в тот вечер была луна, и при лунном свете мне бросился в глаза бриллиантовый перстень, сверкнувший на пальце руки, хлестнувшей меня по щеке.

Двоюродная сестра посидела, помолчала немного, а потом сказала:

— Ты отверг меня, когда мой отец, а твой дядя приезжал за тобой, уговаривал тебя жениться на мне. Ты ответил, тогда, что все женщины — вероломные, робкие, глупые существа. И что женщина — причина

всех зол. Отец тогда не перенес твоих слов. Он умер. Среди тех, с кем водился ты, не было ни одной женщины. Вокруг тебя были только мужчины, как ты считал — такие же умные, смелые, преданные, как ты сам. И что же? Вот до чего довели они тебя.

Я готов был со стыда провалиться сквозь землю. А двоюродная сестра моя продолжала, указывая на старика:

— Этот человек выпестовал, вырастил в свое время наших отцов — твоего и моего. Потом он нянчил меня. И теперь все свое добро-богатство передала я в его руки. Днем ты станешь ходить с ним вместе в лавку, вечером — с ним же вместе возвращаться домой. Я переезжаю в другой город. Но всегда буду справляться о вас. Если вновь примешься за старое — то, клянусь духом покойных отцов — и твоего, и моего, — не дам запятнать честь нашего с тобою рода: той же самой рукой, которой вызволила тебя из объятий смерти, отправлю тебя к праотцам!

Сказав это, она поднялась и вышла. Кинжал остался. Но что кинжал? Слова ее кололи острее кинжала.

Спустя несколько дней я встал на ноги. Все время, пока я лежал, старик не оставлял меня одного. И после этого он, как велела двоюродная сестра, уводил меня утром в лавку, и мы возвращались с ним под вечер. А по ночам он рассказывал мне о том, что успел повидать за свою долгую жизнь.

Прошло еще некоторое время, и у нас остановился красивый молодой человек. Старик объяснил мне, что это сын его сестры, большой любитель охоты. Неделями, месяцами, оказывается, бродил он по горам и долам. А как возвращался в город — все время проводил у нас. Я рассказывал старику и его племяннику о том, что вычитал в книгах, они делились со мной пережитым.

Однажды вечером, когда мы, сидя дома, коротали время вдвоем со стариком, отворилась дверь, на пороге показалась моя бывшая нареченная. Она была все в том же черном одеянии, с вуалью на лице. Словно какая-то неведомая сила заставила меня вскочить с места. Я почтительно приветствовал двоюродную сестру. Та прошла и села.

— Спасибо тебе, дядюшка! — обратилась она к старику. — Ты вырастил, воспитал отца и дочь. А теперь учишь уму-разуму двоюродного брата моего.

Старик ничего не ответил.

— И тебе спасибо за то, что чтишь совет дядюшки, — продолжала девушка, обращаясь ко мне. — Скажи-ка, братец, а что ты теперь думаешь о женщинах? Не изменил своего мнения о них?

Я смутился, покраснел.

— Вы доказали мне, что среди женщин, как и среди мужчин, есть плохие, но есть и очень хорошие, — ответил я. — А доказательство такое убедительное, что спорить не приходится, ибо есть хорошая женщина — вы, и есть плохой мужчина — я.

Двоюродная сестра рассмеялась. Дядюшка принялся хвалить меня.

— Знаешь, что? — говорит он девушке. — Было бы твое согласие — женили бы мы твоего брата.

А девушка отвечает:

— Дело ваше. Хотите — жените. Я всегда готова справить ему свадьбу.

Она поднялась и ушла. А я сказал старику:

— Ведь у меня нареченная есть.

А он будто не понял, о чем я речь веду.

— Кто же, — спрашивает, — твоя нареченная?

— Да она же сама. Мы еще с детства с ней помолвлены.

И отвечает мне старик:

— Замужем она...

— Об остальном, Ибрагим, я тебе расскажу покороче: время позднее, а тебе с дороги передохнуть надо. И так, — продолжил свой рассказ юноша, — дом у нас очень большой. Одна половина принадлежит нам, другая — чужая. По ту сторону дома есть улица. Раз-другой провел старик меня по той улице, и заметил я однажды в окне девушку, писаную красавицу.

Увидел я ее — словно к земле прирос. Нет, не потому только, что приглянулась она мне. Была еще одна причина: девушка поправляла занавеску на окне, и на пальце ее сверкнуло кольцо, очень уж похожее на кольцо моей двоюродной сестры. Да и сама она немного на нее походила. А еще больше — на кого бы ты думал? — на племянника старика, с которым мы долгие вечера коротали.

Девушка быстро занавеску задернула. Вижу: старик тоже вроде успел заприметить ее. Спрашиваю:

— Дядюшка, кто это?

А он:

— Соседка. Что, нравится тебе?

— Очень, — говорю.

Огляделся старик — не слышит ли нас кто, шепчет мне в ухо:

— Не проговоришь об этом ни двоюродной сестре, ни племяннику моему, пусть между нами будет: согласен я, чтобы женился ты на этой соседке. Очень она хорошая девушка. Я завтра пошлю за сестрицей твоей, пусть придет, потолкуем. Да только не даст согласия она. И племянник мой против будет. Но ты крепко стой на своем. Так прямо и говори: либо на этой девушке, либо, мол, вовсе ни на ком не женюсь.

— Хорошо, — говорю. Только почему же не согласится двоюродная сестра моя и твой племянник? Им-то что?

— Это тайна, — отвечает старик.

— Что за тайна? Нельзя ли раскрыть ее?

— Нет, — говорит, — сейчас нельзя.

— А когда можно?

— После свадьбы твоей.

В тот же день старик послал за двоюродной сестрой. Вечером племянник его пришел, стал отговаривать меня от женитьбы. Долго он отговаривал, да не послушался я его.

А наутро приехала двоюродная сестра. И до самой полночи проговорили мы с ней.

Спорили, спорили, и не выдержал я:

— Я к вам в услужение не нанимался, чтобы все за меня решали. Есть на моей совести грехи, не спору, но вы-то сами худший поступок совершили: нареченного своего бросили, за другого замуж пошли!

Тут уже ничего она сказать не могла. Поднялась уйти, а старик еще раньше вскочил на ноги:

— Стой! — кричит. — Садитесь оба. Имею и я какое-то право хоть слово в этом доме молвить, или нет уже у меня никаких прав? Знайте же: либо оба должны вы сейчас со мною согласиться, либо ноги моей больше здесь не будет!

Видим мы, плохо дело. Крепко рассердился старик. Сидим поэтому да помалкиваем оба.

А старик продолжает:

— Это я посоветовал ему жениться на девушке, что по соседству с нами живет. Я даже нарочно водил его несколько дней по той улице, чтобы показать ее ему.

Тут двоюродная сестра снова хотела сказать что-то, но старик опять перебил ее:

— погоди! Попробуй только — раскрой рот, скажи хоть слово поперек моего — ни минуты не останусь больше тут.

А потом обернулся ко мне и говорит:

— Сынок, услышь и знай: твоя двоюродная сест-

ра — это и есть мой племянник. Она же — и девушка, которая так понравилась тебе. И вовсе она не замужем.

Сказал старик, снял с лица двоюродной сестры черное покрывало, отбросил его прочь. Оказывается, с нашей стороны дома был ход на ту половину. И двоюродная сестра моя никуда не уезжала, а всегда жила там. Она, можно сказать, все время была с нами. Иной раз заходила к нам в черном одеянии, в другой — в одежде юноши, под видом охотника, племянника старика.

Пожились мы, стали счастливо жить-поживать. Да не долго длилось наше счастье...

— А что с ней? — спрашивает Ибрагим. — Где теперь твоя суженая?

— Вот уже два месяца, — отвечает юноша, — как нет ее. Исчезла бесследно. Где я только ни искал ее, чего только ни делал — все нет ее и нет. И след простыл.

Только успел сказать это юноша, вошел старик, принес поесть-попить. Поужинали они втроем, чем бог послал, улеглись спать, ничего не сказав друг другу.

Наутро Ибрагим говорит юноше:

— Трудное у меня сегодня дело впереди. Ухожу. Не вернусь до вечера — больше не ждите. Значит, нет уже меня в живых. А вернусь цел-невредим — не уйду отсюда до тех пор, пока не разыщу твою суженую и не соединю вас вновь.

Сказал это Ибрагим и ушел. Долго ли шел он, коротко ли, добрался, наконец, до склона горы. Понескал, нашел колодец, про который ведьма сказывала, спустился вниз. Видит: ход сворачивает влево. Пошел Ибрагим по нему, привел его тот ход прямо в пещеру. А в пещере той девушка подвешена к потолку за косы. Проколота левая пятка девушки будто иглой, из раны кровь сочится, капля за каплей. И падают капли те в золотую чашу, что поставлена внизу.

Увидела Ибрагима девушка, говорит:

— Уходи отсюда, юноша, беги скорей, несчастный, пожалей себя, появится тут див, выпьет твою кровь, обглодает кости.

А Ибрагим, ни слова не проронив, сел дива поджидать. Вот заколебалась земля, закачалась, пошла ходуном под ногами, загудело, загремело, задрожало — показался див. Заметил Ибрагима, вытянул лапы, ринулся на него.

До самого вечера боролись они. То див клонил Ибрагима к земле, то Ибрагим — дива. Но не мог одолеть окончательно ни тот, ни другой. Наконец, Ибрагим собрал все свои силы, ухватил дива за шею, перекинул его через себя.

Грохнулся тот оземь и пока успел вскочить, схватил Ибрагим золотую чашу, плеснул, как советовала ведьма, кровью прямо диву в глаза.

В тот же миг ослеп див. Вскочил Ибрагим ему на грудь, выхватил меч из ножен... Но что это? Исчез див. Видит Ибрагим: лежит на этом месте без чувств его невеста!

Дрогнул меч в руке юноши, но послышался в этот миг из-за облаков голос ведьмы:

— Бей его, не жалея! Не то сейчас тебя растерзает!

Зажмурился Ибрагим, воткнул меч в глаза своей невесты, отрубил голову ей. Смотрит — а это и в самом деле див. Спустилась тут в пещеру ведьма-летунья, взяла посудину побольше, наполнила ее кровью дива, протянула Ибрагиму:

— Возьми. Что ни окропишь ты этой кровью, все обратится в золото. Ты убил белого дива, хотя он и думал обмануть тебя, приняв обличье твоей невесты. А эта девушка — двоюродная сестра того юноши, в чьем доме ты ночевал сегодня, и который так горюет сейчас по ней. Див-злодей похитил ее и спрятал здесь, в пещере.

Попел Ибрагим девушку домой. Потом сел на крыло колдуньи и мигом примчался в родные места. Тут ведьма и пояс ему волшебный отдала.

Объявился подлинный Ибрагим, сдал ему мнимый Ибрагим — невеста его — все дела. Достигли предела своих желаний и наши герои, и купец Ахмед.

Сорок дней — сорок ночей справляли они свадьбу. И я там был, плов ел, руками брал, на язык клал, а в рот не попало. Ешьте и вы на здоровье!

Живите сто лет, а я — дважды по пятьдесят. Будьте здоровы, а я и так здоров.

СКУПОЙ ДЖУЛЬФА

Жил-был в отдаленные времена лысый Джульфа. Был он очень скуп. Ни одному человеку не подал копейки, ни с кем не поделился куском хлеба. Жил скупой Джульфа со своей женой по имени Фатьма, не в пример мужу, женой доброй и отзывчивой.

И жил в том же городе один мальчик — сирота. Звали его Теймур.

Отец Теймура был человеком с добрым сердцем. Он помогал людям всем, чем только мог. Немало добра сделал он и для Фатьмы, которая с детства осталась сиротой. Отец Теймура приютил Фатьму в своем доме и удочерил ее.

Когда Фатьма выросла, к ней посватался Джульфа. Отец Теймура приготовил для Фатьмы приданое и выдал ее замуж.

Спустя некоторое время отец Теймура умер. Потом умерла и мать Теймура, и мальчик остался сиротой. В городе у него не было ни одного близкого человека, кроме Фатьмы. Теймур считал Фатьму своей сестрой и часто приходил к ней.

Джульфе это очень не нравилось. Дело в том, что всякий раз, когда приходил Теймур, Фатьма старалась накормить его, а иногда и давала ему кое-что из одежды. Жадный Джульфа знал об этом, и стоило ему увидеть Теймура, как он хмурил брови и ворчал.

Однажды Теймур был очень голоден. «Пойду-ка я к сестре Фатьме, она даст мне немного хлеба», — решил он.

В это время Джульфа был дома. Он ткал шерстяную ткань на шаровары. Теймур не стал входить, а остановился у порога.

Узнав, что пришел Теймур, Джульфа, как всегда, недовольно насупился. Фатьма стала думать, как бы ей мальчика накормить, и мужниных упреков избежать. И придумала:

— Теймур, — сказала она мальчику, — иди в дом, присмотри за ребенком. Мне нужно отлучиться. А вернусь, накормлю тебя.

Как только Джульфа услышал это, ему стало не по себе.

— Не надо, — зло сказал он. — Положи ребенка в люльку, принеси веревку; один конец привяжи к люльке, а другой — к моей левой руке. Моя рука все равно ведь болтается из стороны в сторону, когда я работаю. Люлька будет качаться, и ребенок уснет.

— Хорошо, — не подавая виду, что ее расчет не удался, — ответила Фатьма. Она положила ребенка в люльку, принесла длинную веревку, один ее конец привязала к люльке, другой — к руке Джульфы. Джульфа работал, и люлька покачивалась.

Фатьма снова задумалась.

— Теймур, — сказала, наконец, она, — у нас есть немного чалтыка¹, я ссыплю его на крышу, а ты посмотри, чтобы воробьи и куры не склевали зерно. Потом я тебя накормлю.

Не успел Теймур ответить «хорошо», как раздался злой голос Джульфы:

— Не надо. Принеси длинный шест, одним концом просунь его через дымоход, другой привяжи веревкой к моей правой руке. Все равно ведь и эта рука болтается из стороны в сторону, когда я работаю. Шест будет раскачиваться и ни воробьи, ни куры не посмеют близко подойти к чалтыку.

Что было делать Фатьме? Она принесла длинный камышовый шест, достала веревку, привязала один конец ее к камышу, а другой — к руке Джульфы. Джульфа работал, и шест двигался, отпугивая кур и воробьев.

«Ах ты, сквалыга! — возмутилась про себя Фатьма. — Как же мне все-таки накормить сегодня Теймура?»

— Теймур, — обратилась она к мальчику, — гость привез нам немного кислого молока, оно уже портится, а у меня нет времени. А налью его в пахталку, а ты будешь сбивать масло. А когда кончишь, я накормлю тебя.

И опять послышалось злое ворчанье Джульфы:

— Послушай, ты меня вконец извела! Налей кислое молоко в пахталку и привяжи ее к моей спине. Все равно ведь моя спина сгибается и разгибается, когда я работаю. До вечера масло собьется.

— Хорошо, — только и оставалось ответить Фатьме.

Она налила кислое молоко в пахталку и привязала ее к спине Джульфы.

---

¹ Чалтык — рис, не очищенный от шелухи.

Джульфа работал, спина его сгибалась и разгибалась, и пахталка мерно покачивалась.

Пришлось Фатьме еще раз пораскинуть умом.

— Теймур, — сказала она, — замеси немного глины. Наш очаг пришел в негодность, надо его замазать. А потом я накормлю тебя.

Джульфа уже не мог больше сдержаться.

— Не надо! — закричал он. — Неси песок и воду! Песок высыпь к моим ногам и залей его водой. Все равно ведь одна моя нога поднимается, а другая опускается, когда я работаю. Я смогу намесить глины, сколько угодно.

Поняв, что и эта ее уловка не удалась, Фатьма пошла за песком и водой. Она высыпала песок у ног Джульфа и залила водой. Джульфа работал, отгоняя камышом птиц, качая люльку и замешивая глину.

Фатьма видела, что муж уже вне себя, что вот-вот разразится скандал и поэтому молчала, хотя и была очень огорчена тем, что не может накормить голодного мальчика.

Теймур, поняв, что Фатьма не сумеет дать ему поесть, попрощался с ней и вышел на улицу.

Он шел и думал: «Как было бы хорошо, если бы случай привел Джульфа к моим дверям. Вот тогда я проучил бы этого жадного хитреца».

Подходя к базару, Теймур увидел толпу людей, бегущих в сторону крепостных ворот.

— Куда вы все бежите? — спросил он у соседского сына Али, которого заметил в толпе.

— Падишах потерял у крепостных ворот драгоценный камень из своего перстня, — ответил, не останавливаясь, Али. — Сейчас глашатаи объявили его указ: тот, кто найдет и принесет этот камень, получит денег столько, сколько весит сам.

Теймур присоединился к толпе и тоже стал искать камень из падишахского перстня.

В поисках прошло немало времени. Люди постепенно начали расходиться. Так никто и не нашел драгоценного камня.

— Я уйду домой, а ты? — спросил у Теймура Али.

— Я еще поищу немного, — ответил Теймур.

«Раньше я искал камень по всей длине дороги, а теперь пройду ее поперек», — решил он.

Немного погодя Теймур заметил, что-то блеснуло у него под ногами. Он нагнулся — и поднял с земли драгоценный камень. Словно на крыльях понесся мальчик ко дворцу падишаха.

— Эй, кечал¹, зачем пришел? — остановил его стражник, стоявший у ворот дворца.

— Открывай ворота и поскорей, я нашел драгоценный камень из перстня падишаха.

Но стражник не спешил открывать ворота.

— Я хочу посмотреть этот камень. Где он у тебя?

— А какая нужда в том, чтобы ты смотрел камень из падишахского перстня! — ответил Теймур.

— Кечал, отдай-ка ты мне этот камень, а взамен я дам тебе все, что только захочешь, — предложил стражник.

— Нет, не отдам. Я сам отнесу его падишаху.

— А я не пушу тебя во дворец, — сказал стражник.

— Если ты сейчас же не откроешь ворота, я так крикну, что падишах сам придет сюда, — пригрозил Теймур.

Видя, что ему не обмануть мальчонку, стражник открыл ворота. Теймур хотел было пройти прямо к падишаху, но у вторых ворот его остановил другой стражник.

— Стой, кто ты такой? И чего хочешь?

---

¹ Кечал — дословно — плешивый. Это — излюбленный в азербайджанских народных сказках образ бойкого смешильного хитреца, сродни Иванушке-дурачку из русской сказки.

— Я нашел драгоценный камень из перстня падишаха, — ответил Теймур.

И этот стражник разными путями пытался выманить у мальчика камень, но напрасно.

— Пропусти меня, иначе я сейчас так закричу, что сам падишах придет сюда, — пригрозил и ему Теймур.

Поняв, что мальчика ему не перехитрить, второй стражник сказал:

— Жди здесь, а я пойду и доложу о тебе.

Стражник пошел к визирю и сказал ему, что к падишаху хочет пройти кечал, который нашел драгоценный камень из падишахского перстня.

— Позови его ко мне, — приказал визирь.

Стражник привел Теймура к визирю.

— Что случилось, мальчик? Какое дело привело тебя сюда? — спросил визирь.

— Ничего не случилось, — ответил Теймур.

— Как это ничего? А зачем же ты в таком случае пришел? — повторил свой вопрос визирь.

— У меня к тебе нет никакого дела.

— А к кому же у тебя есть дело?

— К падишаху.

— Кто ты такой? И какое у тебя может быть дело к падишаху? — продолжал допытываться визирь.

— Ты пропусти меня к падишаху, тогда и узнаешь, какое у меня к нему дело, — сказал Теймур.

Видя, что кечала ему не переспорить, визирь повел мальчика к падишаху.

— О владыка мира, — обратился к падишаху визирь, — у этого мальчика есть к тебе дело.

Падишах повернулся в сторону Теймура и спросил:

— Какое дело?

— Я нашел драгоценный камень из твоего перстня, — сказал Теймур.

— Где он? — обрадовался падишах.

Теймур сделал несколько шагов вперед и протянул падишаху драгоценный камень.

— Это действительно тот самый камень, который я потерял! — воскликнул падишах. — Спасибо. Визирь, проводи мальчика.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, меня не надо провожать, я и сам могу уйти, — сказал Теймур. — Но ты не выполняешь свой же указ. Поэтому, как только я выйду на площадь, то стану кричать, соберу народ и опозорю тебя.

Падишах, увидев, что от мальчика не так-то просто отделаться, спросил:

— А чего ты хочешь?

— Денег твоих мне не нужно, — ответил Теймур. — Но у меня есть одно желание, исполни его.

— Какое же это желание? — спросил падишах.

— Издай указ, чтобы каждый лысый, живущий в этом городе, дал мне сто рублей.

Падишах удивился. А потом подумал: «А почему бы мне и не издать такой указ? Ведь меня-то он не коснется».

Визирь взял бумагу и написал, что всякий, кто лыс, должен дать кечалу сто рублей.

Повернувшись к мальчику, падишах спросил:

— Что еще?

— Напиши еще, что каждый живущий в этом городе, чье имя Джульфа, также должен дать мне сто рублей.

Падишах приказал визирю написать в указе и об этом.

Когда визирь кончил писать, падишах снова обратился к Теймуру:

— Еще что хочешь?

— Еще напиши, что каждый, у которого есть жена по имени Фатьма, тоже должен дать мне сто рублей.

— Хорошо. Визирь, напиши и это.

Визирь написал. После этого падишах, посмотрев на мальчика, спросил:

— Еще что?

— Еще напиши, что каждый, кто имеет одного осла, должен дать мне сто рублей.

— Хорошо, пусть будет так.

Когда визирь написал и о том, что каждый, имеющий одного осла, должен дать кечалу сто рублей, падишах снова обратился к Теймуру:

— Что еще хочешь?

— Еще напиши, что каждый, кто родом из селения Сарханбейли, должен дать мне сто рублей.

— Напиши, визирь, и это, — приказал падишах, и когда запись была сделана, повернулся к мальчику:

— Еще что хочешь?

— Напиши еще о том, что каждый, кто нарушит твой указ и осмелится не выполнить твое повеление, должен мне дать тысячу рублей.

Падишах задумался, но не найдя в новом желании кечала ничего, что могло бы иметь отношение к нему самому, приказал визирю написать в указе и об этом.

— Ну, теперь все? Больше ничего не желаешь прибавить? — спросил падишах у мальчика.

— Напиши еще о том, что тот, кто увидит человека, нарушившего твой указ, и не накажет его, должен дать мне тысячу рублей.

— Хорошо, — согласился падишах. — Еще что хочешь?

— Да прибавится здоровье падишаху, это все. Подпиши свой указ, скрепи его печатью и отдай мне.

Падишах подписал указ, поставил на нем печать и отдал его Теймуру.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, сейчас я уйду, — сказал Теймур, — а через час вернусь с удивительным известием. Прикажи страже, чтобы меня пропустили к тебе.

«Интересно, с каким это удивительным известием

придет он через час», — подумал падишах и приказал визирю сразу же, как только кечал вернется, пропустить его к нему.

А Теймур, надежно спрятав падишахский указ и погуляв по городу, ровно через час снова пришел во дворец падишаха. Стражник провел его к визирю и они вместе направились к падишаху. Теймур стал, склонив голову.

— С каким же известием пришел ты, кечал? — спросил падишах.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, я пришел с вестью о том, что есть в этом городе человек, который нарушил твой указ. И этот человек не дает мне тысячу рублей.

Падишах сильно разгневался.

— Слышишь, визирь, — закричал он. — Дошло до того, что нарушают мой указ! Разузнай сейчас же, кто этот человек, и приведи его сюда. Пусть он сначала отдаст тысячу рублей мальчишке, а потом я велю отрубить ему голову.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, прикажи явиться палачам. Тот, кто нарушил твой указ, здесь, — сказал Теймур.

Падишах призвал палачей, и когда они явились, спросил Теймура:

— Где же тот, кто нарушил мой указ?

— Да снизойдет благополучие на падишаха, издавал ли ты указ, в котором было сказано, что тот, кто найдет потерянный тобою драгоценный камень, получит столько денег, сколько весит сам? — спросил Теймур.

— Да, издавал.

— Тогда почему же ты не дал мне ломаного гроша? Ты первый нарушил свой же указ. Или дай мне тысячу рублей, или же вели отрубить себе голову.

Услышав такое, падишах пришел в ярость.

— Эй, плешивый, ты что, вздумал смеяться надо мной?! Да я сейчас же велю...

— Да снизойдет благополучие на падишаха, — прервал его Теймур, — ты можешь приказать, чтобы меня избили и даже отрубили мне голову. Но знай, что в этом городе есть сорок таких же плешивых, как я. Им-то я и передал указ с твоей подписью и печатью. Если со мной здесь что-нибудь случится, они станут повсюду читать твой указ народу и опозорят тебя. Самое разумное — это отдать тысячу рублей. А если не отдашь, то тем самым нарушишь свой сегодняшний указ, который передал мне, и должен будешь заплатить еще тысячу рублей.

Падишах понял, что попал в безвыходное положение. Он дал Теймуру тысячу рублей и сказал:

— Возьми эти деньги и убирайся отсюда. Да смотри, не попадайся мне больше на глаза!

— Да снизойдет благополучие на падишаха, — возразил Теймур, — я охраняю твои законы, почему же ты гневаешься на меня? Я не могу уйти, потому что здесь есть еще один человек, который нарушил твой указ и не заплатил мне тысячу рублей.

И, обратившись к визирю, Теймур спросил:

— Видел ли ты, что падишах нарушил изданный им указ?

— Видел, — заплетающимся языком ответил визирь.

— Тогда почему же ты не наказал его?

— Как это я мог наказать падишаха? — испуганно пролепетал визирь.

— Я не знаю как. Да это и не мое дело. Ты же сам написал, что тот, кто увидит человека, нарушившего указ падишаха, и не накажет его, должен дать мне тысячу рублей. Или сейчас же отдай мне тысячу рублей, или накажи падишаха. А если не сделаешь ни того, ни другого, то еще раз нарушишь указ, который сам же написал.

— Дай ему, визирь, тысячу рублей, иначе мы будем опозорены, — сказал падишах.

Получив тысячу рублей и от визиря, Теймур ушел из падишахского дворца. Он направился в то место, где спрятал указ падишаха, взял его и пошел прямо к Джульфе.

Пришел Теймур к Джульфе и видит, что скупец весь в поту и ткань ткет, и люльку качает, и птиц отгоняет, и масло пахтает, и глину месит.

— Слушай, зять, — обратился к Джульфе Теймур, — отдохни минутку, я принес тебе указ самого падишаха.

— Какой-такой указ? — удивленно спросил Джульфа.

— Сначала лучше скажи мне, есть ли у тебя на голове лысина или нет?

— Какое тебе дело? — разозлился Джульфа.

— Отвечай прямо — ты лыс или нет? — снова спросил Теймур.

— Ну, допустим, что лыс, что из этого?

— А то, что ты должен дать мне сто рублей!

— Слушай, кечал, какие сто рублей? — Джульфа, ничего не понимая, глядел на Теймура.

— Ты разве не лысый?

— А что, может быть, тебя назначали сборщиком налогов с лысых?

— Да, именно так, — ответил Теймур.

— А есть ли у тебя бумага, подтверждающая то, что ты говоришь?

— А как же, есть, — и Теймур показал Джульфе первое условие указа падишаха. Джульфа, поняв, что все это не шутка, взмолился:

— Сынок, ты ведь нам как родной, сам видишь, что дядюшка Джульфа с трудом зарабатывает на хлеб!

— Как? Тебя зовут Джульфа?

— А ты будто и не знаешь, что я — Джульфа.

— В таком случае ты должен дать мне еще сто рублей. Потому что ты одновременно и лысый и

Джульфа. — сказал Теймур и показал Джульфе второе условие указа падишаха.

— Фатьма, Фатьма! — закричал Джульфа, — посмотри-ка, что твой братец делает со мной...

— Как? Имя твоей жены — Фатьма? — спросил Теймур, будто слышал это имя впервые.

— А ты будто не знаешь, что ее зовут Фатьма?

— В таком случае ты должен дать мне еще сто рублей, — сказал Теймур и показал Джульфе третий пункт указа падишаха.

Джульфа понял, что дело худо, нужно расплачиваться.

— Слушай, кечал, — сказал он, — сегодня у меня нет денег. Завтра я поведу на базар своего осла, продам его и рассчитаюсь с тобой.

— Как, у тебя есть осел?

— А ты будто и не знаешь, что у меня есть осел?

— В таком случае ты должен дать мне еще сто рублей, — сказал Теймур и показал Джульфе четвертый пункт указа падишаха.

Джульфа, удостоверившись, что и об этом написано в указе, застонал.

— О, безжалостный! Ты хочешь окончательно разорить сарханбейлинца...

— Как, ты родом из Сарханбейли?

— А ты будто и не знаешь об этом?

— В таком случае ты должен дать мне еще сто рублей, — сказал Теймур и показал Джульфе пятый пункт указа падишаха.

— Ты, что, хочешь убить меня, что ли? — завопил Джульфа. — Если я отдам тебе столько денег, то сразу же умру от разрыва сердца!

— Значит, не отдашь? Раз так, то за нарушение указа падишаха ты должен дать мне еще тысячу рублей.

Джульфа убедился, что и об этом написано в указе падишаха. Он принес все причитающиеся с него

деньги и трясущимися руками протянул их Теймуру.

— Хорошо, а теперь скажи мне, по какой причине ты мне отсчитал последнюю тысячу? Наверно, потому, что ты нарушил указ падишаха? Не так ли?

— Да, поэтому, — робко подтвердил Джульфа.

— Так вот, почитай-ка последний пункт указа падишаха, — сказал Теймур. — Еще тысячу рублей ты должен дать мне за то, что ты видел нарушившего указ и не наказал его.

Дрожа всем телом, Джульфа стал отсчитывать и эти деньги.

— Вот тебе, Джульфа, наука за твою скупость, — сказал Теймур.

— Джульфе и этого мало, — улыбнулась Фатьма.

СУД ПЛЕШИВЫХ

Кто-то был, а кого и не было. Жили-были два брата. Старшего из них звали Валех, а младшего — Салех. После смерти отца Валех забрал себе все добро, а Салеху ничего не дал. Деньги, богатство помогли Валеху стать именитым купцом. А бедный Салех с трудом кормил свою большую семью.

Однажды Салех сказал жене:

— Положи мне в сумку пару чуреков и немного сыра, уйду я на работу в другой город.

Жена ответила:

— Работа — везде работа. Работай уж тут. Зачем же в другой город уходить?

Салех возразил:

— Нет, жена, не смогу здесь работать. Брат мой Валех стал богатым купцом, а я — поденщик. Иду ли

на работу, или возвращаюсь с нее, каждый раз встречаю то его самого, то сыновей. Косятся они на меня. А мне досадно. Мало того, что отняли у нас все достойные, они еще издеваются надо мной. Я не боюсь работы. Но трудно мне вытерпеть, свысока смотрят они на нас.

Жена, не вымолвив больше ни слова, положила в суму хлеб да сыр, проводила мужа в путь. Долго ли шел Салех, недолго ли, добрался он до одного города. Походил по городу день-другой, а на третий нанялся слугой к купцу. Условились, что купец станет кормить Салеха каждый день, а как исполнится год — рассчитается с ним.

Салех был трудолюбивым человеком. С утра до вечера работал он на купца. С любой работой управлялся. Бывало так, что иной день трудился сразу за троих-четверых. А купец попался такой скупой, что ничего ему, кроме еды, не давал. И вся еда-то — хлеб да сыр.

Раз в месяц Салех выпрашивал у купца немного денег и посылал их жене. Месяц шел за месяцем, прошел год — и Салех увидел, что осталось ему получить меньше половины того, на что рассчитывал.

Задумался Салех: как с этими малыми деньгами домой возвращаться?

А купец говорит ему:

— Еду я на год в другие города торговать. Хочешь — и тебя с собой возьму. Жалованья прибавлю.

Салех не согласился, потому что купец был бессовестный и жадный. И если поехать с ним, то впятеро больше работы будет. Думал Салех, думал и надумал, наконец, уйти от купца и наняться в слуги к кому-нибудь другому. С этой мыслью пошел он искать себе место. Побродил по базару, видит: откуда ни возмись — брат его, Валех.

Братья встретились. Но как встретились? Один — богатый купец, другой — бедный слуга. Одежда на

одном сверкает и блещет, на платье другого — заплатата на заплате... Купец Валех увиделся с братом, как господин со слугой. Он оглядел Салеха с головы до пят, потом усмехнулся:

— Раз не годишься ни на что другое, кроме как в слуги, то зачем бродишь по городам? Слуга — везде слуга, ему и в нашем городе место найдется. Чем чужим служить, послужил бы своим, и мы бы тебе порадили, жил бы сносно...

Слова брата пулей впились в Салеха. Вот как портит человека богатство! Ничего не сказал Салех Валеху. А про себя подумал, что с голоду помрет, но не пойдет к такому брату на поклон и не протянет ему руку за помощью.

Валех спросил:

— Ну как же твои дела? Зарабатываешь хоть что-нибудь?

Салех и виду не подал, что нуждается:

— Отчего ж? Неплохо живу.

Валех опять усмехнулся:

— Вижу. По одежде сужу твоей... Я завтра еду. Если и впрямь так хороши у тебя дела — можешь дать мне денег я отвезу их твоей жене. А то она уже кожу с рук стерла, ковры стираючи тем-другим...

Кровью облилось сердце Салеха. Ничего не говоря, направился он прямо к купцу:

— Господин мой, я согласен служить тебе еще один год. Любую работу стану делать, самую трудную — только поручи. Но прошу тебя выполнить прежде одну мою просьбу.

Купец обрадовался:

— Какую? Говори.

— Человек тут был из нашего города, — сказал Салех. — Завтра едет назад. А у меня, по его словам, большие есть дома. Дай мне все, что должен заплатить за прошлый год, и половину того, что причитается — вперед, и я пошлю домой денег.

Купец составил расписку и говорит:

— Ставь здесь подпись.

Салех подписал. Получил деньги, пошел к ювелиру, купил на них бриллиант и принес Валеху:

— Брат, я условился побыть здесь еще год. Возьми этот бриллиант, передай его моей жене, пусть продаст и живет с детьми помаленьку, а я через год вернусь.

Валех взял бриллиант и спрятал в карман. Братья расстались. Салех уехал с купцом. Валех закончил свою куплю-продажу, составил караван и двинулся домой.

Бриллиант, который дал ему брат, чуть не ослепил его. Он решил не говорить о нем ни жене Салеха, ни кому другому, а оставить камень себе.

Прошли недели, обернулись месяцами, миновал год. Купец — хозяин Салеха, завершив свои торговые дела, возвратился к себе. Он рассчитался с Салехом. Тот получил все, что оставалось, и пустился в путь. Шел он, как говорится, немного, стоял немало, шел немало, стоял немного, добрался, наконец, до родных мест.

Был уже вечер, когда Салех вошел в город. Все лавки были на замке. Никто поэтому не повстречался Салеху, никто его не увидел, не узнал.

Салех прямехонько направился к дому. Остановился у ворот, прислушался. Слышит — мужской голос во дворе:

— Ну, вот что я тебе скажу. Сегодня ты взяла хлеб в долг в нашей лавке. Отец сказал: не принесешь завтра денег за хлеб — пошлет людей, заберут все, что есть у тебя в доме.

Голос показался Салеху знакомым. Пригнулся он к щели в воротах и узнал племянника — старшего сына родного брата. Кровь ударила Салеху в голову. Только решил войти — послышался голос жены:

— Разве осталось дома хоть что-нибудь, чтобы вы могли забрать и продать? Ей-богу, всего богатства у

нас — единственное одеяло. И то его сколько ни носила сегодня по базару — никто не купил. Ведь для кого я взяла хлеба в долг? Для твоих же двоюродных братьев — детей твоего родного дяди.

— Не знаю я ничьих детей и никакого дяди! Завтра же принеси деньги за хлеб. Не принесешь — пей на себя...

Салех распахнул ворота. Жена его увидела, громко зарыдала, бросилась к мужу. Подкосились у бедной женщины ноги, рухнула она наземь.

Салех посмотрел на племянника:

— Сколько мы вам должны?

Племянник ответил. Салех уплатил ему и сказал:

— Раз ты ни дяди, ни детей его не признаешь, то и я знать не хочу ни брата, ни племянника. Ступай вон!

Племянник стал ругаться. Но Салех выгнал его и захлопнул ворота.

Высыпали дети, окружили отца. Салех увидел, что все они в лохмотьях. Вошли в дом. Глянул Салех — и вправду все голо кругом. Ничего дома нет, кроме дражного одеяла.

Салех обратился к жене:

— Отчего так быстро израсходовали все, что я вам прислал? Как вы дошли до такого состояния?

Жена удивилась:

— О чем ты говоришь? Что ты нам прислал?

Теперь уже удивился Салех:

— Ведь я купил и послал вам с братом бриллиант, чтобы вы продали его здесь и расходовали деньги по-немногу.

Бедная женщина чуть с ума не сошла.

Стало ясно, что Валех не отдал бриллианта жене брата.

Салех развязал свой хурджин, дал детям все, что было там съестного. Дети поели, насытились. Каждый забрался в свой уголок и лег спать.

Рано утром Салех встал и пошел в лавку брата. Глянул он и ахнул: вот уж лавка так лавка! Брат разбогател, видно, вдвое-втрое против прежнего. Стал он в городе самым именитым, самым знаменитым купцом. Салех теперь только вояжа, почему так обнаглед его племянник.

Салех вошел в лавку и поздоровался. Купец Валех сидел и беседовал с такими же, как сам, купцами. Он даже не посмотрел в сторону брата.

Салех еще раз поздоровался. Валех на этот раз обернулся, но сделал вид, будто не узнал Салеха. Потому что иметь такого брата он считал для себя зазорным. Салех понял это и вышел из лавки.

Он ждал до тех пор, пока не ушли купцы. Валех остался один. Тогда Салех снова вошел и в третий раз поздоровался. Валех, злой-презлой, закричал на него:

— Ты сказал вчера моему сыну, что знать не знаешь меня! Зачем же теперь сюда заявился?!

Салех объяснил, что его возмутила грубость племянника.

Купец совсем разозлился:

— Да как ты осмелился? Мой сын имел право так говорить, а у тебя-то какое право было?

Салех возразил:

— Почему же он имел право, а я — нет?

— Потому что вы нам должны, а мы вам — нет. Твои домашние, будь они прокляты, брали у нас хлеб, ели его, так пусть заплатят.

Салех промолвил:

— Брат, ты прав. Но почему ты не отдал им бриллиант, который я тебя просил передать моей жене?

Валех сперва чуть смешался, то тут же оправился и, сделал вид, что страшно рассердился, закричал:

— Что это за слова? Как это не отдал? Я передал бриллиант твоей жене в тот же день, как вернулся домой, вот здесь в этой лавке, при свидетелях. Хо-

честь — приходи завтра, приглашу их, сам расспроси.

Удрученный, вернулся Салех домой, рассказал жене обо всем. Прошла ночь. Поднялся утром Салех, пришел в лавку Валеха. Тот призвал свидетелей. Салех увидел, что это те самые купцы, которые были вчера в лавке. Все они в один голос сказали: «Валех на наших глазах дал бриллиант твоей жене».

Понял Салех, что добром ничего не получится, пожаловался в суд. В день суда Валех привел своих свидетелей-купцов. Все они заявили, глядя прямо в лицо несчастной женщине, что своими глазами видели, как Валех передал ей бриллиант.

Салех подал жалобу шаху. А шах, не вызвав и не допросив Салеха, утвердил решение суда. Салех лишился последней надежды.

Салех горюет, Валех пирует. А мы тем временем заглянем на часок в шахский дворец.

Едва шах прибыл в тронный зал и воссел на трон, как появился визирь.

Шах спросил его:

— Что нового?

— Да пребудет шах во здравии! — отвечал визирь. — С рассвета у ворот стоит один кечал, говорит, что непременно должен увидеть шаха. Это очень страшный человек. На голове у него диковинный бумажный колпак. На плече деревянное ружье, на поясе — деревянный меч. Я нарочно не велел его гнать, чтобы немного позабавить вас.

Шах любил подобные потехи. Он промолвил:

— Зови его сюда, посмотрим, чего он хочет.

Визирь привел кечала. Шах увидел, что этот человек выряжен точно так, как описывал визирь. Он ждал, что тот падет ниц, поцелует ему ноги. Но плешивый не поклонился шаху, не стал лобзать его пятки, а сказал:

— Вставай, пошли, тебя шах зовет.

Шах улыбнулся:

— Это какой же шах?

Плешивый перебил его:

— Меня сюда не разговоры разговаривать прислали. Меня прислали повести тебя к шаху. Вставай, идем, там будет видно.

Шах оглянулся на визиря, визирь — на шаха.

Подумал шах: «Если этот кечал такой чудной, то его шах, наверное, еще потешнее». И сказал визирю:

— Пойдем, поглядим, в чем дело.

Шах и визирь переоделись в простое платье и вышли с кечалом из дворца. Долго ли шли они, недолго ли, но дошли до площади на базаре.

Оглянулся шах и увидел на площади каменное возвышение. На возвышении человек двадцать плешивых уселись в круг. А на самом видном месте камень поставлен. И на камне том восседает кечал в бумажной короне.

Плешивый, что привел сюда шаха и визиря, направился к кечалу в короне, поклонился ему и доложил:

— Да будет славен шах, я привел человека, за которым посылали.

Кечал в короне промолвил:

— Зови сюда.

Гонец обернулся к шаху:

— Ступай, наш шах призывает тебя.

Шах, не сказав ни слова, с визирем вместе поднялся на возвышение, остановился напротив сидящего на камне кечала и стал ждать, чем кончится эта забава.

Прошло несколько минут.

Шах и визирь безмолвно стояли.

Наконец, кечал в бумажной короне поднял голову:

— Ты, что ли, тот самый шах?

Визирь разозлился, но шах грозно посмотрел на него и ответил плешивому:

— Да, я.

Плешивый спросил:

— Это ты решил жалобу Салеха в пользу Валеха?

Шах шепнул визирю:

— Визирь, здесь кроется что-то очень занятное. Потерпи немного, посмотрим, чем это кончится. — И ответил:

— Да, я утвердил приговор. А что? Может быть, решение несправедливо?

Кечал указал им место у стены:

— Присядьте и послушайте. Сейчас увидите, правильно вы решили или нет.

Шах и визирь уселись там, где им указали. Сидящий на камне подал какой-то знак, и все плешивые вмиг куда-то исчезли. На возвышении остались только шах, визирь да плешивый, что привел их сюда.

Визирь зашептал шаху в ухо:

— Да будет здравствовать шах, уйдем-ка отсюда. Не подobaет тебе тут находиться. Что скажут, если увидят?

Шах успокоил его:

— Ведь мы переодеты. Нас никто не узнает. Надо дожидаться конца. Потом я их так проучу, что света белого не увидят.

Тем временем плешивые вернулись. Шах глянул: со всего базара народ стекается. За несколько минут толпа заполнила площадь. Кечал в бумажной короне поднялся и возвестил:

— О люди, вы уже знаете о тяжбе Салеха и Валеха. Вот уже несколько дней весь город только об этом и говорит. Сейчас мы здесь устроим суд. Слушайте все.

Сказав это, он снова сел на камень и велел одному из кечалов привести Салеха.

Плешивый ушел и вернулся с другим таким же плешивым человеком. Сидящий на камне спросил, как его имя, каким ремеслом занимается. Народ догадался, что этот плешивый — подставное лицо, представляю-

шее Салеха. Кечал в бумажной короне расспросил его про историю с бриллиантом. Плешивый начал рассказывать все то, что мы уже знаем.

Сидящий на камне, еще раз переспросил:

— Значит ты дал бриллиант своему брату купцу Валеху, чтобы он передал твоей жене?

Плешивый «Салех» склонил голову.

— Да.

Сидящий на камне указал ему место подле себя:

— Сядь. И сиди тут, пока не кончится суд.

Затем распорядился:

— Приведите купца Валеха.

Плешивые привели еще одного кечала. Этот не был так тощ, как первый. Наоборот, мало того, что он был толст, у него под одеждой было еще что-то подложено на животе. Кечал казался оттого пузатым и смешным. Особенно смешной была купеческая шапка из бумаги, которая торчала у него на голове.

Сидящий на камне спросил его:

— Купец Валех, что ты сделал с бриллиантом, который дал тебе твой брат?

Толстопузый кечал ответил:

— Привез и отдал.

— Кому?

— Его жене.

Глава плешивых задал еще вопрос:

— Какой величины был этот бриллиант?

Пузатый ответил:

— С просяное зернышко.

«Коронованный» спросил:

— Если ли у тебя свидетели?

— Да. Четверо.

— Где они?

— Ждут.

Плешивый, сидящий на камне, обратился к кечалу, стоявшему невдалеке.

— Его свидетели пришли?

— Да. Явились, — доложил кечал. — Все четверо — купцы.

Плешивый в короне посмотрел на плешивого «Валеха»:

— Говорят, что все четыре свидетеля — такие же, как и сам ты, купцы. Неужели нельзя было взять в свидетели хоть одного бедняка?

Плешивый «Валех» ответил:

— Я купец и знаюсь только с купцами. Зачем мне водиться с голыми-драными, нищими-рваными?

Плешивый «судья» приказал своему человеку, стоящему в стороне:

— Отведи этого подальше и держи так, чтобы он не видел свидетелей.

«Валеха» отвели.

«Судья» распорядился:

— Приведите жену Салеха.

Один из плешивых вытолкнул вперед кого-то в женском покрывале — чадре. Это был тоже кечал, но он облачился в чадру, чтобы изобразить жену Салеха.

Вожак плешивых спросил:

— Сестрица, давал ли тебе купец Валех бриллиант?

Плешивый в чадре произнес:

— Нет. Он мне ничего не давал.

Сидящий на камне повысил голос:

— А почему же ты не говорила об этом на суде?

Тот ответил вопросом на вопрос:

— А кто меня туда пустил? Разве меня вызывали? Кто меня спрашивал?

— А сам шах? Вызывал ли он тебя, прежде чем решить дело в пользу купца Валеха? Или он действовал наобум? — спросил кечал в бумажной короне.

В ответ послышалось:

— Да меня и близко к шахским воротам не подпустят.

Плешивый в короне, не вставая с камня, обернулся

в сторону шаха и визиря, молча посмотрел на них, потом указал плешивому в чадре место подле себя:

— Садись.

И отдал новое распоряжение:

— Приведите первого свидетеля.

Плешивые привели первого свидетеля. Он, как и «Валех», имел большой живот и носил на голове купеческую папаху из бумаги.

Плешивый, сидевший на камне, начал допрос:

— Расскажи все, что знаешь об истории купца Валеха и Салеха.

Свидетель начал:

— Купец Валех на моих глазах передал жене Салеха бриллиант, который прислал ей муж...

Кечал в короне перебил:

— Послушай, может быть, ты ошибаешься?

Толстяк обиделся:

— Почему же это я ошибаюсь?

— Потому что здесь до тебя и Салех, и жена его, и Валех заявляли, что Салех передал Валеху, а Валех — его жене вовсе не бриллиант, а алмаз. Может, и ты видел алмаз, а не бриллиант?

Толстяк задумался:

— Неужели это был алмаз?

Плешивый, сидящий на камне, сказал:

— Да, это был алмаз.

И обратился к плешивому «Салеху».

— Ведь ты передавал Валеху алмаз?

Плешивый «Салех» подтвердил:

— Да, алмаз.

Кечал в короне повернулся к кечалу одетому в чадру:

— Ведь Валех передал тебе алмаз?

Человек в чадре подтвердил:

— Да, алмаз.

Плешивый, сидящий на камне, вновь обратился к свидетелю.

— Ну, вот. А ты говоришь...

«Свидетель» не дал ему закончить:

— Так ведь и я говорю: то был алмаз.

Кечал в короне еще раз посмотрел на шаха с визирем, но опять ничего не сказал им и продолжал допрос:

— А какой величины был алмаз?

«Свидетель» показал:

— Вот такой. С рисовое зернышко.

Плешивый в короне произнес:

— Ладно. Отведите его туда, где Валех. Только не позволяйте им переговариваться. А сюда давайте второго свидетеля.

Шах и визирь молча переглянулись.

Увели первого «свидетеля», привели второго. И этот плешивый в ответ на расспросы поклялся, что собственными глазами видел, как Валех передавал жене Салеха бриллиант.

Плешивый, сидящий на камне, предупредил:

— Ты хорошенько подумай. Потому что тут все до тебя утверждали, что Салех дал Валеху, а Валех привез его жене золото.

И взглянул на сидящего рядом:

— Не так ли, Салех? Не бриллиант, а золото?

«Салех» утвердительно кивнул головой:

— Да. Я давал Валеху золото.

Плешивый в короне взглянул на плешивого в чадре:

— А ты что скажешь?

— Купец Валех привез мне золото.

Плешивый в короне строго глянул на «свидетеля»:

— Вот видишь? Все говорят одно. Может, и ты видел золото?

«Свидетель» забормотал:

— Ну да... и я говорю, что золото!..

«Судья» еще раз глянул в сторону шаха с визирем и спросил «свидетеля»:

— А какой величины было золото?

Тот совсем растерялся:

— Ей богу, не помню хорошо. Ну, вроде как с пятью...

Глава плешивых велел отвести его и привести третьего свидетеля. Он заставил этого «свидетеля» признаться, что Валех вручил жене Салеха не бриллиант, а серебро. А когда увели третьего и привели последнего, четвертого свидетеля, плешивый, восседавший на камне, добился у него признания в том, что Валех дал женщине бумажные деньги.

Судилище кончилось. Шах сидел и горел от стыда. Пот лил с него градом. Плешивый в короне распорядился, привели «Валеха» и «свидетелей». Затем он поднялся с камня и объявил:

— Наш суд свершился. Установлено, что все четыре свидетеля купца Валеха — лгуны. Они ничего не видели и не могли видеть, потому что купец Валех ничего не давал жене своего брата Салеха, а присвоил себе его бриллиант. Приговор наш таков: забрать бриллиант у Валеха и вернуть его Салеху; Валеха за обман суда оштрафовать на пять бриллиантов в пользу Салеха. С каждого из свидетелей за ложные показания взыскать сумму, равную по цене этому бриллианту и все деньги передать Салеху. Судью, разбиравшего это дело, наказать как взяточника. Шах тоже утвердил приговор, не рассмотрев дело. Наказание для него будет поэтому следующее: пусть он пригласит к себе Салеха и его жену и попросит у них прощения. Да выполнит шах вынесенный нами приговор в трехдневный срок.

Визирь чуть не лопнул от злости:

— Да будет здравствовать шах, как ты терпишь все это? Ведь до чего дошло: какие-то кечалы — плешивые дают тебе повеления.

— Ну и что с того, что плешивые? Ведь они правы. И сделал все так, как они решили.

ТРИ ПРИНЦА

Давным-давно жил в одной стране падишах.

Много денег потратил он на обучение своих сыновей, и они преуспели в науках.

В один прекрасный день пришла весть о том, что его сыновья, закончив учебу, возвращаются домой. Празднично убранный, нарядный город встречал молодых принцев.

А через несколько дней падишах пригласил к себе старшего сына.

— Сын мой, — сказал он ему, — теперь вы всем наукам обучены, а я уже стар. С завтрашнего дня я хочу передать власть тебе, среднего брата назначить твоим визирем, а младшего — советником.

Старший сын был рассудительным человеком. Он так ответил отцу:

— Отец мой, много времени я провел на чужбине и вернулся домой совсем недавно. Поэтому я пока не смогу, как подобает, править страной и народом.

Падишах не ожидал услышать такой ответ.

— Иди, — сказал он, — но братьям ничего не говори о нашем разговоре. — С этими словами падишах отпустил сына.

На следующий вечер он велел позвать к себе среднего сына.

— Сын мой, — сказал падишах, — я хочу передать власть тебе, старшего брата назначить твоим визирем, а младшего советником. Что ты на это скажешь?

— Нет, отец, я не согласен, — ответил сын. — Власть должна перейти к старшему брату.

Падишах отпустил и среднего сына, предупредив также и его, чтобы он ничего не говорил братьям.

На третий вечер, позвав к себе младшего сына, падишах обратился к нему с тем же предложением.

— Пока живы старшие братья, — услышал он в ответ, — я не соглашусь править страной.

Падишах отпустил и этого сына, велел ничего не говорить братьям.

Некоторое время братья молчали о случившемся, и каждый тяготился своей тайной. Наконец, не выдержав, они обо всем поведали друг другу. Выяснилось, что падишах всем троим предлагал одно и то же.

Поразмыслив, братья решили, что своим отказом они разгневали падишаха и самое лучшее, пока гнев отца не утихнет, — отправиться куда-нибудь в дальние страны.

Они послали слугу к падишаху, и тот дал согласие на их путешествие.

Снарядившись, братья явились к отцу прощаться.

Поцеловав старшего сына в лоб, падишах сказал:

— Сын мой, помни, что не следует пренебрегать тем, что выпадает на твою долю!

Поцеловав среднего сына в лоб, он сказал:

— Убедившись в том, что ты достигнешь цели, не проявляй спешки!

Поцеловав младшего в лоб, он сказал:

— Когда тебе придется туго, обратись за советом к мудрым старцам.

Простившись с отцом, все трое сели на своих коней и отправились в путь. Вскоре они прибыли в страну другого падишаха. Жители города, где остановились братья, были восхищены их умом и рассудительностью.

Наконец, слава о братьях дошла и до падишаха той страны, и он пригласил всех троих к себе в гости. После короткой беседы началась трапеза. Падишах встал.

— Дорогие мои гости, — обратился он к братьям, — извините, но я не голоден, вы одни свободно расплавайтесь и кушайте.

И падишах прошел в другую комнату. Он задумал понаблюдать за братьями из какого-нибудь укромного местечка и узнать, что это в самом деле за люди.

Спрятавшись за дверью, падишах стал подсматривать в щелку.

Отрезав кусок зажаренного ягненка, старший брат положил его в рот, но тут же выплюнул.

— В чем дело? — спросили братья.

— Это мясо собачье, а не ягнячье, — сморщившись, сказал старший брат.

Услышав это, падишах рассердился: как это гость осмелился мясо ягненка из его кухни назвать собачьим! Падишах хотел было уже приказать схватить братьев, как старший из них налил себе вина, глотнул и опять выплюнул его.

— В чем дело? — спросили его.

— Это не вино, — ответил он, — а человеческая кровь.

Братья были удивлены. Немного поразмыслив, старший сказал:

— Удивляться не приходится, так как падишах всего-навсего сын повара, а не шаха.

Услышав такое, падишах сильно разгневался и хотел приказать, чтобы всем троим отрубили головы, но потом подумал: «Дай-ка я сперва вызову повара и винодела, спрошу их, а тогда уже и решу, как поступить дальше».

И он велел позвать к нему повара. Когда тот пришел, падишах спросил:

— Скажи-ка мне, где ты взял ягненка, которого зажарил и подал гостям?

— Да продлятся годы падишаха, его принес чабан.

Падишах приказал вызвать чабана. Тот явился, и падишах спросил его:

— Откуда этот ягненок?

— Да снизойдет благополучие на падишаха, из отары.

— Подумай-ка хорошенько, чабан, мясо отдает псиной. В чем тут дело?

Услышав это, чабан задрожал как осиновый лист.

— Не бойся, скажи, что знаешь, — ободрил его падишах.

— Да продлятся твои годы, падишах, — сказал чабан, — через два дня после рождения этого ягненка волк зарезал его мать. Мы подумали, что теперь ягненок все равно не выживет и не стали заботиться о нем. В это же время у нас на пастбище, да простит меня аллах, ошенилась собака. И однажды я увидел, что этот ягненок сосет молоко у собаки. Сейчас, когда вы сказали, что мясо отдает псиной, я подумал, что это, наверно, и был тот самый ягненок!

Падишах убедился, что первое предположение старшего брата оказалось правдой. Он отпустил чабана, позвал к себе винодела и спросил его:

— Откуда ты принес поданное сегодня гостям вино?

— Да продлятся годы повелителя вселенной, из
вишнего погребал

— А скажи, откуда виноград, из которого изго-
товлено вино?

— Из сада роз.

— Кто разбил этот сад?

— Ваш отец, мир праху его.

— А не скажешь ли, что было на этом месте до
того, как разбили сад?

— Да снизойдет благополучие на падишаха, там
раньше было кладбище. Ваш отец приказал разбить
на его месте виноградник.

Падишах увидел, что и второе предположение
старшего брата также подтвердилось и подумал: «Ну,
хорошо, пусть это все так, но не могу же я быть сыном
повара! Отец мой известен, мать — тоже». Хотел было
он уже приказать, чтобы вызвали палача, да потом
заколебался: «Если два из предположений гостя под-
твердились, то, может быть, и это — правда! Кто зна-
ет... Дай-ка порасспрошу мать!»

Обнажив саблю, падишах вошел к матери и сказал:

— Скажи мне правду, кто мой отец?

— Что за вопрос, сынок? Отец твой падишах этой
страны Аслан-шах. Почему ты спрашиваешь об этом?

— Если ты не скажешь правду, мать, я с тобой по-
говорю с помощью вот этой сабли. Мне сообщили, что
я не шахский сын, а сын повара.

Мать поняла, что дела плохи, что ему уже кто-то
все рассказал, и она вынуждена была раскрыть тайну.

— Что же, не к чему теперь лукавить, сын мой, —
сказала она. — У меня всегда рождались дочери, а
Аслан-шах хотел сына. Однажды он сказал мне: «Ес-
ли и на этот раз у тебя родится дочь, то тебе не мино-
вать смерти». Мне не повезло — опять родилась девоч-
ка. У меня была няня, добрая женщина, она сказала
мне, что у жены повара только что родился сын и пред-
ложила обменять новорожденных. Так мы и сделали.

Ты и есть тот самый ребенок.

От удивления у падишаха глаза полезли на лоб.

— А где же мои настоящие родители? — спросил он.

— Твои родители и моя родная дочь погибли во время мора.

Не сказав больше ни слова, падишах вышел и направился прямо к братьям.

— Когда вы ели, — сказал он им, — я наблюдал за вами в щелку и все слышал.

Братья смутились.

Обратившись к старшему, падишах сказал:

— Не смущайся! Дело в том, что все сказанное тобою подтвердилось. Но мне хочется знать, откуда все это стало тебе известно?

— Да продлятся твои годы, падишах! — ответил старший брат. — Когда я ел мясо этого ягненка я сказал, что это собачье мясо, потому что не почувствовал вкуса баранины. Стало быть, это было другое животное. А какие еще животные, кроме самих овец, бывают в отаре? Собаки. Вот поэтому-то я и сказал, что это, наверное, собачье мясо.

— Ладно, — сказал падишах, — но почему ты решил, что поданное вам вино похоже на человеческую кровь?

— Да продлятся твои годы, падишах! — ответил старший брат. — Обычно вино приводит человека в радостное возбуждение, а от этого вина у меня, наоборот, испортилось настроение. Поэтому я и решил, что это, должно быть, человеческая кровь.

— Ну, хорошо, а как ты посмел сказать, что я не шахский сын?

— Да снизойдет благополучие на падишаха! Возможно, так нехорошо было говорить, но мне кажется, что на самом деле это так и есть. Когда мы пришли к тебе и назвались купеческими сыновьями — мы сказали чеправду. Мы сыновья падишаха еще большей

страны, чем твоя. Наш отец беседует с гостями на разнообразнейшие темы, но никогда не обсуждает различные блюда. А твой разговор все время сводился к тому, что вот, мол, кюфту-бозбаш готовить надо так, долму¹ — этак, масло в плов необходимо влить тогда-то, яичницу надо готовить так-то. Когда я увидел, что кроме этих тем, никакие другие тебя не интересуют, то понял, что у тебя, должно быть, имеется какое-то родство с поваром.

Падишах выслушал все, и они расстались. Но ночью падишах вновь пригласил к себе старшего брата и сказал:

— Я убедился, что ты очень умный молодой человек. А я уже состарился. У меня есть единственная дочь-красавица. Мне хотелось бы поженить вас и передать власть в твои руки. Мне же в мои преклонные годы пора и отдохнуть.

Старший брат рассказал все своим братьям, но они с неодобрением отнеслись к предложению падишаха.

Тогда старший брат сказал:

— Отец мне наказывал не отвергать того, что предназначено судьбой! Такова видно моя доля, я остаюсь.

Братья вспомнили тогда наказ отца и согласились.

Сорок дней и сорок ночей играли свадьбу, и падишах выдал свою дочь за старшего из братьев и передал ему свой трон. Распростившись с ним, братья отправились в путь.

Много ли они шли, мало ли, наконец пришли к развилке дорог. Здесь они простились друг с другом и пошли по разным дорогам.

Пусть младший брат идет по своей дороге, а я вам

---

¹ Кюфта-бозбаш, долма — восточные блюда.

расскажу о том, что приключилось со средним братом.

Долго шел средний брат и, наконец, достиг одного города. Когда он вышел на городскую площадь, то увидел, что у прибитого к стене портрета собрался народ. Он приблизился и увидел, что это портрет девушки — такой красавицы, что ни ешь, ни пей, только на нее гляди. Средний брат подошел к одному из собравшихся и спросил:

— Скажи мне, чей это портрет?

— Ты, наверно, впервые в нашем городе?

— Да, я здесь недавно.

— Это портрет дочери нашего падишаха.

— А для чего его выставили здесь?

— Для того, чтобы выдать девушку замуж.

С первого же взгляда принц влюбился в эту девушку.

— И все же мне непонятно, — спросил он, — почему ее портрет висит здесь, разве у такой красавицы может быть недостаток в женихах?

— Нет, женихов много. Многие пехлеваны, многие принцы сватали ее. Но увы, здесь кроется какая-то тайна. Дело в том, что ни один из женихов, который входил во дворец, чтобы сосватать ее, не вышел оттуда. Все мужчины города влюблены в эту девушку, но никто не осмеливается сватать ее.

— Я женюсь на ней, — сказал принц.

— Пожалей себя—усмехнулся его собеседник, — видно, ты добрый молодец. Оставь эту затею.

— Нет, во что бы то ни стало я женюсь на ней! — упорствовал принц.

Как его ни уговаривали, он стоял на своем.

Наутро юноша отправился к падишаху и сказал:

— Да продлятся твои годы, падишах, я пришел, чтобы жениться на твоей дочери.

Падишах радушно принял его.

— Ну что ж, — сказал он, — в конце концов де-

вушке суждено принадлежать мужчине, а мужчине — соединить свою судьбу с девушкой. Верно и то, что моя дочь не ослушается меня. Но я не хочу быть причиной ее последующих несчастий. Ты мне нравишься, но этого мало. Может статься, ты не понравишься девушке. Да и тебе самому, возможно, она не придется по душе. Ставлю тебе такое условие: оставайся на несколько дней во дворце. Визирь познакомит тебя с моей дочерью, вы с ней побеседуйте и, если понравитесь друг другу, я с радостью сыграю вам свадьбу. — И он обратился к визирю: — Ну, как по-твоему? Правильно я рассудил?

— Да продлятся годы падишаха! Очень мудрое решение, — ответил визирь, склонив голову.

Принц был умным человеком. Он смекнул, что тут кроется какая-то тайна, ведь, по обычаю, мусульманин не показывает девушку жениху. Быть может, здесь и разгадка, почему не возвращались юноши, приходившие сватать дочь падишаха? Что же задумал хитрый шах со своим визирем?

Падишах почувствовал, что юноша догадывается о чем-то. И подмигнул визирю: дескать, озадачили гостя!

Визирь ответил понимающей улыбкой.

Принц заметил это, окончательно уверился, что они что-то задумали, но не подал виду.

Еще раз обменявшись взглядом с визирем, падишах сказал:

— Ну ладно, добрый молодец, а теперь скажи-ка мне, хватает ли трех для девяти?

Принц понял, что его хотят испытать, и ответил:

— Да хватает. Только не умножается.

— Почему? — спросил падишах.

— Помехой тому тридцать два, — ответил юноша.

И шах и визирь, как видно, были довольны ответом.

Потом падишах сказал:

— Вижу, ты молодец с головой. Скажи мне, уменьшается по мере увеличения или увеличивается по мере уменьшения?

— Поскольку мало постольку много, — ответил юноша. — По мере увеличения уменьшается.

— Хвала тебе, — сказал шах. — Скажи-ка, что лучше от четырех к двум или от двух к трем?

— От четырех к двум — незрелый, — ответил юноша, — а от двух к трем — перезрелый. Лучше всего когда две.

Шах снова посмотрел на визиря. И визирь опять многозначительно кивнул ему.

Как раз в эту минуту принесли и поставили перед ними золотую тарелку с тремя яблоками. Шах подал одно яблоко юноше, другое визирю, а третье взял себе. Тут оказалось, что у них нет ножа. Слуга быстро вышел. Ждали его, ждали, но он не вернулся. Шах стал сердиться. Заметив это, юноша вытащил из кармана свой нож и протянул шаху.

Это был очень красивый, дорогой тончайшей работы нож. Падишах незаметно переглянулся с визирем, и тот кивнул.

От внимания принца это не ускользнуло. Он догадался, что против него что-то готовится, но не подал вида.

Внимательно рассмотрев нож, шах спросил у юноши:

— Скажи правду, откуда у тебя этот нож?

Нож этот изготовили для юноши по заказу его отца. Точно такие же ножи были изготовлены для его братьев. И ни у кого на свете не было больше таких ножей. Но об этом нельзя было говорить, ведь тогда стало бы известно, что он шахский сын. А юноша этого не хотел. Здесь требовалась особая осторожность. «Поскольку они хитрят, — подумал юноша, — то могут поймать меня на слове». И он спросил с беззаботной улыбкой:

— А в чем дело? Или, может, вам знаком этот нож?

— Что значит «знаком»? — в гневе вскричал падишах. — Этот нож украли из моей казны. Я давно ницу вора. А вор, оказывается сам пришел в мой дом!

В это время двери отворились, и вошли два стражника.

— Отведите его в темницу! — приказал падишах. — А ты, визирь, завтра утром собери судей. Я сам буду его судить и велю повесить.

Юноша не проронил ни слова. Стражники отвели его в темницу.

Принц много размышлял в темнице. Он запомнил то выражение удовлетворения и радости на лицах шаха и визиря, которое было каждый раз, когда он отвечал на их вопросы. Сердце подсказывало ему, что его просто испытывают и надо быть твердым. Подумав так, юноша уснул.

Среди ночи он почувствовал, что его будят. Открыв глаза, он увидел, что перед ним стоит кто-то, с ног до головы закутанный в покрывало. Юноша вскочил.

— Слушай и знай, о юноша! — сказал незнакомец. — Завтра шах повесит тебя. Пока не поздно, надо его убить! Ты получишь дочь шаха, станешь падишахом, и мы освободимся от этого злодея.

Голос показался юноше знакомым, но он никак не мог припомнить, где его слышал.

— Я пришел сюда жениться и отпраздновать свадьбу. А ты предлагаешь мне убить человека и устроить траур. Если бы я хотел стать шахом, то мог бы быть еще большим шахом, чем ваш. А повесить меня шах не сумеет.

— Или ты должен быть моим сообщником в убийстве шаха, — сказал незнакомец, — или я должен убить тебя, чтобы ты не выдал тайны. Решай! Пока я сосчитаю до ста, даю тебе время на раздумье.

— Мне нечего размышлять, — ответил юноша, — и убить себя я тебе не дам!

Сказав это, юноша бросился на незнакомца, схватил его за горло и прижал к стене. Левую руку он просунул под покрывало и вытащил из ножен саблю. Потом, отступив, сказал:

— Слушай! Твоя сабля у меня. Если даже тысяча палачей войдет сейчас, я ни одного из них не впущу сюда. Уходи-ка по добру-поздорову, пока цел!

Человек в черном кое-как выбрался наружу. Дверь тут же закрылась, и все стихло.

Сон юноши улетел, словно вспорхнувшая птица. До утра он не мог сомкнуть глаз.

Наутро пришли стражники и повели юношу к падишаху. Кроме шаха и визиря, здесь сидели несколько белобородых старцев в белых чалмах. Шея у шаха была перевязана.

Обратившись к старцам, шах сказал:

— Это тот самый юноша, о котором я говорил вам. Некоторое время назад я потерял свой нож тончайшей работы; всюду я искал его. Оказалось, что нож у этого молодца! Я хочу повесить его, чтобы в моей стране не было больше таких преступлений!

Как только шах заговорил, юноша узнал этот голос. Он догадался, что падишах и есть ночной пришелец. Горло он повязал, наверное, для того, чтобы скрыть следы от пальцев.

Принц понял, что шах хочет всего лишь испытать его и подумал про себя: «Ну, держись, будущий тесть. Я сейчас тебе задам перцу, не обрадуешься!».

В это время старейший из старцев сказал:

— Юноша, мы ревнители справедливости в нашем государстве. Мы стремимся, чтобы не было невинно осужденных. Шах обвиняет тебя. Если сумеешь доказать, что ты не крал ножа, мы не допустим, чтобы тебя повесили. Ну, смелее, докажи, если можешь, свою невинность!

— Сначала скажите мне, пожалуйста, — сказал юноша, — вы рассматриваете только жалобу падишаха, или можете рассмотреть также жалобу и на самого падишаха?

— Нашему решению подчиняется и сам падишах, — ответил старец. — А почему ты спрашиваешь об этом? Разве ты имеешь жалобу на падишаха?

— Свою жалобу я выскажу после, — сказал юноша, — сейчас скажите мне, подтверждаете ли и вы, что нож действительно принадлежит падишаху?

— Да, — ответил старец. — И мы и визирь знаем, что это нож падишаха, он его потерял.

— Я очень рад, — сказал принц, — что и вы и визирь, и сам падишах свидетельствуете в мою пользу.

— О чем ты говоришь? — спросили юношу.

— Нас было два брата, — рассказал юноша. — Отец после смерти оставил нам большое богатство. Все ценности мы распродали, рассчитывая на вырученные деньги открыть лавку и заняться торговлей. Мы набили хурджин¹ монетами и отправились в путь. В один из вечеров мы подошли к воротам вашего города. Было уже темно, городские ворота были закрыты, в город нас не пустили, и нам пришлось заночевать у городской стены. С вечера я прилег, а брат охранял хурджин. В полночь он разбудил меня. Теперь он прилег, а я стал караулить. Под утро меня сморил сон. Проснулся я, услышав какой-то звук, и увидел, что около брата стоит человек, закутанный в черное, и наш хурджин с деньгами у него в руках. Я бросился на незнакомца, и мы схватились. Я вцепился ему в горло и начал душить. Но тут я услышал стон брата и оглянулся. Воспользовавшись моим замешательством, незнакомец убежал. Брат мой умер, деньги наши пропали. На рассвете я увидел этот самый нож, которым было перерезано горло моего брата. Наверно, когда я

---

¹ Хурджин — переметная сума с двумя подсумками.

бросился на убийцу, тот выронил его. Он потерял также и свою саблю. Похоронив брата, я спрятал саблю, а нож положил в карман. Теперь я хожу из дома в дом и везде умышленно вынимаю его и показываю. Кто признает себя его владельцем — тот, значит, и есть убийца моего брата, укравший и наши деньги. Сейчас вы все подтвердите, что этот нож принадлежит падишаху. Кроме того, я вижу еще, что у падишаха нет сабли и что его шея перевязана. Я прошу снять повязку и осмотреть шею. Если там окажутся следы пальцев, значит падишах — мой кровный враг. Я потребую, чтобы он ответил мне за кровь брата, а также вернул наше золото.

Все переплянулись. Падишах с радостью взглянул на визиря, и тот опять понимающе прикрыл глаза. Падишах поднялся, снял со своей головы корону и надел на голову принца. Посадив его на свое место, падишах приказал готовиться к свадьбе.

— Ну, сынок, — сказал визирь, — ты доказал, что так же умен, как и смел. Скажи мне, как ты понял вопросы падишаха и что ты отвечал ему?

— Падишах спросил меня, — ответил юноша, — обеспечивает ли мой трехмесячный труд мое девятимесячное пропитание? На это я ответил, что обеспечивает. Но только ничего не удастся сберечь. Падишах спросил, почему. А я ответил, что мешают этому тридцать два зуба, то есть, я все продаю.

Далее падишах спросил меня, не ухудшается ли мое зрение с увеличением моих лет. Я ответил, что пока зрение прекрасное, но с возрастом будет ослабевать. Потом падишах спросил меня: перехожу ли с четверенок на две ноги, то есть к отрочеству, или же с двух ног на три, то есть от молодости к старости? Я ответил, что пока я на двух ногах, то есть совершенно молод.

Все одобрили сообразительного юношу, и падишах выдал свою дочь за принца. Сорок дней и сорок

ночей играли свадьбу. Оставим пока их здесь и посмотрим, что приключилось с младшим братом.

Много ли он шел, мало ли, наконец, пришел в один город. Сняв комнату в караван-сараяе, он немного отдохнул, потом позвал слугу и стал расспрашивать его о городе.

— Много удивительных чудес в этом городе, — сказал слуга. — Но чудо из чудес — это дочь здешнего падишаха. Она столь же умна, сколь прекрасна и обладает даже даром волшебства. Но каких только пехлеванов не предлагал ей в женихи падишах, принцесса не согласилась ни за кого выйти замуж. Она говорит, что отдаст свое сердце лишь тому, кто превзойдет ее по уму и смелости. Поэтому она построила замок, поселилась там и заколдовала себя. «Кто войдет в замок, разрушит чары и ответит на мои вопросы, — объявила принцесса, — тот и станет моим суженым».

Выслушав все это, принц сказал:

— Я женюсь на ней.

Наутро принц явился к падишаху. Падишах радушно принял его и расспросил о его нуждах. Юноша сказал ему о своих намерениях.

— Я рад этому, — сказал падишах. — Но, клянусь аллахом, я не властен над дочерью!

— Я разрушу чары, — заверил его юноша. — Но я счел своим долгом сперва явиться к вам, ее отцу.

Принц пошел в город, расспросил жителей и разыскал мудрого старца.

— Сын мой, — сказал старец принцу, когда тот пришел к нему за советом, — для того, чтобы разрушить чары, существует одно средство. Оно заключается в том, чтобы узнать секрет колдовства у какой-нибудь из служанок принцессы, которые раз в неделю приезжают на базар за покупками. Надо подкупить одну из них и все выведать.

Юноша направился к дороге, ведущей на рынок, и нашел там одну из служанок принцессы. Немало

пришлось приложить ему стараний, пока он, наконец, выведал у нее тайну.

На следующий день принц известил падишаха о том, что сегодня он расколдует его дочь.

Объявив об этом, он направился на окраину города, где жила дочь падишаха. Здесь уже собрались все жители города, которые интересовались, чем кончится дело. Юноша облачился в доспехи. Взвалив на плечи две бараньи туши, он вошел в замок. У лестницы, как и говорила служанка, лежали на привязи лев и барс. Принц бросил им, как научила его служанка, мясо — каждому по туше — и поднялся вверх.

Принц уже оказался около дверей, как вдруг перед ним опустился заколдованный меч. Но юноша тут же нажал на кнопку в стене — меч разломился и упал.

Юноша вошел в дом и увидел, что все объято ярким пламенем. Из пламени вырос дракон и бросился на юношу. Но тот, по совету служанки, схватил чудовище за горло и стал душить. Все вокруг покрылось дымом. Чары были разрушены.

Люди, стоящие на улице, жалели юношу, думая, что он погиб, как вдруг они увидели, что он вышел на балкон, а рядом с ним дочь падишаха. Поднялось такое ликование, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Дочь падишаха подошла к отцу, поцеловала руку и сказала:

— Отец мой, ты хотел выдать меня за первого встречного, а я не соглашалась. А вот теперь, я, кажется, нашла кого искала. Позволь мне задать ему три вопроса. Если он сумеет ответить на них, я соглашусь быть его женой.

Падишах дал свое разрешение. Тогда девушка сказала принцу:

— Теперь удались и жди моих вопросов.

Наутро девушка прислала принцу изумруд. Он пошел на рынок, купил другой драгоценный камень и вместе с изумрудом отправил его принцессе.

На другой день девушка прислала алмаз. Принц взял два камня, положил между ними алмаз, раздробил его на мелкие кусочки и вернул назад.

На третий день девушка отправила бриллиант. Юноша купил более драгоценный бриллиант, да вдобавок еще два рубина и все это послал девушке.

Дочь падишаха объявила отцу о том, что юноша ответил на все ее вопросы. Сыграли свадьбу. А потом падишах пригласил к себе дочь и ее нареченного.

— Ну, теперь все позади, — сказал он ему. — Расскажи, как тебе удалось разрушить колдовские чары?

— Мой отец наказывал мне, если придется туго, советоваться с людьми, умудренными жизненным опытом, — ответил принц. — Я так и сделал: разыскал одного мудрого старца и, последовав его совету, смог разрушить чары.

Тогда падишах обратился к дочери:

— Ну, а теперь расскажи, какие ты задала вопросы, и что он тебе ответил:

— В первый раз я послала ему изумруд, — молвила дочь падишаха, — я, мол, для родителей так же дорога, как этот изумруд. Не тебе брать меня в жены.

— Я понял твои мысли, — сказал юноша. — Поэтому, купив драгоценный камень, отослал его обратно вместе с изумрудом. Мол, и мной родители дорожат не меньше.

— Второй раз я послала ему алмаз, — продолжала дочь падишаха, — дав ему понять, что я тверда, как алмаз, и он не сумеет выполнить мои желания.

— Я и это понял, — сказал юноша, — и потому, раздробив алмаз, вернул тебе в знак того, что если твои желания будут непомерно велики, то я смогу поступить с ними так же.

— Потом я направила ему бриллиант, — сказала дочь падишаха, — в знак того, что я так же красива, как этот камень.

— Я и это понял, — ответил юноша. — Поэтому, купив еще более крупный бриллиант, вернул камни: мол, я тоже не дурен собой. Я добавил к ним еще два рубина, желая сказать, что было бы чудесно, если б у нас родились два красавца-сына.

Подивившись уму юноши, падишах снял свою корону и надел на его голову.

Через несколько лет братья собрались вместе и пришли к отцу.

Падишах встретил их с большими почестями. Узнав обо всем, что с ними произошло, он поцеловал сыновей в лоб и сказал:

— Я умышленно поступил тогда так, чтобы вы ушли искать свое счастье и научились сами заботиться о себе. Ибо чего стоят люди, которые всю жизнь висят на шее отца и надеются на его наследство!

СКАЗКА О СИРОТЕ

Жил-был в давние времена бедный охотник. Он не был похож на других охотников. За всю свою жизнь он не убил ни одного зверя, ни одной птицы. У него рука не поднималась ни на что живое.

Все имущество этого охотника состояло из свирели, на которой он умел играть тысячу и одну мелодию, и сотканного из конского волоса силка.

Каждый день охотник уходил в лес, ставил силок и, усевшись поодаль, начинал играть на свирели. На звуки свирели слетались птицы. Охотник выжидал, и когда какая-нибудь птица садилась на силок, дергал за веревку. Пойманную птицу он приносил домой. Дома у него было полно разных красивых птиц. Он кормил их, ухаживал за ними, слушал их пение. Время от времени охотник продавал одну-двух птиц, чтобы выручить немного денег.

У птицелова были жена и сын по имени Ибрагим. Случилось так, что, когда Ибрагим был еще маленький, его отец заболел и умер.

За короткое время Ибрагим с матерью-вдовой вконец обеднели. У них не было денег даже для того, чтобы купить кусок хлеба.

Ибрагим, хотя и был совсем маленьким, отличался терпением и выносливостью. Как ни тяжело жилось ему и матери-вдове, он все же не продал оставшихся ему от отца свирели и силка.

Прошли месяцы и годы, мальчик вырос. Все называли его сиротой Ибрагимом. Он помогал матери по дому и в то же время успевал каждый день побывать в том самом лесу, где когда-то охотился его отец.

Когда Ибрагиму исполнилось пятнадцать лет, он сказал матери:

— Мать, я уже не ребенок. После смерти отца все заботы обо мне легли на тебя, ты вырастила меня. А теперь пришло время и мне позаботиться о тебе. Принеси мне отцовскую свирель и силок, с завтрашнего дня я буду ходить на охоту.

Мать знала, что Ибрагим смелый юноша. Знала она и то, что он вдоль и поперек исходил леса, в которых когда-то охотился его отец. Она принесла и отдала Ибрагиму свирель и силок.

Наутро поднялся Ибрагим чуть свет и отправился в лес. Там он знал каждый цветок, каждый куст, каждое дерево. Поэтому он не боялся заблудиться и, углубляясь в лесную чащу, то в одном, то в другом месте ставил силок и играл на свирели. Но за весь день ни одна птица и близко не подлетела к нему. Когда наступил вечер и совсем стемнело, Ибрагим, усталый, с пустыми руками вернулся домой.

Мать и не ожидала иного. Охота на птиц такое ремесло, которому нельзя научиться за день. Она знала, что Ибрагиму еще немало придется походить по лесу, немало потрудиться, прежде чем он научится

играть на свирели так, чтобы привлекать своей игрой птиц. Поэтому, еще издали увидев Ибрагима, она вышла ему навстречу, привела домой, напоила, накормила, а потом сказала:

— Сынок, и к отцу твоему не сразу пришла удача. Когда он впервые начал охотиться, ровно месяц бродил он по лесу, но не смог поймать не то, что птицы, даже бабочки. А потом, как научился, бывали дни, ловил и приносил домой по три-четыре птицы.

Слова матери успокоили Ибрагима. Самое главное, подумал он, быть настойчивым, не бояться трудностей, упорно добиваться того, к чему стремишься.

Шли дни, недели. Ибрагим постепенно научился наигрывать на свирели множество мелодий, умело ставить силок, искусно прятаться меж деревьев.

Однажды в силок Ибрагима попала редкость красивая птица. Ее перья отливали всеми цветами радуги. Обрадованный юноша принес птицу домой и посадил ее в клетку. Проснувшись следующим утром, он увидел, что птица снесла разноцветное яйцо. Взяв это яйцо, Ибрагим понес его в город.

А жил в городе один очень жадный и хитрый купец. Он только и занимался тем, что обманывал бедных людей, рублевую вещь продавал за пять рублей, пятирублевую — покупал за рубль. Увидев в руках Ибрагима яйцо, этот купец тут же подозвал юношу к себе.

— Эй, сирота Ибрагим! За сколько продаешь ты это яйцо? Я хочу купить его.

Ибрагим знал, что купец плохой человек, жадный и коварный. Поэтому он назвал очень высокую цену. К удивлению Ибрагима купец не стал торговаться и заплатил за яйцо ту цену, которую запросил Ибрагим. Сделав на базаре покупки, юноша вернулся домой.

Прошел день, прошла ночь, а на следующее утро

Ибрагим увидел, что птица снесла еще одно такое же яйцо. И это яйцо Ибрагим продал жадному купцу.

Каждый день птица приносила одно яйцо, и Ибрагим сбывал его купцу. Вот так и сводили концы с концами.

Но Ибрагим догадывался, что купец неспроста платит ему так дорого за разноцветные яйца. Видать он от них большую выгоду имеет. Юноша решил проследить за купцом. И что же он увидел! Оказалось, что хитрый купец каждый день приходит к падишаху и продает ему яйцо в десять раз дороже, чем покупает у Ибрагима.

«Почему бы мне самому не продавать эти яйца падишаху?» — подумал Ибрагим. Как задумал — так и поступил. Жадный купец, лишившись немалого дохода, решил отомстить Ибрагиму. Он пришел к падишаху и сказал:

— Да снизойдет благополучие на падишаха, за чем ты каждый день платишь такие большие деньги за яйца, которые продает тебе этот сирота Ибрагим? Ты можешь получить их даром. В доме у Ибрагима есть необычная птица, она и несет ему эти яйца. Отбери птицу у Ибрагима и ты будешь иметь и птицу, и яйца.

«А купец прав, — подумал падишах. — В самом деле — я падишах, а Ибрагим — всего только бедный птицелов. Почему же такая волшебная птица должна быть не у меня, а у него?» Призвав Ибрагима, падишах приказал ему:

— Иди и принеси мне птицу, которая живет у тебя дома.

Ибрагим сразу понял, что это проделка коварного купца. Он знал, что падишах настолько глуп, что сам никогда бы не догадался, откуда Ибрагим берет красивые яйца. Что оставалось делать? Если он не выполнит приказания падишаха — не сдобровать ни ему,

ни его матери. Пришлось отнести падишаху чудесную птицу.

Купец злорадствовал, а у Ибрагима опять не стало денег. Но он не впал в уныние. Взяв свирель и силок, он снова отправился в лес. Он уже так прекрасно играл на свирели, что птицы слетались к нему со всего леса. Каждый день в его силок попадались то куропатка, то перепелка, то соловей. Он продавал пойманных птиц и этим жил вместе со своей матерью.

Весь город знал Ибрагима как искусного птицелова. Если кто-нибудь хотел завести в своем доме птицу, Ибрагим приносил ее. Купец всячески старался зазвать Ибрагима в свою лавку, чтобы скупать у него птиц за бесценок, а потом сбывать их втридорога, но у него ничего не выходило. Ибрагим ненавидел купца и не хотел продавать ему ни одной птицы.

Купец этот был из тех людей, которые ради денег готовы пойти на все. Он мог оклеветать человека, лишит его куска хлеба, отобрать у него дом, а самого выбросить на улицу.

Однажды купец вновь пришел к падишаху и говорит:

— Да снизойдет благополучие на падишаха! Сердце твоей птицы сжимается от тоски, потому что она одинока. Призови сироту Ибрагима и прикажи ему, чтобы он словил и принес тебе подругу для твоей птицы.

«А ведь купец прав», — решил пустоголовый владыка.

Призвав к себе Ибрагима, он приказал ему словить и принести во дворец еще одну такую же птицу.

Ибрагим пытался было возразить, но падишах и слушать его не пожелал.

— И знать ничего не хочу, — сказал он. — Даю тебе сорок дней срока. Если за эти сорок дней не поймаешь и не принесешь мне подругу для моей птицы, велю отрубить тебе голову.

Опечаленный вернулся Ибрагим домой. Чтобы не огорчать мать, он ничего не рассказал ей о приказании падишаха. Взял свирель и синок и ушел в лес.

Шли дни, шли недели. Не зная ни отдыха, ни сна, Ибрагим днем и ночью охотился за птицей. Его упорство и трудолюбие были вознаграждены: ему удалось, наконец, поймать такую же птицу, какую отобрал у него по наущению купца падишах. Он принес ее в падишахский дворец. Падишах птицу, разумеется, взял, но Ибрагиму не дал за нее и медного гроша.

Ибрагим видел, что падишах ничуть не лучше жадного купца. Разница между ними заключалась лишь в том, что купец был хитер и коварен, а падишах отменно глуп.

Падишах был очень рад тому, что Ибрагим принес подругу для его птицы. Купец же, наоборот, был удручен и озлоблен удачей Ибрагима: он знал, что Ибрагим — умный и смелый юноша — не упустит случая расплатиться с ним за все его проделки. Купец боялся Ибрагима и хотел расправиться с ним руками глупого падишаха. Он надеялся, что Ибрагим не сумеет за сорок дней словить еще одну такую чудесную птицу. И тогда падишах велит отрубить ему голову. И вот теперь, когда Ибрагим принес падишаху вторую птицу, купец струсил не на шутку и задумал новые козни. Он опять пошел к падишаху и сказал:

— Да снизойдет благополучие на падишаха! От мудрых старцев я узнал, что птицы, которых принес тебе сирота Ибрагим, имеют одну странную прихоть.

— В чем же заключается эта прихоть? Говори! — приказал падишах.

— Да прибавится здоровья падишаху! В саду дива¹ растет чудесный цветок семенгюль. Один раз в

---

¹ Див — мифическое существо, обладающее необычайной силой.

году эти птицы должны обязательно понюхать семенгюль. Если они не вдохнут аромата этого чудесного цветка, то погибнут.

— Но как же мы достанем этот цветок? — спросил падишах. — Ты ведь сам говоришь, что он растет в саду дива. А мы знаем, что туда никто не может войти. А если кто и проникнет в сад, див все равно не допустит сорвать и унести цветок.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, — сказал купец, — есть один только человек, который сумеет войти в сад дива. Это — птицелов-Ибрагим. Призови его и пошли за цветком семенгюль.

Падишах и на этот раз послушал хитрого купца. Он призвал к себе Ибрагима и сказал ему:

— Ты должен принести мне цветок семенгюль, который растет в саду дива, иначе мои птицы погибнут.

— Да снизойдет благополучие на падишаха! — воскликнул Ибрагим. — Ты захотел иметь мою птицу, и я принес и отдал ее тебе. Потом ты повелел мне найти подругу для этой птицы. Я выполнил и это твое приказание. Но откуда я могу знать, где находится сад дива?

— Поищешь и найдешь, — сказал падишах. — А если сам не сумеешь найти, то спроси у купца. Он все знает.

«Я с самого начала понял, что это очередная проделка хитрого купца, — подумал Ибрагим. — Теперь в этом нет никакого сомнения».

— Да снизойдет благополучие на падишаха, — обратился Ибрагим к повелителю. — Если купец такой умный и сведущий человек, то призови его и прикажи ему самому пойти за цветком.

— Нет, — ответил падишах, — купец сказал мне, что только ты один сможешь проникнуть в сад белого дива.

— Да продлятся годы падишаха! Я очень молод, и у меня нет сил, чтобы побороть дива, — возразил Иб-

рагим. — Ведь я не витязь, мое ремесло — ловля птиц. Див, как только увидит меня, тут же и убьет.

— Убьет, так убьет, — равнодушно ответил падишах. — Велика важность. Не могу же я смириться с тем, чтобы из-за тебя погибли мои прекрасные птицы.

Ибрагим раскрыл было рот, чтобы еще раз попытаться образумить падишаха, но государь разгневался и закричал:

— Слушай ты, сирота Ибрагим! Знать ничего не желаю. Даю тебе сорок дней сроку. Если к исходу сорокового дня не принесешь мне цветок семенгюль, велю отрубить тебе голову.

— А если див убьет меня, тогда как? — спросил Ибрагим.

— Все равно. Если не принесешь цветок, даже если див растерзает тебя, прикажу найти твой труп и отрубить тебе голову. И еще, слушай: если ты сейчас раскроешь рот, чтобы снова возразить мне, то я призову палачей и велю им немедленно тебя обезглавить.

Ибрагим понял, что ему не переспорить глупого и жестокого падишаха. Только неприятности наживешь. Поэтому, не промолвив больше ни слова, он вернулся домой.

Долго думал Ибрагим, как ему быть и наконец решил посоветоваться с мудрыми старцами.

Жил в городе один древний старик. В молодости он побывал во многих краях, близких и далеких, встречался со многими людьми. Этот старик славился своей мудростью и добротой.

Ибрагим пришел к этому старцу и рассказал ему обо всем, что с ним приключилось. Внимательно выслушав Ибрагима, старец сказал:

— Сынок, во всех твоих злоключениях виноват, конечно, купец. Из-за того, что ты перестал продавать ему яйца, он лишился большого дохода и решил отомстить тебе. Этот купец так жаден, что ради копейки способен убить сто человек.

— Я это знаю, — подтвердил Ибрагим. — Ты скажи мне, существует ли на самом деле такой цветок — семенгюль и правда ли, что птицы, которых отобрал у меня падишах, не могут жить, не вдохнув хотя бы один раз в году аромат этого цветка?

— Я слышал, сынок, что такой цветок есть. И те птицы, которых ты поймал, обычно живут только там, где растет этот цветок. Если же они и улетают на время в другие края, то весной обязательно возвращаются к этому цветку. Я слышал, что див для того и растит цветок семенгюль, чтобы эти птицы всегда были в его саду.

— Значит, если я смогу унести из сада дива этот цветок, то и птицы, которые живут в саду, улетят потом вслед за ним?

— Да, это так, — ответил старец. — Только знай, сынок, что очень трудно достать и унести цветок семенгюль из сада белого дива. В этом саду только одни ворота и никто, кроме самого дива, не может открыть их.

— Я открою, — сказал Ибрагим. — Ты только скажи мне, в какой стороне находится сад дива.

Старец объяснил Ибрагиму, где находится сад и каким путем туда надо идти. А на прощанье, сказал:

— Сынок, я слышал, в сад дива ходили очень храбрые пехлеваны, но ни один из них не вернулся живым. Див очень силен. И ты не сумеешь побороть его. Поэтому ты должен сделать так, чтобы див тебя не увидел. Сумеешь остаться незамеченным — выйдешь победителем, не сумеешь — див уничтожит тебя.

Ибрагим запомнил все, что сказал ему мудрый и добрый старик, и вернулся домой.

На следующее утро, сделав необходимые приготовления, он отправился в путь-дорогу.

Ибрагим шел, не зная ни дня, ни ночи. Много ли он прошел, мало ли, дошел, наконец, до сада дива.

Сад был окружен такой высокой оградой, что перелезть через нее было невозможно. Ибрагим стал пробираться вдоль ограды, чтобы дойти до ворот.

Ровно неделю крался Ибрагим вдоль ограды, стараясь двигаться так, чтобы и травка не шелохнулась, пока, наконец, добрался до ворот сада. Ворота эти были возведены из огромных каменных глыб. Не то что Ибрагим, но и самые великие пехлеваны не смогли бы их отворить.

Ибрагим присел около ворот. Он так устал, что сразу же заснул.

Проснулся Ибрагим от грохота, похожего на раскаты грома. Грохот доносился со стороны поля и нарастал миг за мигом. Ибрагим сразу вспомнил: старец говорил ему, что див иногда покидает свой сад и уходит на охоту.

Оглушенный страшным грохотом, Ибрагим подумал: «Не иначе, как див возвращается с охоты». Едва он успел спрятаться за кустом, как появился див. Ибрагиму показалось, что движется большая гора. Этому чудовищу стоило один раз дунуть, чтобы человек превратился в пылинку.

Но Ибрагим не струсил. Он был охотником и знал, что если человек будет хладнокровен, смел и осторожен, то сможет победить самого сильного противника. Ибрагиму опять вспомнились слова мудрого старца: «Если ты сумеешь оказаться незамеченным, то выйдешь победителем...» А укрываться птицелов Ибрагим умел так, как никто другой. Недаром, когда он прятался в лесу, даже птицы не замечали его. Не мог же див быть более чутким, чем птица...

И в самом деле, див не заметил Ибрагима. Он прошел мимо куста, за которым притаился Ибрагим, и зашагал к воротам сада. Затаив дыхание, Ибрагим осторожно последовал за ним. Див открыл ворота и вошел в сад. Ибрагим успел прокрасться вслед и быстро спрятался за большим деревом. Он боялся ше-

лохнуться. Только после того как див вошел в двери своего дома, Ибрагим огляделся. Какое изумительное зрелище открылось его глазам! Это был не сад, а райский уголок. Какие только цветы не росли здесь! А какими трелями заливались соловьи! Да, это был необыкновенный, прекрасный сад!

Ибрагим переночевал в саду, а наутро, когда див опять ушел на охоту, стал осматривать его владения.

Среди множества птиц он увидел и таких, как те, что словил он в лесу и принужден был отдать падишаху. Он вдыхал аромат множества цветов, но не знал, какой из них цветок семенгюль.

Переходя от дерева к дереву, от цветка к цветку, Ибрагим дошел до жилища дива. В его огромном доме было сорок комнат, одна красивее другой. И все они были пусты. Когда Ибрагим вошел в последнюю, сороковую комнату, до его слуха донесся какой-то звук, похожий на стон. Ибрагим прислушался. Стон слышался из-под ковра, которым был застлан пол комнаты. Ибрагим приподнял ковер и увидел дверь. Он потянул ее на себя, и его взгляду открылась лестница. Спустившись по ней, Ибрагим оказался в узком полутемном подземелье. Громкий стон оглашал его. Всмотревшись, Ибрагим увидел девушку, привешенную за косы к потолку.

— О, юноша, кто ты? — спросила она. — И как ты осмелился прийти сюда? Уходи скорей. Сейчас придет див, он разорвет тебя на части.

— Не бойся, — ответил Ибрагим, — див ушел на охоту. Скажи мне, кто ты?

— Меня зовут Хуршуд. Многие годы назад проклятый див сделал меня своей пленницей и с тех пор держит в этом сыром и темном подземелье.

Отвязав девушку, Ибрагим бережно опустил ее на землю.

Придя в себя, Хуршуд повторила свой вопрос:

— Скажи мне, кто ты? Как ты проник сюда и с какой целью?

Ибрагим рассказал девушке обо всем, что с ним приключилось.

— А нашел ли ты тот цветок, который ищешь? — улыбнувшись спросила Хуршуд.

— Сейчас я думаю не о цветке, — ответил Ибрагим. — Я думаю о том, как мне освободить тебя из плена этого жестокого дива.

— Ибрагим! — воскликнула девушка. — Ты благородный юноша. Слушай же и знай. Семенгюль в этом саду вырастила я. Поэтому, если ты сумеешь освободить меня, то семенгюль будет твоим и птицы прилетят к тебе.

— Но я не знаю, как мне вывести тебя из этого сада.

Хуршуд подумала и сказала:

— В конюшне дива есть отличные лошади. Мы должны взять двух коней и бежать, пока див еще не вернулся с охоты.

— Ты хорошо придумала, Хуршуд, — сказал Ибрагим. — Но как мы откроем ворота этого сада?

— Это я беру на себя, я умею открывать их, — ответила девушка. Потому-то див и привешивает меня за косы в этом темном подземелье, — боится, что я убегу.

— Тогда не будем терять времени, — воскликнул Ибрагим.

Они вбежали в конюшню и оседлали двух хороших коней. Хуршуд открыла ворота сада, и они пустились в путь.

Пусть они мчатся по дороге, а я тем временем расскажу тебе о диве.

Вечером, вернувшись с охоты, див увидел, что ворота сада открыты. Он сразу заподозрил неладное и

спустился в подземелье. Девушки не было. Тогда див ринулся в конюшню и, вбежав в нее, увидел что нет двух его лучших коней. Див понял, что в саду кто-то побывал. Он-то и увел девушку.

Вскочив на коня, див пустился в погоню.

А Ибрагим и Хуршуд гнали своих коней что было мочи. Мало ли проехали они, много ли — не знаю, Хуршуд спросила у Ибрагима:

— Ибрагим, обернись и посмотри, никто не мчится вслед за нами?

Ибрагим обернулся.

— Никого не видно, — ответил он. — Только вдали на дороге чернеет какое-то облако.

— Это див, он гонится за нами, — сказала Хуршуд. — Подстегни коня.

Они помчались еще быстрее.

Прошло некоторое время, и сзади послышался топот. Ибрагим обернулся и увидел, что черное облако уже совсем близко.

— Див настигает нас! — на скаку прокричал он девушке.

— Не бойся, — спокойно ответила Хуршуд, — мы взяли самых лучших коней, его конь хуже наших. Да и сам он намного тяжелее нас. Если мы помчимся быстрее, конь дива не выдержит.

Ибрагим и Хуршуд понеслись еще быстрее. Некоторое время спустя Хуршуд сказала:

— Ибрагим оглянись!

Ибрагим оглянулся.

— Конь дива весь в мыле, — сказал он, — и тяжело дышит.

— Теперь нам нечего бояться. Див не настигнет нас.

И только Хуршуд произнесла эти слова, как послышался сильный грохот. Юноша и девушка разом обернулись и увидели, что конь дива и сам див барахтаются на земле.

— Вот мы и спасены! — воскликнула Хуршуд. — Теперь можно дать нашим коням отдохнуть. Поехали, не спеша.

Много ли ехали они, мало ли, наконец, доехали до дома Ибрагима. Мать Ибрагима очень обрадовалась, что сын ее целым и невредимым вернулся домой, да не один, а с прекрасной девушкой. Поцеловав Хуршуд в глаза, она сказала:

— Сын мой, ты поступил хорошо, что спас Хуршуд из плена жестокого дива и привез сюда. Только скажи мне, нашел ли ты цветок семенгюль?

— Мать, — удивился Ибрагим, — когда я уезжал, то ничего не рассказывал тебе. Откуда ты знаешь, что я поехал за цветком семенгюль?

— Сын мой, — объяснила мать, — вскоре после того, как ты отправился в путь, падишах сделал купца своим визирем. И этот новый визирь каждый день приходит в наш дом и спрашивается о тебе. Он уверяет всех, что ты не сможешь привезти цветок семенгюль, и падишах велит отрубить тебе голову. А того старика, который указал тебе дорогу в сад дива, он посадил в темницу.

Как раз в то время, когда мать и сын вели этот разговор, пришли люди нового визиря и спросили:

— Вернулся Ибрагим или нет?

— Да, я вернулся, — ответил Ибрагим.

— Сегодня истекает данный тебе падишахом срокодневный срок, — обратился к Ибрагиму старший из пришедших. — Принес ли ты цветок семенгюль?

Ибрагим, который ни разу в жизни не солгал, хотел было раскрыть рот, чтобы ответить — «нет, не принес», но Хуршуд опередила его:

— Да, принес, — сказала она. — Спустя немного времени он придет к падишаху и принесет ему семенгюль.

Когда люди нового визиря ушли, Ибрагим спросил у Хуршуд:

— Что же мне делать? Ведь у меня нет цветка.

— Ты принес семенгюль, — улыбнулась в ответ Хуршуд.

Она взяла тарелку, поднесла ее к своему лицу и щелкнула сама себя по носу. Из носа на тарелку упали две капли крови. Они завертелись, закружились, разрослись и каждая из капель превратилась в букет семенгюля.

— Этот цветок не рос раньше в саду дива. Но див знал, что я могу создать его из своей крови. Поэтому он и сделал меня своей пленницей, заточив в темное подземелье. Возьми семенгюль и отнеси его падишаху, пусть он оставит тебя в покое.

— Нет, — сказал Ибрагим. — Пока живы этот хитрый коварный купец и глупый падишах, я не буду знать покоя.

— Что же ты хочешь предпринять?

— Скажи мне, — вместо ответа спросил Ибрагим, — если я отдам оба букета, сумеешь ли ты снова создать семенгюль?

— Сумею, — ответила Хуршуд. — Я украшу этими цветами весь сад. И все птицы из сада дива перелетят к нам.

— Это хорошо, — обрадовался Ибрагим. — Раз так, то этими двумя букетами я отделаюсь навсегда и от купца и от падишаха.

Положив один из букетов в красивую вазу, Ибрагим отправился к падишаху.

И вовремя: птицы уже перестали петь. Но стоило им увидеть цветы, которые Ибрагим принес падишаху, как они словно ожили и тут же залились прекрасными трелями. Падишах очень обрадовался. А его нового визиря — купца так и передернуло от злости.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, — сказал купец. — Ты ведь повелел сироте Ибрагиму,

чтобы он принес цветы вместе с кустом, а он принес только один букет. Ибрагим должен сегодня же снова отправиться в путь, чтобы принести куст семенгюля до того, как увянет этот букет.

«Ну ладно, купец, — подумал про себя Ибрагим. — Значит, ты не хочешь оставить меня в покое. Раз так, посмотрим, кто кого проведет на этот раз».

— Ибрагим, — сказал падишах, — мой визирь прав. Ты должен пойти и принести из сада дива весь куст семенгюля с корнем.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, — ответил Ибрагим. — Это совсем не сад дива, это такой же город, как и наш. И название он имеет такое же. Все люди, которые умерли и покинули наш город, находятся там. И падишахом там твой покойный отец. Услышав твое имя, он заплакал и сказал: «Почему мой сын не приходит повидать меня?» Когда же я попросил у твоего отца семенгюль, он сказал: «Если я отдам весь куст с корнем, сын мой успокоится и не придет навещать меня. А мне очень хочется с ним повидаться. Пусть же придет сам, и я отдам ему все, что он пожелает». И твоего отца, визирь, я видел там. Они показали мне новую дорогу в их город; по ней можно за три часа дойти туда и вернуться обратно.

Купец сразу заподозрил, что Ибрагим обманывает и падишаха, и его. А глупый падишах тотчас поверил Ибрагиму.

— Скорей одевайте меня, — приказал он, — я иду повидать своего дорогого отца!

— Да снизойдет благополучие на падишаха, — выступил вперед новоявленный визирь-купец, — подождите! Пусть Ибрагим покажет нам, что это за дорога, по которой можно за три часа дойти туда и вернуться.

Ибрагим провел падишаха и купца к берегу реки, что протекала на окраине города. Река в одном месте была очень глубока. Показав на это место, Ибрагим сказал:

— Дорога — на дне реки. Как только прыгнешь в воду, надо достичь самого дна. На дне надо стоять, не двигаться, и считать до ста. Как только досчитаешь, откроются ворота в тот город.

Падишах тут же хотел броситься в воду, но купец остановил его.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, — сказал он, — я не верю ни единому слову этого птицелова. Если он не лжет, то пусть сначала на наших глазах сам пойдет в этот город и принесет еще один букет семенюля. Тогда мы поверим ему.

— Хорошо, — согласился Ибрагим. — Только сегодня я очень устал. Завтра вечером приходите снова сюда, и я на ваших глазах пойду и принесу еще один букет.

Так и договорились.

А в полночь Ибрагим встал, взял второй букет семенюля наполнил мешок золотом, которое они с Хуршуд привезли из дома дива, и переправился на другой берег реки. Хорошенько спрятав в кустах букет цветов и мешок с золотом, Ибрагим вернулся домой.

Следующим вечером падишах, визирь-купец и голпы горожан собрались на берегу реки. Как только стемнело, Ибрагим у всех на глазах разделся и прыгнул в воду. Он хорошо плавал, умел и подолгу задерживать дыхание — этому он научился во время охоты на птиц. Вобрав в себя воздух, Ибрагим нырнул и проплыл под водой до другого берега. Выйдя из воды, он спрятался за деревом и стал дожидаться нужного времени. Так как было совсем темно, его никто не видел. Когда прошло три часа, Ибрагим взял, спрятанные им накануне, букет цветов и мешок с золотом и нырнул в воду. Переплыв реку под водой, он вынырнул на глазах у всех. И как вынырнул! В одной руке — букет цветов, в другой — мешок с золотом.

У купца глаза полезли на лоб. А Ибрагим подошел

к падишаху и отдал ему букет семенгюля. Потом развязал мешок и высыпал золото в подол купца, сказав при этом:

— Золото прислал тебе твой отец. Он сказал, что торговля приносит ему много денег и, если ты придешь проведать его, он щедро одарит тебя.

Как только купец увидел золото, его глаза заблестели, как у голодного пса, учуявшего кость. Жадность лишила его разума, и он прямо в одежде бросился в воду.

— Визирь! — закричал падишах. — Подожди меня, я один заблужусь! — И с этими словами бухнулся в воду вслед за купцом.

Долго ждал народ, но не вернулся из воды ни купец, ни падишах. И только спустя несколько дней течением реки вынесло на берег их трупы.

Так птицелов Ибрагим избавил народ от глупого падишаха и коварного купца. Мудрого и доброго старца он освободил из темницы. А все чудесные птицы из сада дива перелетели в сад Ибрагима и Хуршуд.

СКАЗКА О ДАШДЕМИРЕ

Жила-была в далекие времена старая женщина по имени Фаты. И был у нее единственный сын — Дашдемир.

Это был очень умный мальчик. Его отец Заманкиши, распознав в маленьком Дашдемире необыкновенные способности, отдал его учителю по имени Мирза Мохсун. За короткое время Дашдемир научился читать и писать, он с увлечением слушал Мирзу Мохсуна, который каждый день читал ему интересные книги и рассказывал об удивительных приключениях. Дашдемир так полюбил Мирзу Мохсуна, что ни на минуту не хотел расставаться с ним. Но судьба оторвала Дашдемира от ученья. Случилось это, когда мальчик лишился отца.

Отец Дашдемира Заманкиши был трудолюбивым садовником. Не зная ни сна, ни отдыха, он все

свои силы отдавал саду. И цвели в этом саду такие прекрасные цветы, наливались соком такие чудесные плоды, что прохожие останавливались и подолгу любовались ими. Заман-киши продавал цветы и фрукты и этим содержал свою семью.

Сад Замана-киши находился на окраине города, возле мельницы. Когда Дашдемир был еще совсем маленьким, на этой мельнице случилось большое несчастье. Однажды утром соседи, проснувшись, увидели, что мельник и его жена мертвы. Сколько ни искали злодеев, задушивших мельника и его жену, найти не смогли. После этого никто не соглашался работать на мельнице, и люди обходили ее стороной.

Шло время, и о заброшенной мельнице народ стал рассказывать разные небылицы. Одни говорили, что в ней живут джинны, другие утверждали, что разбойники.

Заман-киши был не только трудолюбив, но также умен и мужественен. Много передумал он о том, что произошло на мельнице. Садовник не верил в дивов, он знал, что мельника и его жену задушили злые люди — разбойники, но кто они были?

Однажды ночью, когда Заман-киши спал, с мельницы донесся крик. Садовник вскочил и подбежал к окошку. Хотя было очень темно, острый глаз Замана-киши разглядел во дворе мельницы тени нескольких человек, которые, видимо, боролись. Потом снова слышался крик, вернее не крик, а стон, будто кого-то душили. Заман-киши не выдержал, выбежал из дома и ринулся к мельнице.

А утром на мельнице нашли два трупа. Одного из них никто не мог распознать, а другой был Заман-киши.

Горько плакала старая Фаты, не зная, что предпринять. Наконец она пошла к Мирзе Мохсуну и попросила его написать жалобу самому падишаху. Но владыка не пожелал ответить на жалобу.

Вот тогда-то и пришлось Дашдемиру уйти от своего учителя Мирзы Мохсуна и стать садовником вместо отца, чтобы кормить себя и мать.

Дни складывались в месяцы, а месяцы в годы. Дашдемиру исполнилось шестнадцать лет. И умом и отвагой не было в городе равных ему.

Однажды среди сверстников Дашдемира разгорелся спор: кто самый отважный? И решили так: кто считает себя самым смелым, пусть пойдет на мельницу и забьет там кол.

— Я пойду! — первым вызвался Дашдемир.

Юноши принесли ему кол и топор. Дашдемир дождался, пока стемнеет и, взяв кол, топор и свой кизилковый посох, подошел к мельнице. С зашесенным над головой на всякий случай посохом, он вошел внутрь. Но не успел сделать и нескольких шагов, как услышал голос:

— Стой, кто ты?

Юноша обернулся и увидел у входа человека, лицо которого до самых глаз было повязано черным платком.

Дашдемир, крепко сжав палку в руках, отступил на шаг. А человек с закрытым лицом сказал:

— Разве не ведомо тебе, что это жилище джинов? Разве ты не знаешь, что отсюда птица не может выбраться, не изранив крыльев, мул не уйдет, не изломав копыт, человек — не поплатившись кровью?

— Да, я от многих слышал, что это жилище джинов, но не верил этому. И вот теперь я убедился, что все это ложь, потому что ты не джинн, а человек, — спокойно ответил Дашдемир.

— Если бы ты принял меня за джинна я, может быть, отпустил бы тебя отсюда живым. Но раз ты узнал, что я человек, я должен тебя задушить, чтобы ты никому не смог раскрыть мою тайну.

Сказав это, человек с закрытым лицом бросился на Дашдемира. Дашдемир подпустил его к себе и

ударил палкой по голове. Человек с закрытым лицом зашатался, но устоял на ногах. Отступив, он обнажил свою саблю и снова кинулся на Дашдемира. Они схватились — Дашдемир дрался палкой, а человек с закрытым лицом — саблей. Человеку с закрытым лицом удалось ударом сабли выбить палку из рук Дашдемира. Воспользовавшись тем, что Дашдемир остался безоружным, он размахнулся саблей, чтобы нанести юноше удар по голове. Но Дашдемир успел поднять и подставить топор и сабля с такой силой ударилась о него, что переломилась надвое. Ее рукоятка осталась в руке у человека с закрытым лицом, а клинок упал на землю. Теперь уже человек с закрытым лицом остался безоружным. Он повернулся и бросился бежать в глубь мельницы. Что-то лязгнуло, и человек с закрытым лицом исчез. Дашдемир бросился за ним, но человек с закрытым лицом словно провалился сквозь землю. Сколько ни искал его Дашдемир, так и не нашел. Видя, что поиски ни к чему не приведут, он забил кол, который держал в руке, и, взяв свою палку, топор и клинок переломленной сабли, вернулся домой.

Всю ночь до самого утра Дашдемир не мог уснуть, он все думал о том, как раскрыть тайну заброшенной мельницы. С кем мог Дашдемир поделиться мыслями, волновавшими его? Конечно, только со своим учителем. И утром юноша пошел к Мирзе Мохсуну. Он рассказал учителю обо всем, что с ним приключилось на мельнице. Мирза Мохсун внимательно выслушал его, посмотрел на клинок от сабли и сказал:

— Сын мой, все, что говорят о разных джинах, ложь. И мельника и его жену удушили злые люди. И бедного твоего отца убили они. А теперь хотели убить тебя. Ты хорошо сделал, что не стал никому рассказывать о том, что приключилось с тобой прошлой ночью. Для того, чтобы раскрыть тайну этой мельницы, нужно действовать осторожно и обдуманно. А теперь послушай, что я скажу тебе. Падишах нашего

города молод и неопытен, а его визирь — очень хитрый человек. Уже долгое время в нашем городе орудует большая шайка разбойников. Одни-два раза в месяц они останавливают и грабят караваны. Падишах, как ни старается, не может узнать, кто эти разбойники. Недавно он решил призвать к себе умудренных жизнью людей, чтобы посоветоваться о том, как изловить разбойников. Два дня назад он пригласил и меня. Я сказал ему:

— Да снизойдет благополучие на падишаха. Ты мог бы давно раскрыть эту шайку, если бы она не была связана с большими людьми твоего города. Весьма вероятно, что разбойников следует искать среди твоих придворных.

— Мои слова понравились падишаху. А сейчас я убедился, что был прав. Сабля, которая переломилась о твой топор, — шахская сабля. Посмотри — на ней печать падишаха. Такие сабли падишах дарит только своим приближенным. Нам надо установить, кому принадлежит эта сабля.

— Что же в этом трудного! — воскликнул обрадованный Дашдемир. — Покажем клинок падишаху, и он сразу вспомнит, кому он подарил эту саблю.

— Нет, сын мой, — возразил Мирза Мохсун. — Это очень опасный путь. Если сабля принадлежала близкому к падишаху человеку, то падишах не выдаст его, а загубит нас, чтобы тайна осталась неоткрытой. Еще раз говорю тебе: нужно действовать очень осмотрительно.

Мирза Мохсун спрятал клинок, который принес Дашдемир, и направился к падишаху, а юноша пошел домой.

Подходя к дому, Дашдемир увидел во дворце шахского воеводу Абас-бека, кричавшего на старую Фаты.

— Что такое? Что случилось? — спросил Дашдемир.

— Случилось то, что ты должен оставить этот дом и убраться отсюда вместе со своей матерью. И этот дом, и этот сад принадлежат мне, — ответил Абас-бек.

— С каких же это пор мой дом стал твоим?

— С этой ночи.

— Я ничего не понимаю, — сказал Дашдемир. — Этот дом оставил мне мой отец. Почему же с этой ночи он становится твоим?

— Я не хочу ничего объяснить, — сердито ответил Абас-бек. — Завтра тебя поведут в суд, там и узнаешь все.

Сказав это, Абас-бек ушел. А Дашдемир, дождавшись вечера, пошел к Мирзе Мохсуну, чтобы рассказать ему о своей горе. Но он не застал учителя дома. Нардан — умная и красивая дочь Мирзы Мохсуна — вышла к Дашдемиру и сказала, что отец еще не возвратился от падишаха. Дашдемиру не оставалось ничего иного, как вернуться домой и ждать.

Утром двое вооруженных людей пришли за Дашдемиром и повели его в суд. Пришел и Абас-бек.

Когда суд начался, Абас-бек сказал:

— Прошлой ночью я видел во сне, что дом, в котором живут этот юноша и его старая мать, а также их сад, мой отец отдал его отцу. Сейчас я хочу, чтобы они вернули мне и дом и сад.

Услышав эти слова Абас-бека, Дашдемир громко рассмеялся. «Какой же он дурак, — подумал он. — Сам дурак и полагает, что и судья дурак. Мало ли какая чушь может присниться человеку».

— Чего ты смеешься? — прервал его мысли сердитый голос судьи. — Лучше верни человеку его дом и сад.

Дашдемир опешил от изумления.

— Да пребудет судья во здравии! — воскликнул он. — Мало ли что можно увидеть во сне! Разве можно принять за правду все, что приснится каждому?

— Абас-бек — уважаемый человек, начальник войска падишаха. Такой человек не может видеть ложный сон. Отдай ему дом и сад, даю тебе три дня срока.

Сколько ни взывал Дашдемир к разуму судьи, все было бестолку. Опечаленный, вернулся он домой. Долго думал юноша, как быть и, наконец, решил написать прошение самому падишаху. Так и поступил. На следующий день принесли ответ. В нем было сказано, что падишах оставляет решение судьи в силе и велит ему, Дашдемиру, отдать дом и сад начальнику войска падишаха Абас-беку.

Что было делать теперь Дашдемиру? Когда стемнело, он снова направился к Мирзе Мохсуну, чтобы рассказать ему о своих злоключениях и попросить совета.

Но сколько ни стучался Дашдемир в дверь, никто не открыл ему. Наконец, его стук услышал сосед Мирзы Мохсуна. Он вышел и сказал, что у Мирзы Мохсуна никого нет дома. Хозяин отсутствует уже три дня, а его дочь уехала вчера.

«Что могло случиться с моим учителем?» — подумал Дашдемир, и его охватило такое недоброе предчувствие, что он даже забыл о своем горе. Как он ни думал, ни гадал, но ни до чего не мог доискаться.

Весь день Дашдемир провел в горьких думах.

А вечером вдруг раздался стук в дверь. Дашдемир вышел и увидел чабана в мохнатой папахе, чарыхах¹ и с палкой в руке.

— Что тебе надо? — спросил Дашдемир.

— Я гость в этом городе, — ответил чабан. — Если позволишь, я проведу эту ночь у тебя, а утром уйду.

— Заходи. В нашем доме всегда рады гостю.

Старая Фаты заварила чай, принесла еду.

За чаем чабан стал рассказывать о себе.

---

¹ Ч а р ы х и — крестьянская обувь из сыромятной кожи.

— Я пасу отару своих братьев. А сегодня я привел баранов для начальника шахского войска Абас-бека. Он так долго держал меня, что стемнело, и я не успел вернуться домой.

— А почему Абас-бек не оставил тебя своим гостем? — спросил Дашдемир.

— Кто я такой, чтобы Абас-бек оставил меня в своем доме? Он чуть было не приказал избить меня за то, что я мало привел баранов. Хорошо еще, что обошлось. Это ненасытный человек. Стоит ему увидеть что-нибудь хорошее, как сейчас же требует — отдай, и все.

Эти слова чабана задела Дашдемира за живое, и он рассказал гостю о своем горе.

— Почему же ты не подаешь жалобу падишаху? — спросил, выслушав Дашдемира, чабан.

— Да и падишах, видно, такой же, как начальник его войска. — И Дашдемир показал гостю ответ падишаха на свою жалобу.

— Но ведь я сам видел сегодня, что у Абас-бека прекрасный дом и огромный сад. Зачем же ему твоя маленькая хижина?

Дашдемир чуть было не рассказал чабану о том, что произошло с ним на заброшенной мельнице, но, вспомнив наказ Мирзы Мохсуна, вовремя спохватился.

— Брат мой, — сказал он, — это тайна, и пока не придет время, я не могу раскрыть ее никому.

Только Дашдемир произнес эти слова, как в дверь постучали. Вошла женщина, закутанная в черную чадру. Старая Фаты вышла ей навстречу. Но женщина прошла мимо нее и, подойдя к Дашдемиру, сказала:

— У меня есть к тебе три вопроса. Хорошенько подумай, а потом отвечай! Во-первых, скажи мне, кто этот человек?

— Это мой гость, чабан, пришедший с гор. Он попросил у меня ночлега, — ответил Дашдемир.

— Теперь дай ответ на второй вопрос, — сказала женщина. — Скажи мне, ты хочешь помочь Мирзе Мохсуну, своему учителю?

Дашдемир так и вскочил с места.

— Я готов отдать жизнь за него! — воскликнул он. — Скажи, кто ты? Где Мирза Мохсун?

— Ответь мне на третий вопрос. Скажи, умеешь ли ты хранить тайну?

— Сестра, не оскорбляй меня. Я учился у Мирзы Мохсуна, а этим все сказано, — ответил Дашдемир.

— Ну, тогда объясни вот это... — сказала женщина и, вытащив из-под чадры тарелку, поставила ее перед Дашдемиром. В тарелке лежали гранат, горсть игл, ножницы, лист бумаги, кусок мяса и нож.

— Если ты не забыл того, чему учил тебя Мирза Мохсун, то должен понять, что означают эти вещи.

Дашдемир, ничего не говоря, взял нож и разрезал мясо на мелкие кусочки. Потом он ножницами изрезал на клочки лист бумаги. Затем взял в руки горсть игл и по одной вонзил их в гранат.

— Молодец! — улыбнулась женщина. — Теперь объясни, что ты хочешь сказать этим.

— Ханум, я понял, что ты решила доверить мне тайну, — сказал Дашдемир. — Разрезав на кусочки мясо и бумагу, я хотел сказать, что если бы даже мое тело изрезали на куски, как это мясо и как эту бумагу, и пронзили бы стрелами, как этот гранат, я все равно никому не открыл бы того, что ты доверишь мне.

Услышав это, женщина снова улыбнулась и скинула с лица чадру.

Дашдемир увидел перед собой дочь Мирзы Мохсуна — красавицу Нардан.

— О, Нардан! — воскликнул Дашдемир. — Скажи мне, почему ты уехала из своего дома, где твой отец?

— Слушай же, Дашдемир, с того дня, как мой отец ушел к падишаху, я не видела его. И по сей день я не знаю, что с ним. Но вечером того самого дня наш сосед принес мне пять вещей — условных знаков — и сказал, что отец просил его передать эти вещи мне. Я сразу заподозрила, что с отцом что-то случилось и поэтому той же ночью ушла из дома. Что означают три из присланных отцом вещей, я поняла, а что он хотел сказать двумя остальными, — нет. Поэтому я и пришла к тебе.

— Какие же вещи прислал твой отец? — спросил Дашдемир.

— Отец послал грушу, сливу, ручную мельницу, кусок железа и камень. Я поняла, что ручная мельница, — это та самая заброшенная мельница, что стоит возле вашего дома, а камень и железо — это ты¹. Но что значит груша и слива? — и Нардан положила перед Дашдемиром грушу и сливу.

Внимательно посмотрев на них, Дашдемир улыбнулся и сказал:

— Ты правильно разгадала, что означают и ручная мельница, и камень, и железо. А мне ясно, что хотел сказать твой отец, передав эти плоды.

— Что же?

Дашдемир хотел было ответить Нардан, но, глянув на чабана, осекся.

— Гость хочет спать, — сказал он, — пусть мать постелит ему, а мы перейдем в другую комнату.

Когда Дашдемир и Нардан прошли в другую комнату, юноша, показывая, на грушу и сливу, сказал:

— Нардан, эта груша — сорта Абас-бейли, а эту сливу садовники называют сливой-визирем. Твой отец хочет сказать, что история, приключившаяся со

---

¹ Камень — даш, железо — демир (азерб.). Эти слова составляют имя «Дашдемир».

мною на заброшенной мельнице, связана с начальником шахского войска Абас-беком и визирем.

— Что же мы должны предпринять? — спросила девушка.

— Во-первых, мы должны хранить нашу тайну. Во-вторых, нам нужно во что бы то ни стало узнать, где твой отец и что с ним. Без его совета нельзя ничего предпринимать.

— Я попрошу мать, чтобы она перешла в ваш дом, и вы поживете вместе. А я тем временем попытаюсь узнать, где Мирза Мохсун.

Проводив Нардан и мать, которая пошла вместе с девушкой, Дашдемир вернулся к гостю. Чабан еще не спал.

— Я ровно ничего не понял из вашего разговора, — сказал он.

— И хорошо, что не понял, брат! — ответил Дашдемир.

Видя, что Дашдемир не хочет объяснить, о чем он говорил с девушкой, гость спросил:

— Значит, послезавтра Абас-бек отнимет у тебя этот дом?

— Если сумеет, отнимет, — сказал Дашдемир. — Послезавтра я пойду к падишаху.

— А тебя пустят к падишаху?

— Если бы это зависело от них, наверняка не пустили бы. Но я сделаю так, что падишах сам пригласит меня к себе.

Дашдемир и чабан поговорили еще немного, а потом уснули.

Утром чабан ушел, и Дашдемир остался один. Прошел день. Прошла ночь. На следующее утро спозаранку Дашдемир встал, взял кирку и лопату и направился к шахскому дворцу. Подойдя к дворцу, он стал подкапывать его стену.

— Что ты делаешь?! — закричали стражники и, схватив Дашдемира, повели его во дворец.

Но сколько там ни допытывались, зачем он подкапывал стену, Дашдемир отвечал одно и то же:

— Кроме падишаха, никому не могу сказать об этом.

Видя, что от юноши ничего не добьешься, стражники повели его к падишаху. Падишах сидел на троне, лицо его было покрыто шелковым платком. Рядом с падишахом Дашдемир увидел и визиря, и Абас-бека.

— Слушай, кто ты и чем занимаешься? Зачем ты подкапывал стену моего дворца? — спросил падишах.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, там закопаны семь кувшинов, полных золота. Вот я и хотел вытащить их.

— А откуда тебе известно, что там есть золото?

— Да прибавится здоровье падишаху, сегодня ночью я видел во сне, — ответил Дашдемир.

— Ты, видно, дурак, — разозлился падишах. — Разве все, что видишь во сне, можно принимать за истину!

— Да снизойдет благополучие на падишаха, я и сам раньше полагал, что снам не следует верить. Но начальник твоего войска Абас-бек научил меня другому.

— Говори толком, в чем дело, — приказал падишах.

Дашдемир рассказал обо всем.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, — закончил свой рассказ Дашдемир, — теперь объясни мне, как же это получается, что сны богатых бывают правильными, а сны бедных ложными?

Падишах разгневался и, повернувшись в сторону визиря и Абас-бека, приказал:

— Сейчас же отмените решение суда, и пусть этот дом останется за его хозяином.

Визирь и Абас-бек вышли. А падишах приказал стражнику:

— Принеси ту вещь, которую я вчера дал тебе.

Стражник вышел и вернулся с подносом. Падишах приказал поставить поднос перед Дашдемиром. На подносе лежали гранат, горстка игл, ножницы, лист бумаги, кусочек мяса и нож.

— Если ты не забыл, чему учил тебя Мирза Мохсун, отвечай! — приказал падишах.

Дашдемир так и замер от изумления. Но он быстро взял себя в руки, изрезал мясо и бумагу, а иглы вонзил в гранат.

Падишах засмеялся и скинул с лица шелковый платок.

Дашдемир поднял глаза и узнал в падишахе того самого чабана, который попросил у него ночлега.

— Я нарочно отверг твою жалобу на Абас-бека, чтобы заставить тебя прийти ко мне, — сказал падишах. — Я подозреваю своих людей. Кажется, Мирза Мохсун был прав в своих предположениях. В ту ночь я умышленно переоделся чабаном и пришел к тебе. Но я не все слышал. Скажи мне, что означают те фрукты — груша и слива, что это за мельница и где Мирза Мохсун?

Дашдемир задумался. «Может быть, падишах и в самом деле заподозрил своих людей и хочет разоблачить их. Но возможно и другое, а именно, что падишах сам заодно со своим визирем и начальником войска. Нет, я не могу открыть ему то, что знаю».

— Я при тебе обещал той девушке, — сказал Дашдемир, — какое бы испытание ни выпало на мою долю, я не раскрою эту тайну. Поэтому ты напрасно спрашиваешь меня. Я ничего не знаю.

— Дашдемир, ты знаешь многое. Не упрямясь! Расскажи обо всем, что тебе известно.

— Я ничего не знаю, — повторил Дашдемир.

— Пока ты не расскажешь мне все, что знаешь, я буду держать тебя здесь! — сказал падишах и при-

казал стражникам отвести Дашдемира и посадить его в темницу.

Никто не рад попасть в темницу. Но Дашдемир был доволен тем, что угодил туда, потому что в темнице он увидел своего учителя Мирзу Мохсуна.

Когда настала ночь и все заснули, Мирза Мохсун рассказал Дашдемиру о том, что с ним приключилось.

— Сын мой, — сказал он, — меня заточили сюда визирь с Абас-беком. Другого выхода у них и не было. Если бы они не посадили меня в темницу, я бы разоблачил их грязные проделки.

А дело было так. Падишах, оказывается, склонился к тому, чтобы назначить меня своим советником. Когда визирь с Абас-беком узнали о намерении падишаха, они решили во чтобы то ни стало опорочить меня в его глазах. А я и не подозревал об этом.

В тот самый день я пришел во дворец рано, падишах еще почивал. Визирь увидел меня и повел в свою комнату — отведай, мол, мой хаш¹. Я поел, а когда мы встали из-за стола, визирь сказал, мне, что падишах не выносит запаха чеснока. Поэтому я, придя к падишаху, остановился на расстоянии и прикрыл рот платком. Увидев меня в такой позе, падишах сильно разгневался и приказал отрубить мне голову. Оказывается, визирь, накормив меня хашем и сказав, что падишах не выносит чесночного запаха, тут же направился к падишаху и налгал ему, будто я говорил, что изо рта падишаха скверно пахнет и я, мол не переношу этот запах. То, что я поднес ко рту платок и остановился в отдалении, явилось для падишаха подтверждением слов визиря. Вот он и приказал отсечь мне голову. Услышав повеление падишаха, визирь и Абас-бек пришли в неописуемую радость. А я тем временем, присмотревшись, увидел, что шахская сабля

---

¹ Хаш — восточное блюдо, приготовленное из бараньих ножек и головы и приправленное чесноком.

Абас-бека неплотно сидит в ножнах и сразу вспомнил о том клинке, что ты принес с заброшенной мельницы.

— Раз ты казнишь меня, исполни мою последнюю просьбу. Я хочу, чтобы мою голову отрубил начальник твоего войска Абас-бек, причем шахской саблей, той, которую ты подарил ему.

Падишах с удивлением посмотрел на меня, подумал и, обратившись к Абас-беку, приказал:

— Отруби ему голову.

— Да снизойдет благополучие на падишаха! — взмолился Абас-бек. — Этот человек совсем не виновен, помилуй его!

— Не прекословь, обнажи саблю, которую я подарил тебе, и отруби голову этому человеку, — еще раз приказал падишах.

Тогда Абас-бек, взявшись за золотую рукоять сабли, сказал:

-- Да снизойдет благополучие на падишаха, я выполню твой приказ. И если этот человек виноват, пусть с первого же удара его голова упадет на землю. Если же он невиновен, пусть моя шахская сабля станет деревянной!

Сказав это Абас-бек обнажил саблю, и все увидели, что ее клинок деревянный. Подумав, падишах повернулся ко мне и сказал:

— Видно, ты и в самом деле невиновен. Ступай, а завтра придешь ко мне.

Тогда-то мне и стало совсем ясно, что человек, напавший на тебя в заброшенной мельнице, был Абас-бек. И сабля, которая переломилась о твой топор, была шахским даром Абас-беку. Не успев еще обзавестись новой саблей, он, чтобы не вызвать подозрений падишаха, приделал к золотой рукояти деревянный клинок.

Но и Абас-бек с визирем поняли, что я знаю их тайну. Поэтому, как только я вышел из дворца, они схватили меня и посадили в эту темницу.

Дашдемир, в свою очередь, рассказал Мирзе Мохсуву обо всем, что с ним приключилось за время их разлуки.

Прошло несколько дней. В каждый из них падишах призывал к себе Дашдемира и требовал, чтобы тот раскрыл ему свою тайну. А Дашдемир упорно отвечал, что ничего не знает. И всякий раз после такого ответа юношу снова уводили в темницу.

Однажды падишах, проснувшись, узнал, что огромное войско соседнего царства осадило его город. Падишах послал своих людей узнать, чего хотят соседи.

— Мы зададим вам один вопрос, — сообщил им соседний падишах, — и если вы ответите на него, мы уйдем, если же нет — возьмем вас всех в плен. Соберите завтра всех мудрецов вашего города, мы придем и зададим наш вопрос.

Падишах приказал собрать всех умных людей города. На следующее утро люди соседнего падишаха привели двух кобыл одинакового роста и масти и сказали:

— Ответьте нам, не смотря в зубы этих кобыл, какая из них мать, а какая ее детеныш.

Но сколько ни думали умные люди города, никто из них не смог ответить на этот вопрос. Тогда падишах приказал стражникам:

— Приведите из темницы Дашдемира.

Привели Дашдемира.

Падишах объяснил ему в чем дело и сказал:

— Вся надежда на тебя. Мирза Мохсун пропал и только ты, его ученик, сможешь ответить на этот вопрос.

— Хорошо, — сказал Дашдемир, — прикажи, чтобы поставили две кормушки и в каждую насыпали немного ячменя.

Как только принесли кормушки, Дашдемир освободил обеих кобыл от узды и пустил к кормушкам.

Увидев ячмень, одна из лошадей заржала, а другая — подбежала к ней.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, — сказал Дашдемир, — та лошадь, которая заржала, — мать, а та, которая подбежала к ней, — ее детеныш.

Услышав такой ответ, войско соседнего падишаха отошло от города.

Когда все разошлись, падишах призвал к себе Дашдемира.

— Спасибо тебе! Если бы не ты, наши дела были бы плохи, — сказал он. — Требуй от меня чего хочешь.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, мне ничего не надо. Я хочу только, чтобы ты выпустил меня из темницы.

— Об этом и не проси. Пока не откроешь тайну, не выпущу, — сказал падишах.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, я ничего не скажу.

Дашдемира снова увели в темницу.

Когда Дашдемир рассказал обо всем Мирзе Мохсуну, тот сказал:

— Ты хорошо сделал, что ничего не сказал. Надо быть осторожным. Если падишах снова призовет тебя, ты поставишь ему одно условие, прежде чем раскрыть тайну. Это поможет нам выяснить, что за человек падишах. А какое это условие, я скажу тебе потом.

Прошло два дня. А на третий — город снова осадило войско соседнего падишаха. На этот раз его люди задали еще более трудный вопрос. Они нарисовали на земле круг и сказали.

— Или вы ответите, что означает этот круг, или мы возьмем вас всех в плен.

Ни один из ученых людей не мог понять, что означает этот круг и что с ним следует делать.

Падишах снова призвал Дашдемира. Когда Дашдемира уводили, Мирза Мохсун сказал ему:

— Если падишах спросит тебя, чего ты желаешь в награду, скажи: «У меня единственная просьба к тебе — призови свою мать и я задам ей один вопрос. А потом открою тебе свою тайну». Когда падишах призовет мать, ты спросишь у нее: «Если мать сознательно теряет своего ребенка, какого наказания заслуживает она?» Как она поведет себя — расскажешь мне.

Между тем люди соседнего падишаха ждали ответа на свой вопрос.

Когда Дашдемира подвели к кругу, он взял палку и разделил ею круг на две половины. Тогда люди соседнего падишаха положили на одну половину стрелу. Дашдемир же взял меч падишаха и положил его на другую половину круга. После этого люди соседнего падишаха высыпали в круг горсть пшена. Дашдемир, недолго думая, приказал, чтобы ему принесли петуха. Когда принесли петуха, он пустил его в круг, и петух быстро склевал все зерно. Увидев это, люди соседнего падишаха, опустив голову, молча ушли.

— Дашдемир, я ничего не понял, — сказал падишах. — Что спрашивали они и что ты им ответил?

— Да снизойдет благополучие на падишаха, тем кругом, что они нарисовали, они хотели сказать: весь мир должен быть нашим. Я же, разделив круг, дал им понять, что в мире есть и наша земля, и мы ее никому не отдадим. Положив стрелу, они хотели сказать, что раз так, то они будут воевать с нами. В ответ на это я положил меч. Пшено, которое они высыпали, означало, что их войско бесчисленно. Я же все это пшено отдал на съедение одному петуху, сказав тем самым, что у нас есть такие пехлеваны, которым не страшно их войско.

— Спасибо тебе, Дашдемир, — сказал падишах. — Если бы не ты, никто из нас не смог бы ответить им. Скажи мне, что ты просишь у меня?

— Да снизойдет благополучие на падишаха, я знаю, что ты не освободишь меня, пока я не раскрою тебе тайну. Сейчас у меня есть такая просьба: призови к себе свою мать, и я задам ей один вопрос.

Когда падишах призвал свою мать, Дашдемир спросил у нее:

— Ханум, если мать сознательно теряет своего ребенка, какого наказания заслуживает она?

Только Дашдемир произнес эти слова, как мать падишаха закричала и упала без чувств.

— Что ты сказал моей матери? — спросил падишах.

— Я пока не могу сказать тебе этого, — ответил Дашдемир.

Падишах разгневался и приказал снова увести Дашдемира в темницу.

Когда Дашдемир рассказал Мирзе Мохсуну о случившемся, мудрец сказал:

— Огненные мне все ясно. Нам не следует бояться падишаха. Но нужно остерегаться визиря и Абас-бека.

Теперь ты можешь рассказать падишаху и о заброшенной мельнице, и о переломленной сабле, и о том, что я нахожусь в темнице. Когда же он призовет к себе меня, я раскрою такую тайну, что все вы будете поражены.

— Нет, я дал слово Нардан и без ее разрешения не скажу ничего ни падишаху, ни кому-либо другому.

При этих словах в темницу вошли стражники и сказали, что падишах призывает Дашдемира.

Оказалось, что к городу снова подошло огромное войско соседнего падишаха. Его люди принесли большой камень и сказали:

— Или вы сошьете из этого камня одежду для нашего падишаха, или мы всех вас возьмем в плен.

Дашдемир, подойдя к камню, сказал:

— Из камня нетрудно сшить одежду. Но у меня сломалась игла и кончились нитки. Вот вам горсть

песка, возьмите и сделайте из него иглу и нитки, тогда я начну шить.

Люди соседнего падишаха растерялись.

— Разве из песка может получиться игла и нитки? — удивленно спросили они.

— Конечно, — ответил Дашдемир. — Человек, который не умеет сделать из песка иглу и нитки, не сможет носить одежду из камня. Я буду ждать здесь, и когда вы принесете мне иглу и нитки из песка, я сошью одежду для вашего падишаха.

И на этот раз люди соседнего падишаха ушли ни с чем.

— Спасибо тебе, — сказал, повернувшись к Дашдемиру, падишах. — Сегодня ты их так проучил, что они больше не придут сюда. А теперь я хочу поговорить с тобой в последний раз. Или ты сегодня же раскроешь мне твою тайну, или я прикажу повесить тебя.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, — ответил Дашдемир. — Я дал слово, и пока тот, кому я обещал, не разрешит мне говорить, я ничего не скажу тебе.

Падишах разгневался и приказал поставить на площади виселицу. Глашатаи известили, что Дашдемир будет повешен за непослушание падишаху.

На площади собрался народ. Привели Дашдемира. Падишах еще раз спросил:

— Будешь говорить или нет?

— Нет, — ответил Дашдемир.

Падишах призвал палачей. Но только те надели веревку на шею Дашдемира, как мимо виселицы пронесся всадник и ударил о землю гранат. Гранат разбился, его зернышки рассыпались вокруг.

— Да снизойдет благополучие на падишаха! — воскликнул Дашдемир. — Я готов говорить.

— Почему же ты до сих пор не хотел говорить, а сейчас согласился? — спросил падишах.

— Да снизойдет благополучие на падишаха, — сказал Дашдемир. — Тот, кому я дал слово, разрешил мне открыть тайну, — и он показал падишаху на зернышки граната, рассыпавшиеся на земле.

— Хорошо, — сказал падишах, — отвечай, кто была та девушка, которую я видел у тебя?

— Это была дочь Мирзы Мохсуна.

— Я так и думал. Теперь скажи мне, что хотел сказать Мирза Мохсун той грушей и той сливой?

— Он хотел сказать, что история, приключившаяся со мной в заброшенной мельнице, связана с Абас-беком и твоим визирем.

— А что приключилось с тобой в заброшенной мельнице?

Дашдемир рассказал падишаху обо всем.

— Где же та сабля? — спросил падишах.

— Мирза Мохсун спрятал ее.

— А где Мирза Мохсун?

— В темнице, — ответил Дашдемир.

— Кто же заточил его в темницу? — спросил падишах.

— Визирь и Абас-бек.

Падишах приказал привести Мирзу Мохсуна. А сам спросил Дашдемира:

— Что означает тот вопрос, который ты задал моей матери?

— Это известно только Мирзе Мохсуну. Я об этом ничего не знаю.

При этих словах привели Мирзу Мохсуна.

— Мирза Мохсун, прежде всего скажи мне, где та сабля? — спросил падишах.

— У моей дочери.

— Пусть Дашдемир пойдет, приведет девушку и принесет саблю, — приказал падишах. Потом он спросил у Мирзы Мохсуна:

— Дашдемир задал моей матери такой вопрос, от которого она лишилась чувств. Скажи мне, в чем дело?

— Пусть все соберутся здесь, и я отвечу тебе, — сказал Мирза Мохсуи. — Но прежде всего ты заключи в темницу визиря и Абас-бека, пока они не сбежали. Убийцы мельника, его жены, отца Дашдемира — они, главари разбойников — тоже они.

Падишах приказал немедленно заключить в темницу визиря и Абас-бека.

Тем временем вернулся Дашдемир, а вместе с ним пришли старая Фаты и Нардан. Нардан принесла саблю. Падишах сразу увидел, что это та самая сабля, которую он подарил Абас-беку. И тут ему вспомнилась история с деревянной саблей.

Мирза Мохсуи рассказал падишаху и о том, как визирь обманул его, накормив хашем.

— А теперь послушай, — сказал он, обращаясь к падишаху. — Сейчас я открою тебе самую большую тайну. Кроме меня, никто не знает ее. Да снизойдет благополучие на падишаха, твой предшественник — прежний шах, не имел сына. Жена приносила ему только дочерей. Падишах был жесток, и если жена рожала дочь, он выгонял ее вместе с ребенком.

Когда он женился на той, которую знают как твою мать, он еще заранее предупредил ее, что если она родит дочь он убьет и ребенка и ее. Случилось так, что и у нее родилась дочь. А в ту же ночь родился у мельника мальчик. Так вот твой визирь с Абас-беком, сговорившись, удушили мельника и его жену, а мальчика поменяли с дочерью падишаха. Да снизойдет благополучие на падишаха, ты — сын того мельника, твоего отца и мать убили визирь с Абас-беком.

— А есть ли у тебя доказательства в подтверждение твоих слов? — спросил падишах, пораженный рассказом Мирзы Мохсуна.

— Есть! Первое доказательство — это то, что ты так похож на своего отца, которого я хорошо знал, как две половинки одного яблока. Второе доказательство — это то, что ты по характеру не похож на прежнего падишаха. Твой предшественник был жестоким и глупым человеком, не заботился о народе, а ты не таков.

— Но мне непонятно, — сказал падишах, — почему визирь с Абас-беком поменяли меня на падишахскую дочь? Какая польза была им от этого?

— Польза была, — ответил Мирза Мохсун. — Дело в том, что падишах к тому времени был уже дряхлым. Визирь с Абас-беком боялись, что, когда падишах умрет, трон достанется другому человеку, при котором им будет трудно творить свои грязные дела. Поэтому они были заинтересованы, чтобы у падишаха был маленький сын. Вскоре после того, как они поменяли тебя, они отравили старого падишаха, а тебя поставили на его место. Они рассчитывали, поскольку ты молод, взять в свои руки всю власть и творить беззакония. Это они собрали шайки разбойников, они хотели всех нас уничтожить.

Падишах задумался.

— Я хочу верить всему, что услышал от тебя, — сказал он, — но не могу поверить. Есть ли у тебя еще какие-нибудь доказательства?

— Да прибавится здоровье падишаху, пусть та, которую ты называешь матерью, придет сюда.

Стражники привели женщину, которую все считали матерью падишаха, и она рассказала все как было.

Теперь падишах убедился, что Мирза Мохсун говорит правду.

— Мирза Мохсун, — сказал он, — ты должен найти и дочь падишаха. Ведь трон по закону принадлежит ей. Я отдам дочери падишаха и власть и корону, а сам пойду на отцовскую мельницу.

— Визирь и Абас-бек бросили девочку в лес на съедение зверям, — сказал Мирза Мохсун. — Я нашел эту девочку, вырастил ее и берег как свою дочь. Она и теперь еще не знает, кто ее отец и мать.

Сказав это, Мирза Мохсун открыл лицо Нардан. И все увидели, что девушка и жена прежнего падишаха похожи, как две капли воды. Мать и дочь обнялись.

— Нардан-ханум, — обратился к девушке падишах, — шахство принадлежит тебе. Принимай трон и корону.

— Нет, — ответила Нардан, — я дарю их тебе. Ты еще молод, но все говорит за то, что ты будешь хорошим падишахом. Да к тому же ты взращен молоком моей матери. Значит, мы молочные брат и сестра.

— Тогда, сестра, какой дашь ты мне совет? — спросил падишах.

— Мой совет таков — хорошо обращайся с народом, будь добр и справедлив. И знай, что настоящий мой отец, мой воспитатель — Мирза Мохсун. Сделай его своим визирем. А меня не разлучай с Дашдемир-ром.

Падишах сделал Мирзу Мохсуна своим визирем. Прежнему визирю и Абас-беку пришлось болтаться на виселице. А Дашдемир и Нардан справили свадьбу.

СКАЗКА О ДВУХ БРАТЬЯХ

Жили-были два брата. Одного звали Мерд¹, а другого — Намерд².

В один из дней случилось так, что братья Мерд и Намерд должны были вместе отправиться в путь. Дорога их была длинной — они шли искать себе работу.

Каждый раз на привале Мерд развязывал свой мешок, приглашал брата, и они вместе ели. А Намерд своего мешка никогда не развязывал. «Вот кончатся твои припасы, — говорил он, — тогда примемся за мои».

Так они и шли. Наконец, мешок у Мерда опустел. Настал черед Намерда кормить брата. Дошли они до одного дерева, у которого бил родник с прозрач-

---

¹ Мерд — мужественный, великодушный, щедрый.

² Намерд — лживый, вероломный.

ной, словно слеза, водой и сделали привал... Намерд расстелил свою скатерть и стал есть один. Мерд понял, что Намерд и не думает делиться с ним.

— Братец, я ведь тоже голоден! — сказал он.

— Дай, выколю твой правый глаз, положу в твой карман, тогда и поешь тебе дам, — ответил Намерд.

Сначала Мерд подумал, что брат шутит. Попросил еще раз дать ему поесть, но тот в ответ все твердит свое.

Словом, Мерд много говорил, да только Намерд мало его слушал.

А Мерд был очень голоден. Он понял, что если жестокосердечный брат оставит его здесь и уйдет, он умрет с голоду и сам станет пищей диких зверей и птиц. «Уж лучше лишиться глаза, чем умереть с голоду», — подумал Мерд и согласился.

Намерд выколол брату правый глаз, положил ему в правый карман, а потом бросил ломоть хлеба.

Вскоре они снова пустились в путь. Долго ли они шли, недолго ли, только в полдень снова сделали привал. Мерд увидел, что брат опять не хочет поделиться с ним пищей. Сколько он ни просил дать и ему хоть кусочек хлеба, но ничего не получил. Наконец, Намерд выколол ему и левый глаз, положил в левый карман, а сам ушел, так и не дав брату поесть. И остался Мерд один-одинешенек под открытым небом.

Много ли времени прошло, мало ли, наступил вечер, стемнело. Наощупь, шаря руками по земле, Мерд добрался до дерева, нарвал и подостлал себе веток, повыше взбив у изголовья и прилег. Бедняга погрузился в печальные думы. «Что мне теперь делать, куда идти?» — размышлял он. Вдруг до его слуха донесся какой-то шорох. Несчастный в страхе затаил дыхание.

Совсем рядом с собой он услышал чье-то посапывание. Оказывается, это были Лев, Волк и Лис.

Звери расселись под деревом. Лев повернулся к Волку и спросил:

— Как поживаешь, дядюшка Волк?

— Да продлятся твои годы, повелитель вселенной, — ответил Волк, — плохи мои дела! Ровно три дня, как я ничего не ел. По ту сторону горы есть выгон. Чабан каждый день пасет там стадо овец. Вот уже много лет подряд я ежедневно резал по козленку и барану из этого стада, жил — не тужил. Но этот чабан, чтоб его хворь взяла, откуда-то привел собаку. И теперь я и близко-то боюсь подойти к стаду!

— Вчера и я видел эту собаку, — сказал Лев. — Кровь ее целебна. И любой больной, испив ее, выздоровеет.

Потом Лев спросил у Лиса:

— Ну, а как твои дела, братец Лис?

— Да продлятся твои годы, падишах, что можно сказать о моих делах? Лис не полезет в западню для того, чтобы оценили его шкуру! Не обманешь — не проживешь, — так я считаю. Вон за той горой есть пещера, — рассказал Лис. — В ней живет крыса. У нее есть несколько кувшинов с золотом и драгоценными камнями. Узнал я об этом, пошел к ней и наговорил ей страхов. Такая-сякая, говорю я ей, держишь золото в пещере, а оно ведь в конце концов испортится. «Что же мне делать?» — спрашивает крыса. А я говорю: — «Надо хотя бы раз в день раскладывать его на солнышке». Сначала крыса не поверила. Но, если имеешь лисий язык, убедить кого-либо — пара пустяков. И с того дня у нас такой уговор. Каждый день она вытаскивает и раскладывает золото на солнышке, а я стерегу. Потом крыса меня кормит, поит, да еще, провожая, на дорогу ужин дает.

Мерд слышал весь разговор. Но что пользы от этого — ведь он был слеп! Ни чабана он не смог бы найти, ни пещеры. С этими думами и уснул. Мало ли он

спал, много ли, да вдруг услышал голоса. Прислунав-
шись, Мерд понял, что это беседуют голуби на ветке
над его головой.

— Сестрица, голубушка...

— Что, душенька?

— Знаешь ли ты того, кто лежит под этим деревом?

— Нет, не знаю.

— Это великодушный брат.

— А почему он здесь лежит?

— Их два брата. Этого зовут Мерд, а другого —
Намерд. Намерд выколол глаза родному брату, осле-
пил и бросил его.

— Сестра, а нет ли средства от его слепоты?

— Почему же нет, есть. Скажи ему, если он спит,
пусть проснется, если проснулся — пусть слушает. Я
сейчас улечу. Из моего крыла упадет перо. Он дол-
жен поднять это перо. Потом вынуть из карманов
глаза, вставить их на свои места и провести по ним пе-
рышком. И тогда его глаза станут такими же зрячи-
ми, какими были от рождения.

Сказав это, голуби захлопали крыльями и улетели.
И вдруг Мерду на грудь упало перо. Он взял его и,
вставив себе в глазницы глаза, провел по ним этим пе-
рышком. И прозрел!

Вновь увидев белый свет, Мерд почувствовал себя
так, словно заново родился. Он встал, осмотрелся и
увидел гору, о которой вечером говорили звери.

И Мерд направился прямо к этой горе. Шел он,
шел и, наконец, пришел. Обошел вокруг склона и вдруг
увидел пещеру. Бесшумно вошел в нее и заметил, что
там стоят семь кувшинов, и все полные. Золота, сереб-
ра, драгоценных камней здесь было столько, что легче
пожалуй было пересчитать звезды на небе, чем эти со-
кровища.

Мерд взял с собой столько золота, сколько мог уне-
сти, а остальное спрятал.

Затем он направился дальше и, обогнув гору, увидел, что в долине пасется большое стадо. Приблизившись к чабану, Мерд приветствовал его. Чабан ответил ему тем же. Мерд присел рядом с чабаном на камень и они разговорились. Побеседовали о том, о сем, а затем Мерд сказал чабану:

— Братец чабан, что хочешь проси, только продай мне свою собаку.

Чабан не соглашался. Мерд много говорил, только чабан мало его слушал. Наконец, Мерд, запустив руку в карман, вытащил целую горсть золота и высыпал все чабану на колени.

Увидав золото, чабан позабыл все на свете и согласился отдать собаку. Мерд взял собаку, спустился с ней в ущелье, отрезал ей голову, собрал кровь в склянку и отправился дальше.

Мерд шел, шел и, наконец, достиг одного города. Только он хотел войти в город, как стражники преградили ему дорогу.

— Врачевать умеешь? — спросили они.

— Зачем вам это? — спросил в свою очередь Мерд.

— Немало времени прошло с тех пор, как дочь нашего падишаха лишилась разума. Каких только лекарей ни приглашали, каких лекарств ни давали, но она все не выздоравливает. Поэтому падишах поставил нас здесь и наказал спрашивать всех, кто подойдет к городу, умеют ли они врачевать. А если умеют, вести их прямо к нему.

— Ну что же, я лекарь, — сказал Мерд.

— Тогда подожди здесь, — обрадованно сказал стражник, — а я пойду и сообщу падишаху.

Стражник побежал во дворец, а остальные окружили Мерда и сочувственно закачали головами. Заметив, что все смотрят на него и тяжело вздыхают, Мерд спросил:

— Почему вы так смотрите на меня?

Один из стражников ответил:

— Ах ты, несчастный, ведь дочь падишаха исцелить нельзя. Тридцать девять лекарей, так же, как и ты, хотели вылечить девушку, но не сумели. И падишах велел их казнить. Ты сороковой. Теперь и тебе наверняка отрубят голову. Поэтому мы и жалеем тебя.

— Не тужите, я вылечу ее, — сказал Мерд.

Пока они беседовали вернулся стражник и повел Мерда к падишаху.

— Слушай, лекарь, — сказал Мерду падишах, — у меня всего-навсего одна-единственная дочь, невинное дитя. Некоторое время тому назад она вдруг ни с того ни с сего, лишилась разума. Раз ты берешься ее вылечить, ставлю тебе такое условие. Дочь мою не видел ни один чужой мужской глаз до того дня, как она заболела. Если вылечишь ее, сыграю свадьбу и выдам ее за тебя. Не сумеешь вылечить — пеняй на себя: велю отрубить тебе голову.

Мерд согласился. Его отвели в комнату принцессы. Он для виду обошел ее вокруг, внимательно осмотрел ее глаза. Но бедняжка сидела спокойно и ни на кого не обращала внимания. Только то и дело вытирала руки о свое платье. Постояв немного, Мерд приказал всем выйти.

Оставшись с девушкой наедине, он запер дверь и, наполнив чашу собачьей кровью, подал девушке. Не сказав ни слова, девушка выпила кровь. Вскоре ее начало клонить ко сну, она упала в постель и так проспала до утра. А наутро поднялась такой, будто и не болела никогда. Совсем здоровехонькой! Эту весть сообщили падишаху. Падишах на радостях устроил пир на весь мир. Семь дней и семь ночей пировали и веселились люди на свадьбе дочери падишаха и Мерда.

А после свадьбы Мерд взял коней, отправился в пещеру крысы и сколько там ни было золота и серебра — все навьючил на коней и привез домой.

Представьте себе, какая благодать: сам — зять падишаха, казна полна золота... Короче говоря, Мерд зажил в покое и довольстве.

В один прекрасный день Мерд сидел у окна. Перед ним стоял чай, в руке — трубка кальяна. Вдруг он увидел, что по улице идет его брат Намерд. Мерд послал слугу, догнать Намерда и привести в свои комнаты. Когда Намерд вошел и увидел всю эту роскошь, его глаза стали похожи на глаза козленка, объевшегося пшеницей. Он подумал, что Мерд сейчас прикажет убить его и страшно испугался. Но Мерд пригласил его сесть. Как только Намерд сел, Мерд подал знак слугам и они принесли угощение. Братья поели, попили, и тогда Мерд сказал:

— Ты был вероломен, но я буду великодушен. Ты поступил со мной подло и ослепил меня. Чего же ты добился? Я вот как живу, ты же остался ни с чем.

Склонив голову, Намерд стал просить прощения.

Сердце у Мерда смягчилось, и он простил его. Но Намерд остался таким же лживым и вероломным, каким и был. Ему удалось хитростью выведать у Мерда все, что с ним приключилось. Узнал как Мерд нашел золото, как вылечил дочь падишаха.

Короче говоря, Намерд, выбрав удобное время, отправился в то самое место, где когда-то оставил брата. Дождавшись темноты, он пришел и спрятался под деревом. Вскоре сюда пожаловали все трое — Лев, Волк и Лис.

— Как дела дядюшка Волк, как живешь? — спрашивает Лев у Волка.

— Да продлятся твои годы, повелитель вселенной, — говорит Волк, — у меня все хорошо. Та самая собака, о которой я говорил, куда-то исчезла. Стадо без присмотра, и я теперь каждый день без всякой опаски режу одну овцу и пирую в свое удовольствие.

Тогда, повернувшись к Лису, Лев спросил:

— А ты братец Лис, почему нос повесил? Или дела влохи?

— Да продлятся твои годы, шах, — ответил Лис, — мои дела плохи. Сколько ни было золота у крысы, все утащили. Поэтому скверно у меня на душе.

Услышав это, Лев призадумался и сказал:

— Это неспроста! Наверное, здесь прячется человек и подслушивает наши разговоры. Ну-ка, поищите вокруг!

Лев, Волк и Лис нашли Намерда и разорвали его на части.

Вот каков был конец Намерда.

ВСАДНИК НА БЕЛОМ КОНЕ

Кто-то был, а кого и не было. Жил-был жестокий падишах по имени Дешкювар. Как сказывали старики, пожившие на свете, был этот падишах свирепым мучителем с молодых лет. Огравил он даже родного отца, чтобы самому усесться на троне.

Сел падишах на престол, захватил все царство — совсем худо стало народу. Глазом не моргнув, посылал он на смерть сотни людей ради собственной прихоти. Не ладил падишах и с соседними государствами. Что ни год, затевал он новые походы. Рекою лилась людская кровь в сражениях да войнах. А падишаху и горя было мало.

Одно только мучало падишаха: не было у него детей. Не появлялось наследника престола, сколько бы раз ни женился он.

А брал падишах по три жены в год. Как увидит, что опять детей нет, убьет всех трех, либо велит заточить их в темницу, либо просто выгонит и возьмет трех новых жен.

Пришел однажды к нему во дворец дервиш.

— Да будет славен падишах, — сказал он. — Я могу дать такое средство, что каждая из трех твоих новых жен родит тебе по сыну. Но с условием.

— С каким? — спросил падишах.

— Как только твои сыновья достигнут пятнадцати лет, одного из них ты должен будешь отдать мне.

Падишах согласился.

Дал тогда дервиш ему снадобье и сказал:

— Раздели это на четыре равные доли. Одну прими сам, три другие раздай женам — каждой по одной доле.

Взял падишах снадобье, ушел дервиш. Сделал падишах все так, как тот ему советовал. Потекли дни, сложились в месяцы. И родилось у падишаха по сыну от каждой жены.

Одна из жен падишаха была ханская дочь. Назвали поэтому мальчика, которого она родила, Ханбала. Другая жена была дочерью бека. Назвали ее сына Бейбала. А третья жена была дочерью погонщика верблюдов. Падишаха увлекла ее красота, и он насильно забрал девушку в жены. Дали третьему ребенку имя Нербала, от слова «нер» — верблюд.

Промелькнули месяцы, минули годы, исполнилось сыновьям падишаха по четырнадцать лет, пошел каждому из них пятнадцатый. Надсмехались во дворе над Нербалой. Дразнили его братья, дали ему обидную кличку: «верблюжонок».

Свысока смотрели во дворце и на мать Нербалы. Другие две жены заставляли ее работать, как служанку. Плохо относился к Нербале и падишах. «Мой Ханбала», «мой Бейбала», приговаривал он, лаская других сыновей. А как увидит Нербалу — усмехнется:

— Ну и ну... Чего ждать от человека, дед которого — погонщик верблюдов?

Не раз пытался Нербала убежать, куда глаза глядят, но всякий раз останавливала его мать:

— Сынок, ты ведь знаешь, как лют твой отец; найдет он тебя, куда бы ты ни скрылся, и убьет.

А был Нербала и сильней, и умней своих братьев.

Настал, наконец, день, когда достигли они пятнадцати лет. И в тот же день, незадолго до сумерек, явился к падишаху дервиш.

— Знаю, знаю, зачем ты пришел, — сказал ему падишах. — Только вот что: не проси у меня сына. Дам тебе, сколько хочешь, богатства и ступай прочь.

— Нет, — ответил дервиш, — ничего другого мне не нужно. Либо отдашь мне сию же минуту одного из сыновей, либо я сделаю так, что все они трое умрут.

Видит падишах: дело плохо.

— Раз так, — говорит он, — не умирать же Хаибале с Бейбалой? Пусть станет искушительной жертвой за них Нербала. Бери его и делай с ним, что хочешь.

Отдал повеление падишах, схватили Нербалу, связали ему руки, передали дервишу. Увидела это мать Нербалы, бросилась падишаху в ноги:

— Прошу тебя, не губи моего сына.

Рассвирепел падишах, приказал посадить жену в темницу.

Повел дервиш Нербалу, пустился с ним в путь. А Нербала не знал, что его мать заточили в тюрьму.

Долго ли шли они с дервишем, недолго ли, вошли под утро в ущелье меж двух гор. Идет дервиш впереди, тянет за собой связанного по рукам Нербалу. Слышит вдруг Нербала чей-то голос. Оглянулся, видит: катится рядом с ним голый череп и человеческим голосом говорит. Навострил уши Нербала, слышит:

— Внемли и ведай: этот дервиш — людоед. Я был таким же юным, как ты. Он забрал меня у отца

с матерью, привел сюда, испек в тендире и съел. Береги себя, юноша. Отомсти за нас...

Сказал это череп и исчез. Призадумался Нербала. Что делать? Как быть? Вырваться и бежать? Далеко не убежишь: руки связаны, все равно поймает дервиш.

Думал Нербала, думал... Наконец, дервиш остановился и произнес:

— Пришли.

Поднял Нербала голову, глянь — вечер уже; добрались они до конца ущелья. Перед ними — дом. Построен он в таком глухом месте, что век нищи — не найдешь.

Порылся дервиш в суме, достал связку ключей, открыл одним из них дверь, пропустил вперед себя Нербалу, вошел сам следом и запер дверь за собой. Пошли они узким темным ходом и очутились в мрачном помещении. Подвел дервиш Нербалу к разостланной на полу постели и сказал:

— Поздно сейчас, да и устали мы. Ляжем спать, а завтра поговорим. Я одинок, у меня никого на свете нет. Будешь мне вместо сына.

Молвил это дервиш, вышел, запер за собою дверь и удалился. А Нербала и вправду устал. Лег он, как был, со связанными руками, уснул, да только до утра ворочался с боку на бок. Беспокойно спал, вздрагивал, то и дело просыпался. Разбудили его утром шаги. Притих Нербала, вслушался: открывает дервиш дверь...

Вскочил Нербала на ноги. Вошел дервиш, развязал ему руки. А потом говорит:

— Все, что есть тут, — твое. Мы будем жить как отец и сын. Вот только хлеба у нас нет. Давай-ка разожжем тендир, испечем хлеб, а потом увидишь, что я тебе покажу.

Как услышал Нербала о тендире, сразу вспомнил про череп. Но теперь он не боялся: руки-то развязаны, дервишу не справиться с ним. А по тому, как сладкоречиво разговаривал дервиш, юноша понял:

тот очень хитер. Нербала еще внимательней стал следить за каждым словом дервиша, за каждым шагом его.

Дервиш повел Нербалу в соседнее помещение. Увидел юноша, что — это тендирная.

— Сынок, — сказал дервиш, — нам нужно и тесто замесить, и тендир разжечь. Ты за что возьмешься?

— Дядюшка дервиш, — ответил ему юноша, — ведь мы с тобой — как отец и сын. Не подобает поэтому тебе делать что-либо, когда я есть. Я сам впредь все буду делать. Только пока я ничего не умею. Ты сегодня мне покажи, а я погляжу да поучусь.

Дервиш согласился:

— Твоя правда, сынок. Присматривайся и учись.

Разжег дервиш тендир. Принес муки, замесил тесто. Улегся тем временем дым, стал тендир красный-красный, жаром пышет.

Поднялся тогда дервиш, приволок котел — огромный, черный, опустил его в тендир. Глядит Нербала: котел как раз по тендиру подобран: ручки его в края тендира уперлись, упасть ему вниз не дают, а дно пришлось над самым костром, над раскаленными углями...

Не выдержал Нербала:

— Дядюшка дервиш, а котел для чего?

— Сынок, — ответил тот. — Мы будем печь хлеб не в тендире, а в этом котле, так у нас ни одна лепешка не пропадет. Потому что если и сорвется какая-нибудь со стенки котла, то никуда не денется, останется тут же в котле, а не испепелится на углях.

Нербала понял: лжет дервиш. Ясно теперь, чего он добивается: хочет зажарить его в этом самом котле. Но ничего не стал пока говорить Нербала, решил подождать, что же дальше будет.

Дервиш, усевшись на корточки, разрезал тесто на куски, потом начал раскатывать их в лепешки. Нербала решил подсобить ему, да только видит: не

торопится дервиш, тянет время. Дотянул дервиш до той поры, пока котел докрасна не раскалился. Подсел он потом к тендиру, проверил достаточно горячо ли, и говорит Нербале:

— Иди теперь сюда — пора хлеба сажать.

И на этот раз ничего не сказал Нербала, прошел он к тендиру. Протянул ему дервиш первую лепешку, предупредил:

— Сажай ее как можно ниже, поближе ко дну — там огонь под котлом сильнее. А то не испечется.

— Сейчас, — сказал Нербала.

И сделал вид, как будто вниз головой тянется в котел. Но сам пригнулся только чуть-чуть, стал следить из-под мышки за дервишем. Видит Нербала: на цыпочках, чтобы не шуметь, подобрался дервиш к стене, взял прислоненную к ней крышку от котла, схватил в другую руку топор и идет к тендиру. Понял юноша: правду вещал тот череп; хочет сейчас дервиш рубануть его топором, сбросить в котел, и, прикрыв крышкой, изжарить.

Не успел дервиш подступить — вскочил Нербала на ноги.

— Дядюшка дервиш, — сказал он. — Я никогда не сажал хлеба в тендир. Если я потянусь вниз с лепешкой в руке — боюсь, уроню ее, да и сам свалюсь. На, посади хотя бы первую, чтобы я увидел, как это делается, а остальные уже я сам посажу.

Дервиш разозлился, но не подал виду. Освободил он руки, взял у Нербалы лепешку, потянулся с ней в котел. «Кто копает яму другому, тот попадает в нее сам», — подумал Нербала и пинком сбросил дервиша в котел. Тот полетел вверх тормашками. Нербала прихлопнул котел крышкой и сам вдобавок встал на нее. Страшно забился, закричал под ним в котле дервиш, но Нербала не сошел с крышки. Так и стоял он на ней, пока дервиш в котле не затих...

Покошил Нербала с дервишем-людоедом и стал осматривать дом. Здесь было сорок покоев. Нербала обошел тридцать девять из них — один богаче другого. В этих покоях имелось все, что только душе угодно.

Подошел Нербала к сороковым дверям, открыл их, видит: перед ним конюшня. Стоит в ней на привязи белый конь, в другом углу привязан лев, а в большой клетке сидит дивная птица. Завидев Нербалу, конь заржал, лев зарычал, а птица заговорила человеческим голосом.

— Добро пожаловать, юноша. Давно мы томимся в заточении у дервиша. Одной надеждой жили; как ни изворотлив дервиш, найдется, наконец, храбрец, который расправится с ним.

Видит Нербала: перед конем положено мясо, перед львом зерно насыпано, а в клетке у птицы сено набросано. Взял Нербала и поменял все местами: мясо дал льву, сено — коню, а зерно — птице. «Спасибо!» — молвили они ему, каждый на своем языке.

А птица добавила:

— Раз ты позаботился с нас, дав каждому свой корм, видать, что ты человек справедливый. Ради такого человека в случае нужды и умереть не жаль. Если тебе туго придется — дай нам только знать. Мы всегда готовы прийти тебе на помощь.

— Совесть моя не позволит, чтобы вы оставались тут, в этой темной конюшне, на привязи, в клетке, на цепи, — сказал Нербала. — Я отпускаю вас. А вы поступайте, как знаете. Захотите уйти — в добрый час, надумаете остаться — я готов быть вам другом до конца своих дней.

Освободил Нербала всех троих. А звери вместо того, чтобы умчаться, стали ластиться к нему, тереться ему о руки и ноги.

— Днем мы станем гулять, кормиться, — сказала птица. — А по вечерам будем возвращаться сюда.

Улетела птица. Выбежали вслед за ней лев и конь. А Нербала принялся осматривать сад дервиша.

Сад оказался райским уголком. Соловей здесь воспевал розу, роза манила соловья.

Благоухали тут такие цветы, зрели такие прекрасные плоды, каких Нербала не видывал даже в прославленных садах и цветниках своего отца — падишаха Дешкювара.

Нербала бродил по саду, пока не утомился. Он поел плодов и прилег у родника. Долго ли спал он, коротко ли, только открыл вдруг глаза и видит: по одну сторону стоит конь, по другую — лев, а птица над головой на ветвях сидит. Друзья не забыли Нербалу: они принесли ему пищу. Лев притащил в зубах лань, а птица в когтях — куропатку. Нербала приготовил еду, поел, попил и снова улегся спать.

С этого дня Нербала крепко привязался к друзьям. Но потянулись дни, сложились в недели и заскучал Нербала. Друзья его заметили это.

— Если тебе очень скучно здесь, — сказала однажды вечером птица, — мы можем свести тебя в город.

Расспросив птицу, Нербала понял, что город, о котором идет речь, столица того падишахства, которое не раз разорял набегами его отец. Нербала побоялся, что его в этом городе могут узнать. Откуда знать горожанам, что его родной отец стал ему самому лютым врагом и послал его на верную погибель?

Однако птица рассеяла сомнения Нербалы.

— Мы знаем, о чем ты думаешь, — прервала она его размышления. — Ничего не бойся. Смени платье. Оденься в старье. Мы тебя до рассвета, на самой заре доставим в город. Походишь, погуляешь, как стемнеет, заберем тебя отсюда обратно.

Нербала согласился. Прошла ночь. Нербала поднялся чуть свет, переоделся в старое платье, повязал на голову поношенный платок.

Верхом на коне, с птицей над головой, в сопровождении льва добрался Нербала до города. На окраине, подле высоченной стены, конь остановился. Нербала спешился.

— За этой стеной — цветники падишаха, — предупредила птица. — Весну, лето и осень дочери падишаха проводят во дворце, что стоит посреди цветников.

Затем она выдернула у себя одно перо и добавила:

— Вечером встретимся тут. А если вдруг приключится что-нибудь с тобой до нашего возвращения, сожги это перо, и мы мигом явимся тебе на помощь.

Друзья удалились. Нербала зашагал в сторону города.

Город велик, знакомых нет; походил-походил Нербала в одиночестве, утомился. Вернулся он под вечер к условленному месту. Прислонился к стене, подождал немного. Открылась сбоку калиточка, выглянул из нее седобородый старик.

Нербала вежливо поздоровался с ним. Старик ответил на приветствие.

— Сынок, ты похож на пришельца, — молвил он. — Кто ты? И почему стоишь здесь? Может, тебе негде переночевать?

Никогда до этого в жизни не слышал Нербала ни от кого такого ласкового обращения. Те, с кем ему до сих пор приходилось общаться — отец, братья, придворные — вечно посмеивались, издевались над ним. А дервиш, так тот хотел его зажарить заживо.

Очень поэтому пришелся Нербале по душе старик.

— Да, я не здешний, — признался юноша. — Я в первый раз в этом городе. Жду своих товарищей, чтобы вернуться с ними в деревню.

— А я, сынок, садовником тут, — продолжал старик. — Все это я посадил. Сам смотрел за цветами, сам вырастил их. Несколько раз устраивал на нас набеги соседний падишах, истреблял людей; его войско грабило город, сжигало дотла дома. Каж-

дый раз в пустырь обращал он мой цветущий сад, но я снова и снова его растил. Я вижу, ты славный юноша. А я одинок. Во время последнего набега тот падишах разграбил, разорил мой дом. Был у меня один-единственный сын; падишах убил его. Сейчас я увидел тебя, очень ты мне понравился. Если нет у тебя иных занятий, иди ко мне учеником, вместе станем работать. Недолго мне осталось жить, не хочу, чтобы после смерти мой сад-цветник попал в чьи-нибудь неумелые руки и погиб.

— Я приду к тебе, дядюшка, — согласился Нербала. — Дай только срок: вернусь в деревню, отпущусь у матери и буду с тобой.

Старик показал Нербале свое жилище:

— Вот в эту дверь постучишься, кликнешь меня.

— Хорошо. Спасибо, — поблагодарил его Нербала.

Садовник ушел к себе, Нербала вернулся к забору. Стал он думать-гадать, о каком соседнем падишахе рассказывал ему старик. Может быть, о его отце?

Пока Нербала терялся в догадках, явились конь, лев и птица. Верхом на коне, с птицей над головой, в сопровождении льва вернулся Нербала домой и говорит им:

— Мне скучно тут без дела. Пойду я учеником к садовнику.

Доставили утром друзья его вновь к знакомой стене.

Вытянула птица еще несколько перьев.

— Мы будем там, где были, — сказала она. — Как понадобится, сожги перо, призови нас...

Простился Нербала с друзьями. Ушли они, а юноша остался помогать садовнику в цветнике.

Цветник этот считался самым замечательным в городе. И принадлежал он падишаху. У падишаха были три дочери. По вечерам они гуляли в этом цветнике. И вечером того дня, как поступил Нербала в ученики к садовнику, падишахские дочери, как всег-

да, вышли погулять. Гуляли они, гуляла и заглянула к садовнику.

Говорит ему старшая из сестер:

— Цветы уже распустились. Почему ты не присылаешь нам букеты по утрам?

— Ханум¹, я нарочно не приношу вам цветов, чтобы вы сами приходили за ними.

Средняя сестра поджала губы:

— Вот еще... Если нам самим надо приходиться за цветами, зачем же тогда мы держим тебя?

— Ханум, я не то хотел сказать. Ведь собирать цветы — само по себе удовольствие. Я не хотел вас лишать его. Но если вам это неудобно, пожалуйста: буду посылать вам по утрам цветы с Нербалой.

— С кем? — спросила старшая сестра.

— Вот с ним, — указал старик на Нербалу.

Старшая сестра расхохоталась:

— Нербала! Ну и имя!

— А что? — подхватила средняя сестра. — Имя как имя. Нербала. Нер — значит верблюд, а бала — малыш; значит: верблюд-малыш, маленький верблюд.

— То есть верблюжонок, — уточнила старшая сестра. — И впрямь он похож на верблюжонок. Поглядите на него!

— Нет уж приноси-ка мне цветы сам, — приказала садовнику средняя сестра. — Он мне неприятен.

— Вот вы всегда так, — возразила младшая сестра. — Ну и что из того, что на нем поношенное платье? Зато, взгляните-ка, какие у него умные глаза!

— Ну да, — сказала старшая сестра. — Большие. Черные.

А средняя добавила:

— Точь-в-точь как у верблюда.

---

¹ Ханум — госпожа.

— Не обращай на них внимания, — обратилась младшая сестра к Нербале. — Мне ты можешь принести завтра утром цветы.

— Рано утром он принесет тебе куст верблюжьих колючек, — расхохоталась старшая сестра.

Тут Нербала не выдержал:

— Чем богаты, тому и рады, хвиум! — заявил он. — Как говорится, кто во что горазд. Я постараюсь принести такие цветы, что младшей ханум их будет не зазорно принять.

— Утро вечера мудренее, — прервали его сестры. — Поживем — увидим.

Опечалился садовник, глядя как надсмехаются над юношей дочери падишаха.

— Не огорчайся, сынок, — стал успокаивать он Нербалу. — Не принимай их слова близко к сердцу.

— Ничего, дядюшка, — ответил Нербала. — Мне к подобным насмешкам не привыкать. Я их много слышался.

Садовник повел Нербалу в дом. Поели они, улеглись спать. Как только старик уснул, Нербала поднялся и вышел из дому.

Сжег он одно из перьев птицы. Не прошло и пяти минут, как она прилетела.

— Что случилось, Нербала?

— Мне нужно раздобыть до рассвета букет цветов. Но только это должны быть такие цветы, каких в этом падишахстве не видавали.

— Будет сделано, — отвечает птица. — Я раздобуду тебе такие цветы, что и за год не завянут.

Птица улетела, а Нербала вернулся в дом и лег спать. Рано поутру стал будить его садовник:

— Вставай, сынок. Я иду собирать цветы для старших дочерей. Идем со мной. Младшая дочь гораздо умнее и лучше своих сестер. И ты должен со-

ставить для нее такой букет, чтобы ей не краснеть перед ними.

А Нербала говорит:

— Ты иди, я приду следом.

Приготовил садовник два букета, отнес их старшей и средней дочерям падишаха. А Нербалы все еще нет. Стали они дразнить младшую сестру. Но тут подоспел Нербала, почтительно поклонился и протянул младшей принцессе букет невиданной красоты.

— Ханум, эти цветы не завянут целый год.

И впрямь цветы были так красивы, что старшие сестры прикусили языки и разошлись по своим комнатам. Унесла каждая свой букет к себе. Прошли сутки. Смотрят наутро сестры: цветы, что принес садовник, уже начали увядать. А букет Нербалы такой же благоуханный и свежий, как и вчера.

Еще сутки минули, за ними еще трое, неделя прошла, а букет Нербалы не потерял своей свежести. Тайком от младшей сестры обшарили старшие принцессы весь сад вдоль и поперек, но подобных цветов не нашли. Поняли: Нербала собрал свой букет где-то в ином цветнике.

Сестры от зависти аж здоровья лишились. Дошел об этом слух до самого падишаха. «Так, мол, и так, — нашептали ему придворные. — Принес ученик садовника младшей принцессе букет невянущих цветов, а старшие не вынесли этого и заболели».

— За чем же дело стало? — удивился падишах. — Позову завтра его; прикажу — принесет цветы и для них.

Призвал на следующий день падишах Нербалу:

— Это ты, что ли, принес букет моей младшей дочери?

— Я, — ответил юноша.

— Так иди и сегодня же собери еще два таких же букета.

Эти слова услышали сын визиря и сын векиля¹.

— Да продлятся дни падишаха, — обратился к нему сын визиря. — Что он собой представляет этот нищий садовник, чтобы его цветы могли чего-нибудь стоить?

А сын векиля добавил:

— Разрешите нам, мы раздобудем цветы получше!

— Я был бы рад, если бы сумели достать такие же цветы, — сказал Нербала. — Ведь они не увядают целый год. Попытайтесь найти их.

— А где же ты сам их собрал? — задал вопрос падишах.

— Эти цветы собрал не я. Их вез на базар юноша на белом коне, в белой чухе и в белой папаче. Он отдал букет мне, а я принес его ханум.

— А ты не спросил, где он собрал их? — поинтересовался падишах.

— Спросил. «Вон за той горой», — ответил мне юноша.

— Ну, что же, — сказал падишах. — Ступай и ты за ту гору, нарви цветов и принеси их к нам во дворец.

— Я же тут на чужбине, — возразил Нербала. — Ни коня у меня нет, ни даже мула. Как же я туда доберусь?

Тут снова вмешались в разговор сын визиря и сын векиля:

— Да продлятся дни падишаха! Кто он такой, чтобы доставать цветы для падишахских дочерей? На что же мы существуем? Позволь это сделать нам.

Падишах позволил. Сын визиря с сыном векиля стали готовиться в путь. А Нербала вернулся к себе.

Прошел день, наступил вечер. Нербала с садовником уже укладывались спать, как вдруг к ним кто-то тихонько постучался. Старик поднялся, открыл дверь.

---

¹ Визирь — главный придворный, векиль — главный судья.

Вошла младшая дочь падишаха. Вскочив на ноги, Нербала вежливо приветствовал ее.

— Ты сказал им, где растут эти цветы? — спросила юношу гостя.

— Да, ханум, сказал.

— Сумеют они принести завтра такие же букеты? Нербала потупился.

— Значит, они принесут такие же цветы? — повторила свой вопрос дочь падишаха.

— Я не могу обманывать вас, ханум, — сказал Нербала. — Скажу правду, хоть и не знаю, придется ли она вам по душе.

— Я хочу, чтобы ты сказал мне правду.

— Нет, ханум, — заявил Нербала. — Не принесут они завтра подобных цветов.

— Почему? — спросила девушка.

— Потому, что они не сумеют их найти.

— Значит, ты сбил их с толку? А ведь ты только что говорил, что не можешь лгать.

— Я сказал правду, — возразил Нербала. — Я объяснил, что цветы эти привез юноша на белом коне, в белой чухе и белой папахе. И я не лгал.

— Кто же такой этот юноша? — заинтересовалась дочь падишаха. — И где он теперь?

— Ханум, — вздохнул Нербала. — Я говорил уже, что не могу вам лгать, но и правды сейчас сказать не могу. Прошу вас, не спрашивайте меня об этом.

Видит девушка: юноша умен и честен. Задумалась она, а потом сказала:

— Нербала, я хочу, чтобы они сумели найти такие цветы.

— Почему? — удивился Нербала.

— Я отвечу тебе: мои сестры — вероломные и бессердечные девушки. Я нечаянно подслушала их беседу. Они хотят отомстить и тебе и садовнику. И если завтра у них не появятся такие же букеты, они под-

учат сыновей визиря и векиля выведать у тебя тайну твоих цветов, а потом убить тебя.

— Ханум, — улыбнулся Нербала. — Не смотрите, что я всего-навсего — сын садовника. Они не сладят со мной.

Видит девушка: юноша не только умен и честен, но и отважен. Это обрадовало ее. И она продолжила:

— Но сестры могут уговорить отца наказать садовника.

— За что же? — возмутился Нербала. — В чем же он провинился перед падишахом?

— Хотя бы, в том, что привел сюда, в наш цветник, тебя, чужого человека.

— Но ведь я не чужой. Я — внук его. Моя мать — его дочь. Мы жили в деревне. Мать скончалась, и я перебрался к деду.

Девушка вопросительно взглянула на садовника. А старик, поняв, что Нербала, отвечая так, поступил разумно, подтвердил:

— Да, ханум. Он мой внук.

— Ну, коли так, — говорит девушка, — тем более ты не должен допустить, чтобы дед твой был зря наказан. Но есть у сестер и вторая причина требовать у падишаха наказать садовника, хотя бы за то, что он до сих пор не посадил в цветнике таких цветов, как твои.

Нербала задумался и, помолчав немного, обратился к принцессе:

— Ханум, прошу вас, пожалуйста, подождите здесь пять минут, я сейчас возвращусь.

Вышел Нербала из дому, зажег перо птицы. Не успело оно еще догореть, а птица уж тут как тут.

— Скажи мне, — обратился к ней юноша. — Можешь ли ты раздобыть семена неувядающих цветов?

— Могу, — отвечает птица. — Добуду. Не нужно ли тебе еще чего-нибудь, говори, не стесняйся!

— Нужен мне еще до рассвета конь, — продолжал Нербала. — А вместе с конем, под цвет его масти — белая чуха и белая папаха.

— Будет сделано, — обещала птица.

— И еще два букета невянущих цветов, — добавил юноша.

— Будет и это.

Улетела птица. Вернулся Нербала домой.

— Ханум, — сказал он девушке. — Вы не такая, как ваши сестры, кичливые, чванливые да спесивые. Поэтому я — друг вам до конца своих дней и буду стараться выполнить любое ваше желание. Можете быть спокойны: завтра они получат точно такие же цветы, какие я вам принес.

Дочь падишаха ничего не сказала, только переглянулась со старым садовником и ушла. А Нербала со стариком легли спать.

Под утро птица доставила Нербале все, что обещала. Облачился юноша в белую чуху, надел белую папаху, взял букеты, вскочил на скакуна и направился за гору, которую показывал падишаху.

Занялось утро. Смотрит Нербала, едут сыновья ви-зиря да векиля. Прикрыл он лицо белым платком, чтобы они его не узнали, и двинулся им навстречу.

Видят те приближается к ним всадник на белом коне, в белой чухе и белой папахе, с двумя букетами дивной красоты в руках. Точь-в-точь такой, как описывал Нербала. Хотели они сперва напасть на него, убить юношу, забрать себе коня и цветы, да присмотревшись внимательней к всаднику и к скакуну под ним, оробели.

Поздоровались с юношей, спросили:

— Где ты взял такие цветы?

— Они растут в моем саду, — отвечал Нербала, изменив голос.

— Продай нам их, сколько бы они ни стоили.

— Нет, — отказался Нербала. — Не продам.

— Ну, тогда просто так отдай. У нас больные дома. Врачи прописали им эти цветы вместо лекарств.

— Если так, пожалуй, отдам, — согласился Нербала. Но при одном условии: каждому из вас я на руке поставлю свое клеймо.

Видят они, другого выхода нет, иначе им цветов не раздобыть. Да и никто не узнает про клеймо: под рукавом не видно. Приняли условия всадника. Поставил Нербала свое клеймо каждому на правой руке, дал им по букету, а сам ускакал в мгновение ока. А как перевалил за гору — спешился, переоделся, простился с конем и зашагал обратно к дому садовника.

Через час-другой весь город уже знал о геройстве, которое проявили сыновья визиря и векиля, раздобывшие цветы для дочерей падишаха. А про клейма на их руках, разумеется, никто не узнал. В тот же день визирь и векиль заявили к падишаху.

— Да будет славен падишах, — начал, низко поклонившись, визирь. — Мой сын показал свою храбрость. Он привез цветы, которые нравятся твоей старшей дочери. Я пришел сейчас к тебе как сват. Если будет на то твое позволение, прошу руки старшей падишахской дочери для моего сына.

Тут выступил вперед и векиль:

— Да будет славен падишах, позволь и мне просить для моего сына руки твоей средней дочери.

— Ваши сыновья и впрямь показали себя храбрцами, — промолвил падишах. — Я ничего не имею против таких женихов. Но дело в том, что у меня три дочери и свадьба всех трех должна быть сыграна в один и тот же день. И еще, мои дочери должны сами выбрать себе женихов.

Падишах отдал повеление, и на следующий день все население собралось перед дворцом. Трех падишахских дочерей усадили на отдельной веранде, дали каждой в руки по яблоку. Они должны были бро-

сигь яблоко тому юноше, которого они выберут себе в женихи.

Длинной чередой потянулись юноши перед верандой. Старшая сестра бросила яблоко сыну визиря, средняя — сыну векиля. Осталась младшая дочь.

Ждали-ждали, кому она кинет яблоко, да так и не дождались. Уже прошли все юноши, уже падишах послал человека спросить, почему его младшая дочь никому не бросает яблока?

А девушка отвечает:

— Тот, кого я жду, еще не пришел.

Стали думать-гадать, кого она ждет, кого же еще не хватает. Долго думали, терялись в догадках; ведь здесь были все юноши из знатных семей. Наконец, кто-то, то ли шутя, то ли всерьез, произнес:

— Остался только Нербала, внук садовника.

Кто-то послал позвать Нербалу. И он явился. Позвали его просто так, для потехи. Кто же мог всерьез подумать, что дочь самого падишаха бросит яблоко внуку садовника. Да, все получилось иначе, чем думали.

Едва только Нербала поравнялся с верандой, как младшая падишахская дочь кинула ему яблоко!

Падишах так рассвирепел, что чуть не лопнул от злости:

— Раз она бросила яблоко этому нищему, она мне больше не дочь! — вскричал он в бешенстве. — Теперь я насильно выдам ее за него: сама выбрала! Пусть все смеются над ней.

Дал падишах большое приданое старшей и средней дочерям, справил им пышную свадьбу. А младшей дочери ничего не дал. Отправил ее в дом садовника, — живи, мол, как знаешь.

Стали жить одной семьей садовник, Нербала и падишахская дочь. Была она мужественной девушкой. И сама не унывала, и садовнику с Нербалой не позволяла ни о чем тужить.

Прошло некоторое время.

Как-то падишах занемог. Опухло у него горло, да так, что не только куска, глотка воды проглотить не мог. Какими только его снадобьями не пользовали, ни одно не помогло. Разыскали, наконец, и привели к нему знаменитого лекаря. А лекарь и говорит:

— Падишаха может исцелить только бульон из дичи. И пить его надо несколько дней.

Услышали это зятья, оседлали коней, поскакали охотиться. Проведал про то и Нербала. Зажег он пероптицы, явилась она, попросил он что надо, и была его просьба исполнена.

И вот Нербала на белом коне, в белой одежде, с птицей над головой, в сопровождении льва добрался до одного родника, спешил и велел своим верным друзьям:

— Сгоните сюда всю дичь, какая есть в окрестностях.

Не прошло и часу, как все вокруг родника наполнилось дичью. Стал по одну сторону конь, по другую — лев, по третью — птица, по четвертую — сам Нербала. Окружили дичь со всех сторон, преградили ей дорогу.

А падишаховы зятья обрыскали все вдоль и поперек, с ног от усталости сбились. Но ни одной зверушки нигде не нашли. Поплелись они было обратно ни с чем, как вдруг наткнулись на родник, а дичи вокруг видимо-невидимо. Выхватили они из колчана стрелы, натянули луки, только собрались спустить тетиву, откуда ни возьмись — юноша в белом одеянии:

— Вы что это целитесь, не спросясь хозяина?

Узнали зятья юношу в белом, спрашивают:

— Разве дичь может иметь хозяина?

— А вы погодите минутку, — говорит Нербала. — Сейчас увидите, есть у дичи хозяин или нет.

Кинул он аркан, заарканил одно из животных, свистнул. Выскочили с трех сторон конь, лев да птица, бросились к нему. А остальная дичь разбежалась.

Увидали такое падишаховы зятя, выпучили глаза от удивления.

А Нербала засмеялся:

— Знаю я: тестю вашему недужится. Слышал и о том, что лекарь прописал ему бульон из дичи. Вот эту дикую косулю я изловил для вас. Но есть у меня одно условие: я отдам вам ее только после того, как поставлю вам по клейму на левую руку.

Переглянулись зятя: ничего не поделаешь, надо соглашаться. Поставил Нербала свое клеймо каждому на левую руку и предупредил:

— Только голову животного я возьму себе.

Зятя и на это дали согласие. Отрезал Нербала голову косули, а сам приговаривает:

— Голову — долой, вкус — с головой.

Забрал себе Нербала голову, сел верхом на коня, помчался: лев рядом бежит, птица над головой кружит — так и скрылся он с глаз.

А зятя забрали тушку, привезли во дворец. Здесь женщины быстренько сварили мясо, понесли бульон падишаху. Но не помогло ему это средство. Не случайно, видать, Нербала приговаривал тогда: «голову — долой, вкус — с головой». Перешли вкус и целебная сила дичи в голову: а голова-то у Нербалы осталась.

Как только перевалил Нербала через гору, поменял платье, отпустил своих друзей — птицу, коня и льва и пришел домой с головой косули под мышкой.

Увидели голову садовник и девушка, спрашивают:

— Что это?

— Зятя падишаха подстрелили дичь, а голову отрезали и выбросили. А я ее подобрал.

Садовник и девушка переглянулись, подозрительным показалось им все это, но промолчали.

А Нербала говорит девушке:

— Если хочешь, чтобы отец твой поправился, свари эту голову, а бульон отнеси ему.

Дочери падишаха не хотелось варить голову. Ведь отец даже смотреть в ее сторону не желал. Станет ли он есть пищу, которую она приготовила! Если бы еще еда как еда была. А то — бульон из головы, которую зятя на охоте выбросили.

Однако садовник стал настаивать:

— Сделай лучше, дочка, как Нербала советует: он зря никогда не говорит. Видно есть у него что-то на уме.

Сварила девушка голову, слила немного бульону, понесла во дворец. Но сама к отцу идти не решилась. Была у нее старая няня, разыскала она ее и послала бульон с нею.

Проглотил падишах ложку бульона — в глазах посветлело. Попробовал вторую — вроде еще легче стало, унялась в горле боль. Ухватил он тогда сосуд обеими руками, выпил все до донышка и кричит:

— Дайте еще!

Прибежала няня к младшей дочери падишаха, схватила всю кастрюлю и унесла во дворец. Выпил падишах все, спать лег, а утром, проснувшись в добром здравии, поднялся на ноги. Весь город тотчас облетела весть: исцелил, мол, падишаха отвар из дичи, что подстрелили его зятя.

Выздоровел падишах окончательно. Призвал к себе няню и спрашивает:

— Скажи, старая, откуда бульон, которым ты меня поила? Он совсем не похож на то варево, что готовили из косули, подстреленной моими зятями.

Пришлось няне сознаться во всем. Не сказал ничего падишах. И осталось все в тайне. А зятя, и без того кичливые, совсем теперь носы вверх задрали. До того чваниться стали, что дальше некуда.

Прошло еще некоторое время.

Однажды гонцы принесли весть о том, что снова, как уже бывало, идет на их город с войском свирепый падишах Дешкювар. Народ встревожился — людям

не раз уже приходилось испытывать ужасы этих нашествий.

Падишах вызвал к себе визиря да векиля. Стали снаряжать свое войско. К отпору готовиться. А пока готовились, прошло три дня. Дешкювар окружил город и прислал такое письмо:

«Эй, падишах! Я взял твой город в кольцо. Достаточно одного моего повеления — и воины мои не оставят от города камня на камне. Даю тебе три дня сроку... А условие такое: у меня — двое сыновей. У тебя два зятя. В первый день встретятся в единоборстве мой сын Ханбала и старший твой зять. Во второй день померяются силами мой сын Бейбала и младший твой зять. А на третий день я сам буду драться с тобою. Чья сторона возьмет верх — та победила в войне и забирает в плен побежденных. Принимай эти условия, а не то сотру твой город с лица земли, а развалины его засажу редькой».

Собрал падишах придворных, прочитал им письмо. Делать нечего — пришлось им принять условия Дешкювара. Стали зятя готовиться к поединку.

Выстроились наутро войска лицом к лицу. Снарядились и оба падишаховых зятя, выехали на площадь. А Нербала говорит младшей дочери падишаха:

— Пойди к отцу и скажи ему, пусть даст и мне меч и коня. Я, правда, в сражениях никогда не бывал, но не беда: хоть постою среди войска, и то одним ратником больше будет.

Не хотелось идти девушке к отцу: все во дворце плохо относились и к ней, и к Нербале, издевались над ними. А у сестер и их мужей не было для Нербалы другого имени, как верблужий сын. Пойдет она сейчас к отцу, а все опять начнут смеяться над нею.

Но Нербала настаивал.

Пошла она тогда прямо к отцу. Так, мол, и так: веди выдать и нам меч и коня.

— Ого! — удивился падишах. — Неужто и в верблюжьем сыне пробудилась честь?

— Почему ты издеваешься над нами, отец? — спросила девушка.

Разозлился падишах:

— Ты должна была стать женою такого человека, который сейчас мог бы войско мое возглавить. А ты кого избрала в мужья? Голодранца! Хотя бы с сестер пример взяла.

— Ну, что ж, — горько вздохнула дочь. — Не все бывают умными, не все зятья — храбрецами.

Слова дочери задели падишаха за сердце. Вспомнил он про отвар, который прислала она ему, когда он болел, и спросил:

— Скажи-ка. Где ты взяла питье, которое тогда присылала мне?

Дочь рассказала отцу обо всем:

— Зятья наши изловили косулю, а голову отрубили и выбросили. Нербала подобрал голову, принес домой. А я из нее для тебя бульон сварила.

— А кто ж тебя падоумил все это сделать?

— Нербала, — отвечала девушка. — Он сказал: «если хочешь, чтобы отец твой быстрее выздоровел, свари голову, а бульон отнеси во дворец». Я так и поступила.

Ни о чем больше не стал спрашивать дочь падишах. Вызвал он людей, приказал дать Нербале меч и коня.

Послал Нербале военачальник смеха ради хромую клячу и зазубренный ржавый меч. Увидел это садовник и говорит девушке:

— Издеваются они над нами, доченька. Огошлюка я все это обратно. А то увидит Нербала, огорчится.

Не успел садовник промолвить это, вышел из дому Нербала. Увидел он клячу и ржавый меч и расхохотался, да так громко, что садовник и девушка испугались даже.

Стал старик Нербалу уговаривать:

— Не огорчайся, сынок, не тужи.

— А чего огорчаться, — отвечает юноша. — Пойдем, поглядим, что дальше будет.

Потянули они за собой клячу и двинулись на площадь, впереди — Нербала, за ним — садовник.

Подметальщики убрали площадь, очистили место для схватки.

Забили в барабаны. Отделился от дешкюварова войска Ханбала. Вышел ему навстречу старший зять падишаха.

Взглянул Нербала и сразу понял: Ханбала одержит верх.

— Ты постой здесь, — попросил он садовника. — Я сейчас вернусь.

Выбрался Нербала с площади, свернул в укромный уголок и зажег перо. А птица — тут как тут:

— Что случилось?

— Прощу тебя, — сказал Нербала, — доставь сюда коня, льва и одеяние.

Не прошло и пяти минут, как все было готово. Сел Нербала верхом, поднялся на холм, видит: Ханбала уже вяжет руки старшему зятю падишаха.

Забрали люди Ханбалы пленника, повели в свой стан. Загремели победно барабаны в войске Дешкювара. Ханбала горделиво объехал площадь.

Стегнул Нербала скакуна и помчался вниз. Видят все: молнией несется всадник в белой одежде, на белом коне; рядом с ним — страшный лев, над головою — огромная птица.

Прискакал Нербала на площадь и закричал:

— Не хвастай зря, не кичись, Ханбала. Зять падишаха — я. А тот, кого ты взял сейчас в плен, — всего-навсего один из моих рабов. Не веришь — вели проверить, у него на руках клеймо.

Все услышали эти слова. В стане Дешкювара рокот пошел, а в стане падишаха все от удивления за-

мерли: Кто этот молодец? Знал его только один человек — второй зять падишаха, но он, конечно, и словом не обмолвился.

Дешкювар повелел тотчас осмотреть руки пленника. Осмотрели, видят: на обеих руках по клейму. И решили они: значит правду сказал всадник на белом коне: он и есть, настоящий зять падишаха, а этот, клейменный, всего только раб его.

Снова тревожно забили барабаны. Съехались Ханбала с Нербалой. Но недолго длился поединок. С первого же удара сбил Нербала Ханбалу с коня, спешился сам, связал ему руки и подвел его к падишаху.

Падишах не узнал Нербалу, потому что тот закрыл свое лицо белым платком. Вручил ему Нербала пленника и сказал:

— Держи его пока в темнице, падишах. Пройдет день, пройдет второй, а на третий я попрошу отдать его мне.

Поскакал потом Нербала к стану Дешкювара и предупредил его:

— До исхода единоборья мой слуга останется у вас. Если с ним случится что-нибудь — пеняйте на себя.

Сказав это, Нербала хлестнул коня, хотел умчаться прочь. Но в этот миг брат Ханбалы — Бейбала пустил в него стрелу. Стрела вонзилась в руку Нербалы. Обернулся он и сказал:

— Знаю, эту стрелу пустил Бейбала. Я тоже мог бы достать его стрелой. Но я не вероломен. Встретимся завтра на площади.

Вернулся Нербала к своим, приподнялся на стременах и громко сказал, чтобы слышал весь народ:

— Не бойтесь, люди. Завтра в это же время я снова буду здесь.

Заметил падишах: струится кровь из руки Нербалы. Достал он быстро свой платок, перевязал руку юноше, Стегнул Нербала скакуна и в миг исчез из

виду. А как перевалял холм — переоделся, отпустил друзей, направился к садовнику.

— Видал ли ты, сынок, что здесь происходило? — спросил его старик.

— Все видал, — отвечал Нербала. — Это тот самый юноша, который дал мне неувядаемый букет.

Разошелся понемногу народ. Вернулся домой и Нербала с садовником. О случившемся сегодня знал уже весь город. Только никто не ведал, кто же этот всадник на белом коне.

Наступила ночь. Нербалу стала мучить рана. Проснулись садовник и девушка. Слышат: стонет Нербала во сне. Подняла девушка одеяло, увидела повязку, всю в крови, сказала старику. Разбудил тот юношу. Понял Нербала: не уйти от вопросов и говорит:

— Утром я на чье-то копые наткнулся.

Старик развязал руку Нербалы, смазал рану лекарством, сменил повязку. А платок девушка выстирала и повесила сушить в саду на ветку.

Занялось утро. Все встали. Вновь садовник с Нербалой взяли свою клячу и двинулись спозаранку на площадь.

А падишах проходил по саду и заметил на ветке близ дома садовника свой носовой платок, которым он сам перевязал накануне рану на руке всадника на белом коне.

Позвал падишах дочь и спрашивает:

— Откуда этот платок?

— Вчера наткнулся Нербала на чье-то копые, — отвечает она ему. — И этим платком ему кто-то перевязал рану.

Задумался падишах, но додумать до конца так и не успел. С площади послышался грохот барабанов. И падишах заспешил туда.

В этот день вышли помериться силами Бейбала и второй зять падишаха. Опять Нербала оставил под удобным предлогом садовника и пробрался за холм.

А верные друзья уже ждут его. Переоделся он, сел верхом, приготовился.

Не прошло и получаса, как Бейбала сбил падишахова зятя с коня, связал ему руки. Пришпорил тут скакуна Нербала. Снова видят люди: мчится всадник на белом коне, несется рядом огромными прыжками лев, машет над ними крыльями птица.

Влетел Нербала на площадь и возвестил:

— Я и сегодня подшутил над вами. Не с зятем падишаха боролся ты, Бейбала, а с моим рабом. Коли сомневаешься—проверь. И у него на руках мой клейма.

Проверили — верно: и у этого обе руки клейменные. Вновь загрохотали в барабаны. Началась схватка. Сбил Нербала одним ударом Бейбалу с ног, связал ему руки, подвел к падишаху. Однако в этот раз Нербала был ранен в лоб. Вспомнил падишах про свой платок, вытянул из кармана новый, перевязал им рану юноши.

Вернулся Нербала, с садовником домой, обмыл рану на лбу, приложил к ней лекарство. А платок, как и вчера, девушка выстирала поутру и повесила сушить на ветку дерева, что росло возле их дома.

А падишах в этот раз нарочно прошел мимо жилища младшей дочери. Глядит — так оно и есть: и второй его платок висит на дереве.

Кликнул падишах дочь:

— А это что за платок?

А дочь говорит:

— Вчера на площади Нербала поранил лоб. Этим платком была повязана рана. Я постирала его.

Совсем растерялся падишах: что же это за тайна такая? Но долго размышлять ему был недосуг — ведь сегодня был его черед бороться с самим Дешкюваром.

Протяжно забили барабаны. Выехал на площадь Дешкювар. Только собрался сесть в седло падишах, как показался всадник на белом коне. Повернулся он лицом к Дешкювару и крикнул:

— Еще никто из твоих людей не сумел справиться со мной. По правилам, ты должен сперва одолеть меня, а потом уж бороться с моим падишахом. Принимай бой!

У Дешкювара от ярости выступила пена на губах. Выхватил он меч, пришпорил коня и ринулся на юношу.

Но не растерялся Нербала. Метнул он аркан, захлестнулась петля на шее Дешкювара. Дернул юноша веревку и стянул Дешкювара с коня.

Крики радости вознеслись к небесам. И друзья, и враги приветствовали победителя.

Поднял Нербала Дешкювара с земли, крепко связал ему руки. А потом опять вскочил на коня и громогласно возвестил:

— Война окончена! Завтра в это время, на этом же самом месте начнем переговоры. Я сам их буду вести! Возгласы ликования потрясли все вокруг.

Нербала обратился к падишаху Дешкювару:

— Вели привести сюда завтра обоих пленников, которых связали твои люди. И еще, слышал я, была у тебя жена — дочь погонщика верблюдов. — Так вот, чтобы и она была завтра здесь.

— Где я ее найду? — удивился Дешкювар.

— Ищи, где знаешь, — отвечал Нербала. — Но помни: не будет ее здесь завтра — собственными руками отрублю голову и тебе, и твоим сыновьям.

Потом юноша обратился к другому падишаху:

— А с твоей стороны пусть будут здесь завтра, кроме тебя, твой визирь, векиль, все три твоих дочери, да еще старый садовник. Прикажи привести сюда и сыновей падишаха Дешкювара, которые сидят у тебя в плену.

Сказал это Нербала, вскочил на коня и умчался. Все разошлись, исполненные радости.

Вернулся домой Нербала. А садовник говорит ему:

— Кто бы ни был, сынок, этот всадник на белом коне, великое он сделал дело. Шутка ли: какую резню предотвратил. Да еще нас на переговоры пригласил.

— Ну, что же, — отвечает Нербала. — Пойдите, послушайте, о чем там говорить будут, а потом и мне расскажете.

Прошла и эта ночь. Рано утром подметальщики привели в порядок площадь. Сошлись люди с обеих сторон, ждут всадника на белом скакуне.

Ровно в назначенный час в белой одежде, на белом коне прискакал на площадь Нербала. По его знаку привели и усадили по одну сторону — Ханбалу, Бейбалу и Дешкювара, по другую — зятьев падишаха. Потом пришли падишах, визирь, векиль, падишахские дочери и садовник. Привели и мать Нербалы. Бросил он на нее взгляд, будто невзначай, а у самого сердце кровью облилось: совсем она состарилась, высохла — одни кости кожей обтянуты.

Выехал Нербала на середину площади, чтобы все его видели, и спросил громким голосом:

— Вы, наверное, все хотите знать, кто я такой?

— Очень, очень хотим! — слышалось со всех сторон.

— Двое из тех, кто находится здесь, среди вас, знают меня таким, каков я сейчас: пусть они поднимутся! — приказал Нербала.

Никто не встал. Тогда Нербала повысил тон:

— Теперь поздно стыдиться. Не встанете сами — схвачу за горло, силой подниму!

Переглянулись два падишаховых зятя. Нехотя встали.

— Это — мужья твоих дочерей, — обратился к падишаху Нербала. — Ты выдал своих дочерей за них потому, что они проявили геройство, раздобыв для девушек букеты невянущих цветов. Пусть знают все: эти букеты дал им я. А взамен поставил им на правые руки клейма.

Закатили им правые рукава — точно: клейменные руки.

А Нербала продолжал:

— Второй раз они отличились, когда ты заболел. Они принесли для тебя дикую коосулю, которую поймал и дал им я. А я заклеил их левые руки.

Обнажили зятя левые руки — и на них клейма стоят.

— Ну, а какие они вояки — это вы все сами видели. Не будь меня, сидеть бы в плену и им и самому падишаху.

— Правильно! — закричали все. — Верно!

— А теперь — смотрите, кто я такой! — воскликнул юноша, открыл лицо и сбросил с себя белое одеяние, в которое он был облачен поверх обычного платья.

Посмотрели люди и ахнули: Нербала перед ними! Захлопал народ от радости в ладоши. А старик-садовник и младшая дочь падишаха бросились друг другу в объятия и заплакали от счастья, будто малые дети.

Повернулся Нербала в сторону Дешкювара и его сыновей и спросил:

— Ну, а вы узнаете меня?

Но не могли его узнать ни Дешкювар, ни сыновья его Ханбала и Бейбала.

Приблизился он к матери:

— А ты? Узнаешь?

Посмотрела она на юношу, прикрыла веками глаза. Потом открыла их, и бросилась к юноше:

— Нербала! Сын мой!

— Где ты была все это время, мать? — ласково спросил ее Нербала.

— Падишах Дешкювар, отдав тебя дервишу, заточил меня в тюрьму. Я просидела в темнице до вчерашнего вечера.

Понял, наконец, падишах Дешкювар, что перед ним его сын Нербала. Вскочил он и устремился к нему:

— Нербала! Мой сын!

Но Нербала оттолкнул его прочь.

— Если бы ты считал меня сыном, не принес бы в жертву дервишу-людоеду.

А потом, обратясь ко всему народу, сказал:

— И эти, и те всегда надо мной издевались. И имени мне не было другого как верблюжий сын. А все потому, что вот эта женщина, моя мать, не ханского или бекского рода, а дочь простого погонщика верблюдов. Из-за этого падишах Дешкювар отдавал предпочтение другим своим сыновьям, рожденным от высокородных женщин, а меня отдал дервишу, и мать мою бросил в темницу. А вот этот падишах выгнал из дома младшую дочь за то, что она отнеслась ко мне с уважением, как к человеку, хотел подвергнуть наказание старого человека, садовника, усыновившего меня. Теперь все эти люди в моих руках. Я имею право их уничтожить. Но я не стану их убивать. Я заклею им лбы. Пусть все люди видят и знают, что наказаны они за свою жестокость.

Нербала обернулся к садовнику:

— Поднимись-ка, дедушка, влечи им по клейму прямо в лоб.

Встал старый садовник, припечатал черным клеймом Нербалы лбы обоих падишахов, визируя с векилем, двух падишахских сыновей, двух падишахских дочерей, да двух зятьев падишаха.

А Нербала сказал на прощанье народу:

— Я буду жить вот в том замке, что стоит в ущелье, меж двух гор. Если кто вас посмеет обидеть — дайте мне знать.

Сказал он это, забрал свою мать, старика-садовника, младшую дочь падишаха и вместе со своими друзьями — белым конем, львом и птицей удалился в обиталище в расщелине гор.

Сказывают, что пока был жив Нербала, никто из страха перед ним не смел чинить людям зло.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ибрагим (Перевод Б. Таирбекова)	3
Скупой Джульфа (Перевод Дж. Ильдрымзаде)	33
Суд плешивых (Перевод Б. Таирбекова)	46
Три принца (Перевод Дж. Ильдрымзаде)	60
Сказка о сироте (Перевод Дж. Ильдрымзаде)	78
Сказка о Дашдемире (Перевод Дж. Ильдрымзаде)	96
Сказка о двух братьях (Перевод Дж. Ильдрымзаде)	120
Всадник на белом коне (Перевод Б. Таирбекова)	128

Для юношества

АЗЭРБАЙҶАН НАҒЫЛЛАРЫ
АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ СКАЗКИ
Г я н д ж л и к — Б а к у — 1 9 8 7

Редактор И. Новинская, Художник А. Мамедов, Художественный редактор И. Кулиев,
Технический редактор Н. Сулейманов, Корректоры Е. Журавлев, Р. Пашабаскова
ИБ № 1709.

Оглематаво с матриц 4. 11. 87. Формат бумаги 60×84 1/16. Бумага тип. № 2.
Гар. литературная. Печать высокая. Усл. п./л. 9,30+4 вкл. Усл. кр. отт. 10,51.
Изд. л. 7,26. Тираж 100.000. Заказ 989. Цена 35 коп.

Госкомиздат Азерб. ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Издательство «Гянджлик» Баку, ул. Гуси Гаджиева, 4.
Ваканская книжная типография № 3, ул. А. Тагизаде, 4.

35 коп.

